

САНДОРМОХ:
драматургия
СМЫСЛОВ

Ирина Флиге

Санкт-Петербург, 2019

ББК 66.3(2Рос)
Ф-72

Флиге И.А.

Ф-72 Сандормох: драматургия смыслов. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 208 с., ил.

Эта книга рассказывает о том, как многолетний поиск следов «пропавшего этапа» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения, вывезенных с островов в октябре 1937 и бесследно пропавших, — привел к открытию крупнейшего на Северо-Западе России захоронения расстрелянных жертв Большого террора 1937–1938. Но история этим не завершилась, а только началась: вокруг созданного здесь мемориального кладбища завязался тугой узел «коллизий памяти» — явных и неявных столкновений разных концепций осмысления советского прошлого. Книга выстроена как «интеллектуальное приключение» и написана на стыке нескольких жанров: читатель найдет в ней элементы исторического исследования, культурологического анализа, мемуарного повествования и публицистики.

ISBN

© И.А. Флиге, 2019
© О.Р. Николаев, предисловие, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

О. Николаев

Место памяти: герменевтика и драматургия

(предисловие) 5

От автора 11

Акт первый. Потаенная память 14

Тайна приговора, казни, захоронения... 14

«...и человек исчезал навсегда» 17

Четыре смерти Евгении Мустанговой 20

Акт второй. Имя — дата — место 23

«Где могилы наших отцов?» 23

Память Карелии: архивные находки Чухина 24

Память Карелии: поиск захоронений 28

Память Соловков: сообщество помнящих 31

Обретение протоколов 35

Операция по разгрузке Соловецкой тюрьмы:
реконструкция-2018 37

От списка к биографиям 46

Следы декабрьского и февральского расстрелов 50

Поиски «пропавшего этапа»: начало 52

Дело капитана Матвеева 54

Акт третий. Материализация памяти. Сандормох 65

«...таким местом действительно может быть карьер
в районе 16-го км» 65

1 июля 1997 года: захоронению было дано имя — Сандормох 70

«...в целях увековечения...» 73

Открытие мемориального комплекса 76

«...Люди могут побеждать, но для этого нужно найти
пропавший этап» 80

Акт четвертый. Мемориальное кладбище «Сандормох»: сценарии и коллизии.	81
Жизнь места памяти	81
Этноконфессиональные знаки памяти: хроника установки	87
Феномен безымянности.	93
Коллизии украинской памяти.	94
«Люди, не убивайте друг друга»	102
Странный памятник со странной судьбой...	104
5 августа — Международный День памяти:	
траурные церемонии и поминальные обходы.	107
Мемориальное пространство Сандормоха:	
посещения, дополнения, обновления	112
Образ Сандормоха: промежуточные итоги	114
Акт пятый. Память о жертвах террора как форма сопротивления.	116
Сандормох после Крыма и Донбасса	116
Новые смысловые коллизии	118
«Кто именно был расстрелян и кем — вопрос пока открытый»	123
Сандормох — место политического и гражданского сопротивления.	128
Фотоальбом.	133

Место памяти: герменевтика и драматургия (предисловие)

Книга Ирины Флиге, несомненно, уникальна среди работ, посвященных сталинским репрессиям.

Во-первых, объектом исследования становится не история репрессий как таковых, а феномен «места памяти» как живого социокультурного явления, «внутренняя драматургия которого наполнена напряженными диалогами, спорами и конфликтами культурной памяти и истории». То, что обычно является конечной целью традиционного исследования, посвященное Большому террору, — выявление имен расстрелянных, восстановление их биографий, поиск места расстрела и места захоронения — для Флиге веха в биографии «места памяти». Собственно, и сами архивные и экспедиционные изыскания являются фактически формами памяти. Автор не только подробно описывает, как возникло «место памяти» Сандормох, но не менее подробно анализирует, как «место памяти» обретает собственную память — «память места».

Во-вторых, фактически только в этой книге (как и в других работах Флиге) подробно описывается и анализируется жизнь «места памяти»: обустройство, установка памятников, их концепты, воплощающиеся в художественном образе, архитектурной композиции, текстах, и их «биографии», проведение церемоний и возникшие поминальные практики. Автор применяет здесь метод антропологической герменевтики памяти, выявляя и комментируя драматические перипетии, связанные «с поисками смыслов, привязанных к этому месту». Важно, что эта герменевтика основана на включенном наблюдении: Ирина Флиге не только автор книги о Сандормохе — она и одно из главных действующих лиц этой «истории=драмы».

В-третьих, книга Ирины Флиге является методологически значимой для подобных исследований феномена памяти

XX столетия. Феномен рассматривается в исторической протяженности, в осложнениях и трансформациях. Фактически Флиге создана «историческая модель» форм памяти о событиях советской истории: формулы-мифологемы («тридцать седьмой», «десять лет без права переписки» и др.), порожденные «триадой беспамятства» эпохи Большого террора (тайна приговора, тайна казни, тайна захоронения) — поисковые формы памяти (архивные изыскания, экспедиции) — возникновение мемориального пространства — «разноголосие» памятей в этом пространстве, порожденное поиском идентичностей, — идеологические вторжения в «место памяти» — память о жертвах террора как форма сопротивления террору... — открытый финал...

***

Чуть ли не первое, что бросается в глаза при прочтении книги Флиге, — это разногласия дискурсов. Определить жанровую доминанту оказывается непростой задачей. Впрочем, жанровое противоречие с самого начала заявлено автором — история или драма: «Я попыталась здесь проследить историю Сандормоха как драму места памяти».

В повествовании Флиге огромное количество «чужих» дискурсов. Документы НКВД: приказы, протоколы, акты, справки, телеграммы, предписания... Они приводятся большими фрагментами или даже целиком. «Второй акт» перенасыщен энкавэдэшными бумагами и создает жутковатое ощущение репрессивно-бюрократического уничтожения и человеческой жизни, и памяти о ней.

Воспоминания, письма, устные рассказы... Они свидетельствуют о неуничтоженной памяти.

Выступления на днях памяти, статьи, надписи на памятниках... Это тексты, утверждающие право памяти.

Само авторское повествование тоже неоднородно — оно «раскачивается» от «детективных историй» архивных и экспедиционных поисков до статичных «списков» и «перечислений», от личных воспоминаний и «лирических отступлений» самой Флиге до скрупулезной антропологической герменевтики памятников...

«История=драма» места памяти оказывается «амальгамой» дискурсов и жанров. Мне кажется это симптоматичным: память о государственном терроре в России и не может быть подчинена какому-либо одному началу, она действительно драматична и драматургична.

Но все-таки в книге Флиге есть дискурсивная доминанта. Это дискурс поиска — сначала поиска места, позже поиска смысла. Правда, чтобы найти место, нужно было не только вскрыть захоронения, но и смыслы документов, эти захоронения скрывающие. Поэтому можно сказать, что книга Ирины Флиге подчинена тотальному пафосу объяснения. Именно объяснительная модель является доминантой повествования.

Императив объяснения, выявления смысла заводит автора в стороны, на боковые пути, в, казалось бы, не столь значимые детали, так как надо попытаться и дешифровать документальный дискурс НКВД, и разобраться в этноконфессиональных коллизиях памяти, и дать герменевтический комментарий измененной надписи на памятнике... Вследствие этого повествование, казалось бы, частенько отступает от основной событийной канвы, но это только кажется, так как главная интрига и заключена в логике объяснения, а она отнюдь не проста и не линейна.

Эту жанровую «разноголосицу» Ирина Флиге вставляет в метажанровую «раму» — не только дает название «Драматургия смыслов», но и подчиняет свою книгу драматургической структуре, вводя пять актов и определяя для каждого обстоятельства действия: место, исторический контекст и смысловые доминанты.

Конечно, «драматургия» — это в первую очередь метафора. Но ее развертывание в структуру заставляет всерьез задуматься об аналогиях с драмой. «Пять актов» отсылают к классическому жанру трагедии. Трагическая эпоха репрессий, казалось бы, вполне этому соответствует. Но трагедия как жанр отнюдь не свойственна русской традиции, о чем задумывался еще Пушкин, задавая вопрос: «Отчего же нет у нас н. <ародной> трагедии? Не худо было бы решить, может <ли> она и быть».

Разработанная еще Аристотелем концепция трагической вины, которую принимает на себя не злодей, а обычный чело-

век, и встает на путь ее искупления, явно не прививается на русской почве. А если нет трагической вины, то нет и катарсиса, а соответственно, и необходимого для жанра финального выхода на новый уровень исторического и вообще человеческого существования. «Борис Годунов» фактически оказался пушкинским экспериментом, доказывающим невозможность жанра трагедии в русской литературе. Знаменитая ремарка «Народ безмолвствует» фактически свидетельствует об антикатарсисе и о том, что русская история «ходит по кругу», а не развивается по спирали.

«История=драма» Флиге также разворачивается явно по «годуновской модели». Достаточно выписать «формулы памяти» по всем пяти актам, чтобы увидеть эту «антикатартическую» логику.

Акт первый: «тридцать седьмой», «десять лет без права переписки», «Соловки», «затопленная баржа».

Акт второй: «Где могилы наших отцов?»

Акт третий: помнить вместе, помнить здесь.

Акт четвертый: здесь в общих могилах лежат люди разных национальностей и разных вероисповеданий.

Акт пятый: Гулаг продолжается.

История Сандормоха как места памяти символически концентрирует в себе общую историю памяти о Большом терроре и эпохе сталинских репрессий. Флиге так характеризует «главное свойство памяти о терроре в современном российском массовом сознании»: «...есть трагедия, есть невинные жертвы этой трагедии, — *но преступления нет и преступников тоже нет*». По сути, это и есть память о трагической эпохе вне трагической вины, а соответственно, вне ее искупления и без катарсиса.

Упоминание об иной позиции — например, польской делегации на днях памяти — только подчеркивает антитрагедийную природу российской памяти: «Представительство и участие в церемониях посольств и консульств разных стран мотивировано не столько тем, что здесь лежат их соотечественники и те, кого они считают “своими”, сколько памятью об одной из гуманитарных катастроф XX века и памятью о преступлениях против человечности».

Но в книге Ирины Флиге, на мой взгляд, драматургическая природа присутствует не только в отсылке к жанру трагедии. В «истории» Сандормоха можно увидеть и черты еще одного жанра — героической драмы. Ее герой — сама человеческая память, претерпевающая и государственное «беспамятство», и различия этноконфессиональных идентичностей, и современные идеологические трансформации. Она равна себе как настоящий герой героической драмы и воплощается в своих проводниках, в людях, ее восстанавливающих из забвения, сохраняющих и транслирующих. Они и есть настоящие герои «истории=драмы» Сандормоха, как и самой книги. Среди них родственники расстрелянных, И.И. Чухин, Ю.А. Дмитриев, В.В. Иофе, сама Ирина Флиге, множество их соратников и единомышленников...

В выступлении В.В. Иофе на открытии мемориального кладбища 27 октября 1997 года фактически сформулирован императив этой героической драмы памяти:

«60 лет назад великая мировая держава захотела уничтожить тысячу человек так, чтобы даже памяти о них не оставалось. У нее были все возможности государства, у них — только сила собственной личности. Сегодня мы знаем поименно и всех жертв, и всех приговоривших, и всех исполнителей, и тех, кто возил, и тех, кто стрелял, — всех. Это значит, что эти люди победили, что люди вообще могут побеждать, но *для этого нужно одно — найти пропавший этап*».

Через двадцать лет, в 2017 году, в День памяти Ирина Флиге переформулирует этот императив — сохранить память о «пропавшем этапе» в ситуации, когда ей угрожает идеологическая опасность:

«А 20 лет назад нам казалось, что Сандормох, это место, эти акции памяти — это черта между прошлым и сегодняшним настоящим. Но сегодня, к сожалению, мы должны признать: память о терроре не стала памятью. <...> Сегодня мы обойдем все памятники, положим цветы ко всем памятникам всех национальностей и всех конфессий, мы расскажем этим людям, которые здесь лежат, что нам удалось сделать за 20 лет и что — пока нет, но мы обязательно это сделаем».

У книги Ирины Флиге открытый финал: «...мы не в состоянии предсказать, каким станет Сандормох в недалеком будущем...» Но законы жанра все-таки существуют. И у памяти как героя героической драмы обязательно будут люди, ее защищающие, транслирующие и объясняющие все, что с нею происходит...

Олег Николаев

От автора

Урочище Сандормох в окрестностях Медвежьегорска (Карелия) — место массовых расстрелов и захоронений в годы Большого террора. Здесь казнены 5130 жителей Карелии, заключенных и трудпоселенцев Белбалтлага; осенью 1937 года здесь же был расстрелян «соловецкий этап» — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения.

По замыслу палачей, память об этих людях должна была быть вытравлена из народного сознания, сами они забыты, а место захоронения должно было оставаться скрытым навсегда.

Но сегодня мы знаем это место, а тех, кто лежит здесь, можем назвать поименно — это 6241 имя.

Я написала историю Сандормоха как драму, длящуюся более 80 лет. В ее первых двух актах еще нет слова «Сандормох» — оно появляется позже, но совокупность смыслов, привязанных к этой драме, уже начала складываться, и группа (еще не сообщество) «помнящих» уже существует. В третьем и четвертом актах может показаться, что лесное урочище обрело свой окончательный образ. В пятом акте, последнем в моей книжке, но, очевидно, не в реальной жизни, обстоятельства меняются; по сути, он не завершает драму Сандормоха, содержит не развязку, а, быть может, лишь прелюдию к ней. Пьеса еще не окончена.

«Места памяти», согласно трактовке Пьера Нора, это места, на которых складывается память сообщества. «Местами памяти» могут быть и становятся таковыми не только (и не столько) географические точки, но и люди, события, книги, предметы.

Главная функция «мест памяти» (*lieux de mémoire*) — сохранять память групп и сообществ. Они призваны создавать или вмещать в себя представления общества о самом себе и своей истории. Совокупность смыслов, привязанная к месту памяти,

может меняться во времени, обрастать деталями и подробностями, дополняться новыми смыслами. С течением времени может измениться состав и групп, и сообществ «помнящих». Места памяти — это живое социокультурное явление, внутренняя драматургия которого наполнена напряженными диалогами, спорами и конфликтами культурной памяти и истории.

История обретения Сандормоха тесно связана не только с чистой заключенных Белбалтлага, не только с социально-политической прополкой Карелии, но и с историей Соловецкой тюрьмы особого назначения. А Соловки — это не просто место страданий и гибели, это еще и место борьбы. Борцов было очень немного, но они были. И кто-то (пока тоже немногие) принимает на себя и это наследие — наследие погибших борцов. Поэтому Сандормох — это еще и место солидарности с сегодняшними политическими заключенными. С Юрием Дмитриевым. С Оюбом Титиевым. С десятками и, увы, уже сотнями других.

Сегодня в России нет памяти о государственном терроре советской эпохи, вместо нее у нас — наследование прошлого. Кто-то принимает на себя наследие жертв, кто-то — наследие убийц. И пока дела обстоят так, Сандормох — это не место памяти. Сандормох — это место преступления, оставшегося не только безнаказанным, но и, по сути, неназванным.

Мы отказываемся принимать в наследство «причастие буйвола». Но мы отказываемся принимать и наследие жертв. В Сандормохе мы причащаемся (в точном и прямом смысле слова — становимся причастны) к борьбе за правду. Сандормох — это место борьбы. И только победив в этой борьбе, мы будем вправе назвать его «местом памяти». Не жертв и не героев. А просто мемориальным кладбищем — местом памяти о когда-то убитых здесь людях, наконец нашедших свои имена и свои могилы.

* * *

История Сандормоха — это и моя личная история, длиной в тридцать лет, и началась она во время первых Дней памяти 1989 года на Соловках. Для меня история и память — это не

про ужасы и кошмары прошлого, не про войны и катаклизмы, это про сегодня — про любовь, дружбу, сопереживание и сопонимание. Про ответственность, про интеллектуальную честность и точность в поисках смыслов.

Эта книга написана по мотивам доклада, сделанного в сентябре 2017 в Варшаве, на конференции «Польская операция НКВД». Но мне не удалось бы превратить доклад в книгу без помощи моих друзей и коллег — Андрея Блинушова, Александра Даниэля, Елены Кондрахиной, Татьяны Косиновой, Сергея Кривенко, Льва Крыленкова, Евгении Кулаковой, Светланы Кульчицкой, Ирины Левинской, Татьяны Моргачевой, Олега Николаева, Никиты Охотина, Юлии Середы, Николая Соколова, Александра Ходота; я искренне благодарна им всем за их советы, критику и поддержку.

Ирина Флиге

Акт первый

ПОТАЕННАЯ ПАМЯТЬ

Время действия:	1937–1956–1986
Исторический контекст:	годы террора, годы умалчивания
Интенция памяти:	хранить память о «своих» — убитых, исчезнувших, сгинувших; узнать о судьбе
Формулы памяти:	«тридцать седьмой», «десять лет без права переписки»; «Соловки», «затопленная баржа»

Тайна приговора, казни, захоронения...

Судьбы казненных в ходе так называемых массовых операций НКВД 1937–1938 годов в течение многих десятилетий оставались неизвестными для всех людей, так или иначе связанных с расстрелянными: близких, остававшихся на воле; однодельцев, приговоренных к лагерным срокам; случайных сокамерников в следственных тюрьмах.

Государственной тайной был сам факт расстрела. Вначале родственникам казненных отвечали: «не числится». С 1939 года устно сообщали об «осуждении к 10 годам лишения свободы без права переписки». С осени 1945 года на их запросы стали отвечать, что их муж, сын, брат, отец... умер во время отбывания лагерного срока в 1942 году от туберкулеза, или в 1943 от инсульта, или в 1944 от воспаления легких. Отвечали по большей части тоже устно. Если же родственники настаивали на получении официального документа, им выдавали фальшивые свидетельства о смерти. В 1955 году, в разгар хрущевской реабилитации, эта практика была подтверждена специальным приказом¹.

¹ Директива Председателя КГБ №108 от 24 августа 1955 года «О порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания» // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т.1: Март 1953 — февраль 1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С.254–255.

С начала 1960-х годов об осужденных в 1937–1938 «тройками» или «двойками» разрешили сообщать, что они расстреляны, — но лишь в том случае, если в деле не было более ранних запросов, в ответ на которые родственникам были выданы фальшивые справки². Только с конца 1980-х стали официально выдавать документы, содержащие правдивые сведения о судьбе тех, о ком раньше солгали³.

Государственной тайной оставались места казней. По сей день официально не обнародован список расстрельных мест: не опубликованы ни перечень тюрем НКВД, в подвалах которых производились расстрелы, ни даже названия географических пунктов, близ которых находились расстрельные полигоны. Возможно, что ключи от этой тайны почти всюду утеряны и самими расстрельными ведомствами — документы уничтожены или утрачены.

Места захоронений казненных также оставались государственной тайной. Согласно секретному регламенту, в актах о приведении приговора в исполнение место захоронения не фиксировалось.

Где были убиты эти люди? Когда? В каком месте погребены их тела?

Для близких арест еще не был равносителен исчезновению человека. Можно было выстоять очередь в приемной НКВД и попытаться навести справки об арестованном. Можно было разыскать его в одной из следственных тюрем, отнести передачу. Но однажды передачу не приняли — «у нас такой не числится»,

² Постановление Президиума ЦК КПСС от 15 февраля 1963 года (утверждена докладная Председателя КГБ №3265с от 26 декабря 1962 года) // Реабилитация: как это было. В 3 т. Т.2: Февраль 1956 — начало 80-х годов. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С.417–419. На основе постановления — указание КГБ №20сс от 21 февраля 1963 года.

³ Записка Председателя КГБ «О порядке разрешения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов» от 4 июля 1988 года // Реабилитация: как это было. В 3 т. Т.3: Середина 80-х годов. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. С.82–84; Записка М.С. Соломенцева в ЦК КПСС «О порядке разрешения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов» от 22 августа 1988 (утверждена членами Политбюро 12 сентября 1988) // Там же. С. 117.

а потом сообщили: «Десять лет без права переписки». И хотя эта лживая формула позволяла многим питать в течение ряда лет какие-то надежды, с этого момента человек исчезал для близких. И это исчезновение было подобно смерти, но смерти неведомой: без даты, без места, без тела, без похорон, без могилы.

Тайна приговора, тайна убийства, тайна могилы — все это способствовало и продолжает способствовать возникновению самых невероятных легенд и слухов вокруг обстоятельств казней и захоронений.

***

Для семей расстрелянных жителей Карелии, как и для большинства семей расстрелянных по всем регионам СССР в годы Большого террора, память о гибели родных и близких, представление об их неизвестной могиле оставались сугубо семейным, часто — исключительно индивидуальным знанием. «Местами памяти» для них становились случайные домашние предметы, ставшие реликвиями, старые фотографии и казенные справки. Эта память сохранялась в семьях, хотя ее не всегда передавали детям и внукам, а при посторонних обходили молчанием⁴.

Но даже в молчании, в тайной памяти шепотом эта память имела свое место и имела свою группу помнящих, пусть разобщенную, пусть состоящую из людей, не знакомых друг с другом, но обладающих общими формульными кодами: «37-й», «десять лет без права переписки».

⁴ В некоторых случаях память, конечно, сохранялась не только в семьях; в профессиональных, религиозных сообществах, в некоторых национальных движениях передавалась память о «своих», память о своей национальной элите. В рамках нашей темы это замечание особенно применимо ко многим расстрелянным из «соловецких списков», где было немало представителей этих элит: чувашская интеллигенция всегда помнила об основоположнике своей национальной литературы Куземае Герде (К.П. Чайникове), украинская интеллигенция — о театральном режиссере Лесе Курбасе, литературоведах Миколе Зерове и Антоне Крушельницком, гидрологи и метеорологи — об основателе советской гидрометслужбы Алексее Вангенгейме, католики — о прелате Петре Вейгеле и так далее.

«...и человек исчезал навсегда»

Иначе обстояло дело с родными и близкими расстрелянных соловецких заключенных. Их место памяти было сформировано не 37-м годом и не исчезновением вскоре после ареста. Родные и близкие соловецких заключенных постоянно находились на связи с ними: носили передачи в тюрьму, знали о приговоре, сроке, писали и получали письма, отправляли посылки, некоторые ездили на свидания. Строили планы на будущее, на после освобождения — где жить, кем работать.

«Быть может и приведется мне к 1938 году вернуться домой. Пока трудоспособность у меня сохранена, как и умственные способности, и при праве моем на труд, принадлежащем всем советским гражданам, я не сяду никоим образом на твои хлеба. Всю жизнь я жил самостоятельно, так ее и кончу. Конечно, все это пока мечты...»⁵

«Хочу надеяться, что через несколько лет (а это очень много в смысле легкости ожидания для Папы!) необходимость в ваших зарабатываниях для себя и блудных детей отпадет <...> поехал бы даже в Колыму с удовольствием на заработки, там, говорят, нужны люди не только с физической силой, а зарабатывают заключенные что-то очень много. Видите, какие блестящие мечты лелеет человек, заканчивающий восьмой год сиденья!»⁶

«Интересно, сколько еще времени я буду называться заключенным? Я так привык к этому положению, что просто буду чувствовать [себя] до боли непривычно в новом положении, хотя бы и ссыльного, что иногда хуже лагерной жизни. Думаю, осталось сидеть не больше 1–1 ½ года»⁷.

Переписка оборвалась летом 1937 года. Родные гадали, в чем причина: ужесточение режима, перевод в другой лагерь?

⁵ Письмо А.В. Бобрищева-Пушкина к жене с Соловков. Б/д. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁶ Письмо Г.Д. Марченко домой. 07.08.36. (Копия). Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁷ Письмо Г.Д. Марченко домой. 17.04.37. (Копия). Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Писали запросы, искали по разным лагерям и тюрьмам — не получали ответов или получали лаконичное: «не числится». С годами неизвестность превратилась в уверенность в их гибели. Но где и как? Они ничего не знали не только о расстреле своих близких, но даже об их отправке с островов. Позже стали доходить слухи о затопленной барже, а от вернувшихся с Соловков стало известно об отправке оттуда больших этапов осенью 1937 года. Устойчивый миф об умышленном затоплении баржи с заключенными как простом и быстром способе убийства ненужных советской власти людей, бытовал на всем пространстве ГУЛАГа: это и Финский залив 1918 года⁸, и Енисей начала 1930-х⁹... Но история про баржу с заключенными, затопленную в Белом море, получила наиболее широкое хождение.

Местом смерти — и местом памяти — для них стали «Соловки» («остров смерти») и «баржа». Эти коды не изменились и тогда, когда жены и дети стали получать справки о посмертной реабилитации и фальшивые свидетельства о смерти; более того, они продолжают бытовать и в современном обществе.

В соловецкой мемуаристике сохранились свидетельства о бесследном исчезновении более тысячи заключенных. Впрочем, наряду со сведениями об отправке этапов, бывшие заключенные рассказывали и о расстрелах под Секиркой, и о потопленной барже.

«На проверке зачитали огромный список — несколько сотен фамилий — отправляемых в этап. Срок подготовки — два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие — прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этапизируемых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам,

которые выводили на берег бухты Благополучия. <...> Мелькали вперемешку знакомые и незнакомые лица. <...> А ряды все шли. Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был уже второй этап из Соловков, названный “большим” <...>. После трех этапов кремль совсем опустел. <...> Все ждали: будет четвертый этап или нет. Прошел страшный слух, будто второй этап был утоплен в море»¹⁰.

«В 1937 году, глухим соловецким вечером, по всем камерам бегали конвоиры и кричали: “Такой-то с вещами”. Каждый наспех хватал свой “одр” и, поцеловавшись с приятелем, следовал за конвоиром. Всех собирали возле северных ворот соловецкого Кремля. Далее вели к пустым баракам сельхоза, где проводился предварительный досмотр заключенных (в порту был еще предпоследний, а последний на материке “Морсплаве”). <...> На “Морсплаве” группу, с которой отплыл Зеров, еще раз обыскали, отобрали личные, не лагерные вещи, одели всех только в лагерную одежду, обрезали пуговицы и забрали пояса. Поездом с усиленным конвоем куда-то увезли. Уже в январе 1938 года, когда я был на том самом “Морсплаве”, отобранные у заключенных этого этапа вещи разворовывали “урки” и вольнонаемные энкавэдэшники»¹¹.

«...много увозили, слухи ходили, что целую баржу утопили...»¹²

«Ежедневно, а вернее еженощно, кого-то вызывали с вещами, и для нас человек исчезал навсегда»¹³.

«В 1937 году началась кровавая расправа над заключенными. <...> В то время забирали людей (в большинстве с 10-летним сроком), и они “исчезали”. <...> Было лагерникам известно, что людей отводили с усиленной охраной, даже с пулеметами, в сторону Секирной горы»¹⁴.

⁸ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «PUICO» P.S., 1990. С.62.

⁹ Феррапонтов А. Судьбы их неизвестны // Городские новости (Красноярск). 25.08.1998; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. С.163.

¹⁰ Чирков Ю.И. А было все так... М.: Политиздат, 1991. С.173–176.

¹¹ Підгайний С. Українська інтелігенція на Соловках (спогади 1933–1941). [Мюнхен]: «Прометей», С.78. Перевел с украинского Н. Соколов.

¹² Фаворский А.Г. Интервью 1990. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹³ Чашей В.С. Из воспоминаний. Рукопись. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹⁴ Щегольков С.В. Из воспоминаний. Рукопись. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Четыре смерти Евгении Мустанговой

Для родственников эти люди пропали еще раньше, когда с ними оборвалась переписка; но их помнили, искали, пытались выяснить их судьбы.

«Еще в мае 1937 года [Гриша] получает посылку, посланную мной с Украины из родного дома. Об этом мне рассказывают уже на Колыме в 1939 году прибывшие туда бывшие свиноводы совхоза Муксолма, которых он угощал этой посылкой. Услышав на поверке в лагерном Магаданском бараке мою фамилию и имя, они не сразу подошли (сыск был и в бараках!), затем осторожно выспросили — есть ли кто у меня еще? Оказалось, они работали у Гриши на свиноводке еще летом 1937 года, затем все там изменилось: старых лагерников, кончающих сроки, как и брата, опять арестовали, опять судили и дали сроки. Вернее, просто расстреляли. Тогда мне эти женщины не сказали правды, а после ряда лет, когда встретили меня уже освободившейся на улице Магадана, рассказали, что имя брата было в числе тех 62-х фамилий, которые им перестучали в пересыльную камеру, отправляя с Соловков на Колыму... Потом мать наша получила две похоронных: от 37-го года и от 43-го. Вторая была из Ленинградского ЗАГСа. Туда я лично обратилась с вопросом: как могло случиться, что Ленинградский ЗАГС — а брат не жил, не учился и не бывал в Ленинграде — выдает такую справку? На основе какого документа? Мне невнятно ответили, что “по списку”. Да, решили где-то “навести порядок” — и по ЗАГСам разослали списки где-то давно погибших людей, просто потому, что здесь работники были менее загружены писаниной... И вот мы, оплакав брата, вдруг узнаем, что умер не в 37-ом, а в 43-ем! Где был эти годы? Что с ним было? Как и кем работал? Как погиб?»¹⁵

«Я уже знала, что они [родители] не вернуться. Я когда началась вот эта вот, в 56-м году, я начала ходить насчет них, я у первого там, не помню, кто по чину был, я спросила, что, ну...

¹⁵ Письмо З.Д. Марченко в НИЦ «Мемориал» (СПб.). 29.09.1990.

они не живы уже? Он мне сказал — девушка, ну если бы они были живы, они бы уже написали...»¹⁶

Как для жителей Карелии, чьи родные были расстреляны в годы Большого террора, так и для близких исчезнувших соловецких заключенных знание об аресте и исчезновении родных десятилетиями оставалось сугубо приватным. Тем не менее неотвязная внутренняя потребность — *узнать о судьбе* — не отпускала, росла и усиливалась, становилась сверхзадачей личной памяти. Все эти годы дети, сестры и вдовы «соловчан» продолжали писать запросы, искать сосидельцев своих сгинувших родных, знакомиться друг с другом. Родные и близкие расстрелянных — Р.М. Полоз, З.Д. Марченко, Э.А. Вангенгейм, Е.А. Делибаш и многие другие — пытались выяснить их судьбу. Они по крохам собирали свидетельства, коллекционировали слухи: о потопленной барже, о массовых расстрелах на самих Соловках, под Секирной горой.

И в заключение первого акта нашей «драмы памяти» приведу фрагменты из воспоминаний А.Я. Розиной — о том, как она добивалась правды о гибели своей сестры, писательницы Евгении Мустанговой:

«После XX съезда партии я подала заявление о пересмотре Жениного дела на предмет ее реабилитации, и в 1956 году получила справку. Так как в справке было указано: “Посмертно” я скрыла ее от мамы...»¹⁷

«В ноябре 1956 года мы получили первое свидетельство о Жениной смерти. Там говорилось, что Женя умерла от крупозного воспаления легких в 1940 году»¹⁸.

«Новые попытки узнать правду о судьбе Жени я предприняла в 1988, в расчете на благотворное влияние перестройки... Я продолжала ходить <...> и получила второе свидетельство о Жениной смерти, в нем была изменена только дата смерти: теперь это было 4 ноября 1937 года. А возраст бездушный писарь, или кем он там работал в КГБ, оставил тот же: 35 лет.

¹⁶ Полоз Р.М. Интервью 2005. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹⁷ Розина А.Я. У памяти в гостях. СПб.: Нарвская застава, 1993. С.25.

¹⁸ Там же. С.27.

Получалось, что и в 40-м, и в 37 году Жене было одинаково 35 лет. В графе “место смерти” стояло — Ленинград»¹⁹.

Через месяц А.Я. Розина получила третье свидетельство, в котором на месте причины смерти стоял прочерк, а в качестве места смерти указаны Соловецкие острова.

«...Когда я пришла в ЗАГС получить четвертую по счету справку о Жениной кончине, с меня потребовали сдать все предыдущие, как теперь выяснилось — ложные. <...> Я сняла со всех справок нотариально заверенные фотокопии и после этого отнесла оригиналы в ЗАГС. И получила страшную в своей правдивости бумагу, в которой стояло: “Причина смерти расстрел; место смерти — Соловецкие острова”»²⁰.

Позднее Анна Яковлевна узнала, что эта «страшная в своей правдивости бумага» так же солгала ей, как и предыдущие. Возможно, впрочем, что это не было сознательной ложью, просто сотрудники архива Ленинградского УКГБ тоже ничего не знали о настоящем месте казни ее сестры и еще 1110 человек, расстрелянных вместе с ней. Теперь мы знаем это место: Карелия, окрестности Медвежьегорска, урочище Сандормох.

¹⁹ Розина А.Я. У памяти в гостях. СПб.: Нарвская застава, 1993. С.27–28.

²⁰ Там же. С.29.

Акт второй ИМЯ — ДАТА — МЕСТО

Время действия:	1987–1996
Исторический контекст:	растабуированное прошлое
Интенция памяти:	назвать имена, найти могилы, положить цветы
Формулы памяти:	«Где могилы наших отцов?»

«Где могилы наших отцов?»

В самом конце 1980-х годов родным наконец стали сообщать правдивые сведения о приговоре, дате его вынесения и дате расстрела — но не о месте казни и никоим образом не о месте захоронения. В разных городах страны проходили «недели совести». На импровизированных «стенах памяти» люди писали имена своих близких, не вернувшихся домой. На митинги выходили с плакатами «Где могилы наших отцов?». Те места памяти, которые возникали в эти годы, носили, как правило, символический, заместительный, временный характер:

- «мы будем вспоминать о погибших здесь — до тех пор, пока не найдем правильного места памяти»;
- «мы устанавливаем закладной камень — временно, до установления настоящего памятника»;
- «сегодня мы обустроиваем нашим расстрелянным символическую могилу — пока не найдем подлинное место захоронений».

С конца 1980-х годов стали формироваться символические публичные акции памяти — панихиды по погибшим, заместительные траурные ритуалы. Так, в 1988 году в Петербурге родилась и до сих пор проводится ежегодно в первую субботу июня церемония спуска цветов в воды Невы в память об умерших и убитых в тюрьмах Петрограда-Ленинграда, чьи могилы не найдены.

Тогда же стали возникать первые поисковые группы, объединившие людей, главным стремлением которых было желание положить цветы на могилу близкого человека. Личные устремления сливались с общественным запросом и во многом его формировали — поисковые группы образовались тогда повсеместно, почти в каждом городе и районе, к ним примкнули краеведы, историки, журналисты.

Память Карелии: архивные находки Чухина

В Петрозаводске, как и во многих городах страны, к 1990 году возникло общество «Мемориал». Инициатором его создания и председателем общества стал Иван Иванович Чухин. Будучи полковником, старшим следователем по особо важным делам МВД Карелии, он в 1990 году — на перестроечной волне — был избран в Верховный Совет России, где был, в частности, одним из авторов Закона о реабилитации жертв политических репрессий. В 1993 году И.И. Чухин стал депутатом Государственной Думы. Но главной своей задачей он считал исследование истории террора и Гулага в Карелии.

К середине 1990-х годов Чухин нашел ключевые материалы по истории массовых операций Большого террора: полные комплекты протоколов заседаний карельской «тройки» и постановлений московской «двойки» по карельским «альбомам» (эти постановления отсылались в регионы для приведения приговоров в исполнение).

На основании этих материалов Чухин к середине 1990-х годов составил хронологические таблицы всех казней²¹:

- отдельно по приговорам карельской «тройки»;
- отдельно по приговорам московской «двойки»;

²¹ Чухин И.И. Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1999. (Приложения 15, 16, 17). С.153-159.

— отдельно по приговорам Особой тройки НКВД Карелии, созданной в сентябре 1938 по приказу наркома №00606 для завершения «национальных» операций²².

В таблицы входили следующие данные: дата расстрела; место расстрела (т.е. ближайший населенный пункт); количество казненных; фамилии сотрудников НКВД, совершивших казнь.

В таблицах Чухина фигурирует 11 карельских топонимов: Петрозаводск, Медгора, Кемь, Сегежа, Пудож, Водораздел, Олонец, Ругозеро, Сосновец, Кандалакша²³, Реболы, Кондопога, Уросозеро, Беломорск. (В Карелии, в отличие от подавляющего большинства регионов, в рапортах об исполнении приговоров указывался район казни — близлежащий населенный пункт. Реально за каждым из этих обозначений могли скрываться многие десятки квадратных километров глухой карельской тайги²⁴.)

Приведу выдержки по Медгоре:

Хроника расстрелов по постановлениям тройки НКВД КАССР

<i>Дата</i>	<i>Количество</i>	<i>Исполнители</i>
11.08.1937	5	Александров
21.08.1937	12	Александров, Бондаренко
01.09.1937	45	Александров, Бондаренко
02.09.1937	17	Александров, Бондаренко
04.09.1937	13	Александров, Бондаренко
08.09.1937	19	Александров, Бондаренко
10.09.1937	41	Александров, Бондаренко

²² По всей видимости, приговоренных к смерти разными внесудебными органами никогда или почти никогда между собой не смешивали. Казни проводились по строго ведомственному принципу: приговоренных «тройкой НКВД КАССР» (созданной по 447-му приказу) расстреливали отдельно; приговоренных «Особой тройкой НКВД КАССР» (созданной по 606-му приказу) — отдельно; приговоренных «двойкой» (Комиссией НКВД и Прокурора Союза) — отдельно.

²³ В мае 1938 Кандалакша и Кандалакшский район были выведены из состава Карельской АССР и переданы в Мурманскую область.

²⁴ Более того, одним и тем же топонимом в разных рапортах могла обозначаться не одна, а две или даже три расстрельные точки. Доподлинно этот факт установлен в отношении пометы «Петрозаводск»; есть определенные подозрения, что за пометой «Медгора» (т.е. Медвежья Гора — нынешний Медвежьегорск) также стоят не один, а два расстрельных полигона.

<i>Дата</i>	<i>Количество</i>	<i>Исполнители</i>
13.09.1937	17	Александров, Бондаренко
15.09.1937	59	Александров, Бондаренко
22.09.1937	14	Александров, Бондаренко
28.09.1937	40	Александров, Бондаренко
29.09.1937	22	Александров, Бондаренко
03.10.1937	12	Бондаренко
04.10.1937	39	Бондаренко
29.10.1937	22	Бондаренко
11.11.1937	18	Бондаренко
14.11.1937	15	Бондаренко
26.11.1937	48	Шондыш, Бондаренко, Долинский
28.11.1937	94	Шондыш, Бондаренко
03.12.1937	10	Бондаренко
04.12.1937	22	Бондаренко
09.12.1937	146	Шондыш, Бондаренко
15.12.1937	78	Шондыш, Бондаренко
19.12.1937	19	Шондыш, Бондаренко
26.12.1937	44	Шондыш, Бондаренко
08.01.1938	245	Шондыш, Бондаренко
09.01.1938	104	Шондыш, Бондаренко
10.01.1938	92	Шондыш, Бондаренко
18.01.1938	77	Шондыш, Бондаренко
20.01.1938	91	Шондыш, Бондаренко
21.01.1938	291	Шондыш, Бондаренко
01.02.1938	43	Шондыш, Бондаренко
04.02.1938	51	Долинский, Зайцев, Шондыш
04.03.1938	70	Шондыш, Зайцев
31.03.1938	63	Долинский, Зайцев
10.04.1938	31	Долинский, Зайцев
19.04.1938	29	Долинский, Зайцев
25.04.1938	81	Долинский, Зайцев
07.05.1938	52	Зайцев
03.06.1938	24	Зайцев
20.06.1938	9	Зайцев, Ивашкевич
05.07.1938	38	Зайцев
07.08.1938	78	Зайцев
16.08.1938	18	Сестринский
10.09.1938	95	Зайцев, Медведев
17.09.1938	24	Зайцев, Сестринский
27.11.1938	189	Зайцев, Сестринский
26.11.1937	5	Шондыш, Бондаренко, Долинский

Хроника расстрелов по постановлениям [Комиссии] НКВД и Прокуратуры СССР

<i>Дата</i>	<i>Количество</i>	<i>Исполнители</i>
28.12.1937	138	Шондыш, Бондаренко
09.01.1938	60	Шондыш, Бондаренко
20.01.1938	160	Шондыш, Бондаренко
21.01.1938	143	Шондыш, Бондаренко
31.01.1938	13	Шондыш, Зайцев
10.02.1938	82	Травин, Воронков, Татарский
11.02.1938	110	Травин, Воронков, Татарский
24.02.1938	6	Долинский, Зайцев
03.04.1938	96	Пушкин, Воронков, Коновалов
Итого	3479	

Обилие расстрельных урочищ в Карелии можно объяснить наличием мощного, рассредоточенного по всей территории республики, лагерного комплекса — Белбалтлага (ББЛ). Хотя строительство Беломорканала официально завершилось в 1933 году, но еще в 1937–1938 годах ББЛ оставался одним из самых крупных лагерей СССР: на «достройке» и обслуживании канала было занято от 60 до 80 тысяч заключенных. В ходе Большого террора петрозаводская «тройка» приговорила к расстрелу не менее 2500–2600 каналоармейцев. Из них:

- 1200 — в соответствии с директивой наркома №409 от 05.08.1937 (по этой директиве Белбалтлагу был выделен лимит казней на 800 заключенных, но 15.10.1937 этот лимит был увеличен еще на 400 человек);
- еще от 1369 до 1399 человек было расстреляно вне лимита, по так называемой «директиве о беглецах»²⁵.

²⁵ Директива о беглецах: Директива заместителя наркома внутренних дел СССР М.А. Рыжова №38671 от 17.12.1937 всем начальникам лагерей ГУЛАГа об осуждении беглецов из лагерей в порядке приказа №409. Приказ (директива) №409 от 05.08.1937 регламентировал чистку лагерей (особый порядок расправы над заключенными: по ним вообще не вели следствия и не заводили новых дел, ограничиваясь составлением на каждого краткой справки-характеристики). Справки на заключенных передавались на «тройку» Управления НКВД по тому региону, в котором дислоцировалось лагерное управление.

В те же годы И.И. Чухин и его помощник Юрий Алексеевич Дмитриев начали составлять карельскую Книгу памяти жертв террора; к 1997 году им удалось собрать около 15 тысяч имен с краткими биографическими сведениями, из них 12 453 расстрелянных²⁶.

Отмечу, что сам И.И. Чухин не занимался поиском мест захоронений расстрелянных: его интересовали в первую очередь механизмы и масштабы деятельности НКВД и созданных им органов внесудебной расправы в Карельской АССР. На первом этапе создания Книги памяти Карелии он не ставил перед собой также и задачу привязки списков жертв к конкретным казням и конкретным местам захоронений. Кроме того, материалы, собранные им для Книги памяти, нуждались в ряде дополнений, уточнений и сверок с другими источниками — прежде всего с архивно-следственными делами. Конфигурация документальных комплексов в карельских архивах была такова, что эта задача в принципе оказалась решаемой, а документы, обнаруженные Чухиным, — ключом к решению. После смерти Ивана Ивановича весной 1997 труд по завершению карельской Книги памяти взял на себя Юрий Дмитриев: он внес в данные Чухина необходимые дополнения и уточнения, выполнил колоссальную работу по сверке материалов Чухина с архивно-следственными делами, осуществил привязку конкретных имен к перечню районов захоронений. Книга памяти вышла в 2002 году²⁷.

Память Карелии: поиск захоронений

Что касается поиска захоронений на местности, то в Карелии он шел так же, как и везде, — стихийно, вне связи с архивными находками Чухина. Первые захоронения расстрелянных были обнаружены в окрестностях города Пудож (урочище Черная

²⁶ Поминальные списки Карелии. 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч.2. Большой террор / Правительство Республики Карелия, УФСБ России по Республике Карелия, Академия социально-правовой защиты; сост. И.И. Чухин, Ю.А. Дмитриев. Петрозаводск, 2002. 1087 с. С.6.

²⁷ Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия. Указ. изд.

речка) в мае 1989 года краеведом Е.Г. Ниловым. Место расстрелов было определено по рассказам местных жителей. На участке площадью примерно 3 га было обнаружено не менее 7 могильных ям; проведена эксгумация и получено заключение Прокуратуры Карельской АССР. 14 октября 1989 года эксгумированные останки были перезахоронены на месте их обнаружения; там же установлена стела с надписью: «Памяти жертв репрессий в Пудожском районе в 30–40-х годах»²⁸.

Затем были обнаружены два захоронения в городской черте Петрозаводска. На одно из них наткнулись рабочие-землекопы при проведении земляных работ в районе Сулажгоры, рядом с кирпичным заводом. Второе, в районе пос. Бесовец, было обнаружено петрозаводскими краеведами по рассказам старожилов и подтверждено целенаправленными раскопками. В 1991–1993 годах останки из обоих захоронений были извлечены и торжественно перезахоронены на Зарецком кладбище, где для них был сооружен мемориальный комплекс. А на Сулажгоре был воздвигнут восьмиметровый поклонный крест.

Следующее место захоронения было обнаружено в 19 километрах от Петрозаводска, близ села Деревянное, в лесном массиве Красный Бор. Это открытие не стало неожиданностью для местных жителей — им было известно о расстрелах, происшедших где-то в окрестностях села в 1930-е годы. В течение нескольких лет двое жителей Деревянного, отец и сын Чугунковы, искали это захоронение и наконец нашли в Красном Бору место, отмеченное характерными проседаниями почвы²⁹.

²⁸ Памятное место имеет статус объекта культурного наследия регионального значения (постановление Председателя Правительства РК №333 от 25.05.1998).

²⁹ Осенью 1997 и летом 1998 захоронение исследовал Ю.А. Дмитриев. Прокуратура Прионежского района, в свою очередь, провела проверку и подтвердила факт проведения в этих местах массовых расстрелов; по данным прокуратуры, расстрелы проводились в два периода: с 9 августа по 15 октября 1937 и с 26 сентября по 11 октября 1938. В 1998 состоялось открытие мемориального комплекса, созданного в Красном Бору администрацией Прионежского района Карелии, и перезахоронение останков, извлеченных из 40 могильных ям, в братскую могилу, устроенную на въезде в мемориал. Позднее Дмитриеву удалось по архивным материалам установить число казненных и имена большинства из них.

Что касается места расстрела «Медгора», которое для нашей истории имеет ключевое значение, то, несмотря на архивные находки Чухина, знание о существовании где-то близ Медвежьегорска крупного расстрельного полигона оставалось неизвестным широкой публике и даже исследовательскому сообществу в целом. К тому же это знание носило предварительный характер: работа не была опубликована, имена к этому гипотетическому полигону привязаны не были — только численность.

Однако Дмитриев, разумеется, был в курсе полученных Чухиным результатов и планировал обследовать окрестности Медвежьегорска на предмет обнаружения здесь массовых захоронений расстрелянных.

В какой-то момент показалось, что он напал на след. В одном из актов о приведении в исполнение смертных приговоров, вынесенных на самом первом заседании «карельской тройки», при старте операции по приказу №00447, имеются удивительно точные указания о месте расстрела и захоронения: трупы приговоренных захоронены «в 500 метрах Юго-Западной стороны Челбинского [скорее всего, здесь описка — следует читать «Чебинского». — И.Ф.] тракта на 10-м километре от станции Медгора». Этот акт хранится в архиве УФСБ по РК вместе с протоколом №1 заседания «тройки» от 7 августа 1937 года и относится лишь к четырем или пяти приговоренным — а именно к тем, кого казнили 11 августа близ Медгоры (расстрелы по протоколу №1 происходили также в Петрозаводске и Кеми и длились несколько дней, от 9 до 13 августа)³⁰.

³⁰ Цитируется по конспекту, сделанному в августе 1997 года Т.В. Моргачевой в ходе совместной с Дмитриевым работы с протоколами троек в архиве УФСБ по РК. Документ вызывает много вопросов. Почему только в этом акте даны такие точные ориентиры места казни? Напомню, во всех остальных актах указан только ближайший населенный пункт. Можно строить разные предположения и гипотезы; возможно, например, что по тем или иным причинам «обычное» место было недоступно — например, неподалеку от него велись какие-то дорожные работы и могла возникнуть угроза расконспирирования казней. Столь же вероятно предположение, что в начале августа 1937 полигон, удовлетворяющий требованиям секретности, еще не начал функционировать и первая казнь была проведена в случайном месте.

Обнаружив этот документ, Дмитриев пытался найти захоронение в указанном месте, но безуспешно.

Итак, к весне 1997 года ни расстрельный полигон в районе Медгоры, ни списки расстрелянных в Медгоре не стали местом памяти. Для Карелии таковым пока оставалось метафизическое — «37-й», а также памятники на найденных местах захоронений в окрестностях Петрозаводска и Пудожа.

Память Соловков: сообщество помнящих

Начнем с формирования сообщества помнящих, возникшего вокруг места памяти «Соловки». Уже в 1924 году, в год образования лагеря, в эмигрантской печати звучит слово «Соловки» как место бессудного расстрела шести политзаключенных эсеров 19 декабря 1923 в Савватьевском политситу. Затем выходят в свет воспоминания-свидетельства соловчан, бежавших из лагеря: С.А. Мальсагова (Лондон, 1926), Ю.Д. Бессонова (Париж, 1928), И.М. Зайцева (Шанхай, 1931), М.З. Никонова-Смородина (София, 1938), В.В. Чернавина (1935). После Второй мировой войны среди оказавшихся на Западе бывших соловецких заключенных также нашлись пишущие: С.А. Пидгайный (ФРГ, 1947, 1949), Г. Андреев (Г.А. Хомяков) (ФРГ, 1950), Борис Ширяев (США, 1954), Михаил Розанов (США, 1979) и многие другие. Слово «Соловки» уже в годы террора стало образом и символом советского террора, а позднее знаком памяти о нем; это легко проследить по художественной литературе³¹. Режимность островов в послелагерный период, когда на них дислоцировался военный объект — база ВМФ, только подчеркивала и усиливала это значение. Соловки, Колыма, Воркута — потусторонний мир: далекий, страшный и недоступный. Еще задолго до солженицынского «Архипелага Гулага» слово

³¹ См., напр.: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! — совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич» (М. Булгаков); «...Хоть лошадь та давным-давно издохла, / А маршала сгноили в Соловках» (А.Галич).

«Соловки» было известно далеко за пределами Советского Союза. Ко времени хрущевской оттепели образ Соловков окончательно сформировался — это «острова смерти»: отправленные туда не вернулись, а если вернулись, то только для того, чтобы свидетельствовать, что оттуда не возвращаются.

Но, несмотря на этот образ и режимность объекта, многим помнящим удалось съездить на Соловки в 1960–1980-е годы в качестве туристов. Но это были туристы «особого назначения», для которых «Соловки лагерные» стали частью их биографии и их личной памяти: о самих бывших заключенных, об их родных, вообще о тех, для кого оставалась актуальной память о Гулаге. Эти посещения не афишировались, о них рассказывали только «своим». Мы слышали о таких поездках уже годы спустя: «а мне удалось съездить в 71-м году... а мне — в 75-м...».

В 1971 г. мы с сестрой по туристической путевке поехали на Соловки. Мы ехали как на встречу с братом. А попали на кладбище. Все кругом молчало. Молчали стены, молчали каналы, молчали башни. На Муксалме молчал свинарник. А мы знали, что здесь где-то когда-то была жизнь дорогого человека. И это ощущение невиданного, страшного, поглощающего горя не оставляло нас всю неделю, пока там были на этом острове. Хотя была прекрасная погода. И солнце, и молодой лес. Но тяжесть, которая сопровождала нас и которая чувствовалась во всем, даже в жизни острова, мне кажется, осталась там непреходящей. Там столько осталось молодых прекрасных жизней, несбывшихся надежд, молодых несбывшихся талантов. Там столько полегло культуры, ума и мыслей нашей страны, что остров стал памятником для всей страны. Мы пытались найти хоть какие-то следы. Кто-то нам шепнул, что на Кирпзаводе было кладбище. Но там погранзона, нас не пустили. А потом нам сказали, что местные жители обязаны распиской не разглашать того, что они знают. Так мы и уехали с ощущением несбывшихся, конечно, и невозможных возможностей какие-то следы любимого человека там найти. Но я посадила синий цветочек мускари в ложбине около здания свинарника. Может быть, он уцелел³².

---

³² Марченко З.Д. Интервью, данное М. Голдовской во время съемок фильма «Власть соловецкая». Москва, 1987. (Копия). Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

От этих тайных паломничеств обратимся сразу к концу 1980-х. В 1987 году на острова приезжает московский кинорежиссер-документалист Марина Голдовская. Вскоре здесь начнутся съемки фильма «Власть соловецкая: свидетельства и документы». В этих съемках принимают участие и бывшие узники Соловков: Д.С. Лихачев, О.В. Волков, Е.Д. Лагутин, О.Л. Адамова-Слиозберг и другие. В конце 1988 года лента вышла в широкий прокат, и вместе с ней в публичное пространство выплеснулась тема Соловецкого лагеря. А в Соловецком музее-заповеднике началась работа по созданию выставки «Соловецкие лагеря особого назначения» — первой в СССР тематической выставки о Гулаге. Концепция и экспозиционные решения этой выставки на многие годы вперед стали «модельными» для создания десятков других музейных экспозиций, посвященных этой теме.

Выставка состоялась благодаря личной энергетике четырех человек: художника Александра Баженова, фотографа Юрия Бродского и двух сотрудниц Соловецкого музея — Антонины Мельник и Антонины Сошиной. В основе экспозиции — материалы и документы, собранные во время подготовки фильма. За несколько месяцев удалось собрать огромную коллекцию экспонатов, документов и фотографий. Выставка открылась 6 июня 1989 года, и на ее открытие приехала большая делегация, в составе которой было немало родственников соловецких узников. Это и были первые Дни памяти на Соловках³³. Тогда же установили первый памятный знак — большой валун на территории бывшего лагерного кладбища. И тогда же начали составлять первые списки заключенных.

В следующие несколько лет постепенно (или стремительно) возникло соловецкое землячество, которое состояло из семей бывших соловецких заключенных (около 500), а также тех, кто оказался связан с лагерными Соловками не семейными узами, — исследователей, краеведов и примкнувшей к ним части сезонных соловчан, то есть художников, фотографов, литераторов и т.п., регулярно приезжающих на острова.

---

³³ Традиция Дней памяти, заложенная в 1989 году, сохранилась на долгие годы, в 2018 они состоялись в тридцатый раз.

Позволю себе небольшое отступление как иллюстрацию к сказанному. В 1992 году на Соловках во время дней памяти познакомились два названных брата — Теймур Казиев и Николай Ковач, родившиеся на о. Анзер в апреле 1936. Их матери, Анна Бриллиантова и Мария Ковач-Астафьева, были расстреляны, а дети отправлены в Ольгинский детдом. Судьбы у них сложились по-разному. Теймура в детдоме разыскал его дед, Вячеслав Бриллиантов, он рос в семье бабушки и деда, был близок со своим дядей — младшим братом матери. После войны из лагеря вернулся отец. А Николай потерялся... В детдоме его разделили со старшей сестрой, которой было уже 6 лет, и больше он ничего не знал и не помнил, отчество он себе придумал сам — Иванович. Но какие-то смутные сомнения в том, что он не подкидыш, в нем жили. В перестройку он занялся активным поиском: по объявлению в газете нашел сестру Елену — она помнила, как звали родителей. Тогда он пошел в архивы, изучил следственные дела — и впервые увидел лицо своей мамы на тюремной фотографии. Позднее Николай нашел тетю, младшую сестру матери, которая жила в Австралии, и получил от нее подарок — письма матери с Соловков, из которых он узнал правильную дату своего рождения...

Но вернемся в 1989. В делегации, привезенной «Мемориалом» на Дни памяти 1989 года, выделялись родные заключенных, не вернувшихся с Соловков. Их истории были похожи друг на друга: арестовали, отправили на Соловки, писали письма, получали ответы, отправляли посылки, летом 37-го переписка прекратилась. Десятилетия попыток узнать судьбу бесследно исчезнувших близких и наконец эта вот поездка на Соловки — как на последнее место их пребывания на земле.

Мы с братом съездили летом [июнь 1989] на Соловецкие острова в составе делегации от «Мемориала». До Кеми ехали поездом. Потом на катере шли по Белому морю. Еще издали увидели мы необыкновенной красоты строения Соловецкого монастыря. Я узнала, что женский лагерь находился на острове Муксалма. <...> Дороги туда не существовало... И все-таки мы добились разрешения посетить остров. Мы отправились туда на вездеходе, ведомом водителем-виртуозом, и с трудом преодолели бесчисленные препятствия.

На острове сохранились два барака, один полуразрушенный, какой-то скотный двор и маленький домик из бревен с колодцем внутри. Бревна исписаны были чьими-то именами.

Нас с братом облепили комары, но мы не спешили уйти: хотелось почувствовать, что пришлось здесь испытать нашей Жене.

Шофер помог нам раздобыть лопату, мы [с братом] накопили мешок соловецкой земли и привезли ее в Ленинград. На Преображенском кладбище, где похоронена наша мать, мы поставили Жене небольшой памятник, а цветник вокруг него заполнили соловецкой землей. Над выросшими в нем цветами — фотография живой улыбающейся Жени... под фотографией... короткая надпись: «род. 1905, трагически погибла»³⁴.

Уже после поездки нам удалось познакомиться с семьями 126 таких «исчезнувших» заключенных.

Еще в поезде, когда участники поездки начали знакомиться, рассказывать свои истории и истории своих родителей, доставать свежие справки о реабилитации с указанием дат расстрела, руководитель петербургского «Мемориала» Вениамин Викторович Иофе, сопоставив ряд отдельных справок, высказал предположение: за близкими датами приведения приговоров в исполнение скрыт массовый расстрел, проведенный осенью 1937 года.

С этого момента начался поиск.

Обретение протоколов

Догадка Иофе нашла подтверждение в 1994: в архиве Архангельского УФСБ был обнаружен комплекс документов, в котором находились копии протоколов №81–85, 134, 198, 199 и 303 Особой «тройки» НКВД по Ленинградской области, содержащие поименные списки приговоренных заключенных Соловецкой тюрьмы — всего 1825 человек³⁵.

³⁴ Розина А.Я. У памяти в гостях. Указ. изд. С.30–31.

³⁵ Документы переданы без архивного адреса.

Эти копии передал Антонине Сошиной, сотруднице Соловецкого музея, занимавшейся историей северных лагерей ОГПУ–НКВД, сотрудник УФСБ по Архангельской области, сообщив, что оригиналы хранятся в Петербурге. Затем Сергей Кривенко, сотрудник московского «Мемориала», инициировал запрос В.В. Борщёва, бывшего тогда депутатом Государственной Думы, в архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, с просьбой выдать копии с оригиналов, сославшись на то, что эти документы уже находятся в распоряжении «Мемориала», Кривенко получил их, а также сопутствующие документы, в частности — рапорты и справки о приведении приговоров в исполнение.

Копии документов, полученные Сошиной и Кривенко, хранятся в Соловецком музее (СГИАМЗ), Московском и Санкт-Петербургском обществах «Мемориал». По ним выстраивается следующая картина расстрелов заключенных Соловецкой тюрьмы в октябре 1937 — феврале 1938 годов.

Дата приговора	№ протокола	Дата расстрела	Осуждено	Расстреляно	Исполнитель
09.10.37	81	27.10.37	209	208	кап. Матвеев М.Р.
09.10.37	82	02.11.37	182	180	— ” —
09.10.37	83	03.11.37	266	265	— ” —
10.10.37	84	04.11.37	249	248	— ” —
14.10.37	85	01.11.37	210	210	— ” —
Итого			1116	1111	
10.11.37	134	08.12.37	84	84	ст. лт. Поликарпов А.Р.
25.11.37	198	— ” —	225	225	— ” —
25.11.37	199	— ” —	200	200	— ” —
Итого			509	509	
14.02.38	303	17.02.38(?)	200	198	мр. Антонов Н.И.
Всего			1825	1818(*)	

(*) Число расстрелянных меньше числа осужденных, поскольку один приговоренный умер в соловецком лазарете до отправки на расстрел, пятеро были этапированы в другие города или в ББК по ордерам НКВД, поступившим в тюрьму уже после вынесения им приговора (и расстреляны позднее), а еще одной заключенной казнь отсрочили ввиду ее беременности.

Итак, из документов, полученных в 1994, стало ясно, что операция по «разгрузке» Соловецкой тюрьмы была проведена в три приема:

- 1) 1111 заключенных расстреляны 27 октября — 4 ноября 1937 года по приговорам, вынесенным ленинградской Особой тройкой 9–14 октября 1937;
- 2) 509 человек расстреляны 8 декабря³⁶ по приговорам, вынесенным 10 и 25 ноября;
- 3) не позднее 20 февраля 1938 расстреляны еще 198 заключенных, приговоренных 14 февраля того же года.

Операция по разгрузке Соловецкой тюрьмы: реконструкция-2018

В 1994 еще ничего не было известно ни о порядке проведения чистки в тюрьмах ГУГБ НКВД, ни о «лимитах», выделенных НКВД СССР и Политбюро ЦК КПСС на именно эту чистку. Тюрьмы лишь мельком были упомянуты в приказе наркома Ежова №00447 от 31 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» и совсем не упомянуты в директиве №409 от 5 августа, устанавливавшей порядок применения этого приказа к заключенным в лагерях НКВД. Сегодня многие ключевые документы тюремной операции нам известны; с их помощью мы в состоянии прокомментировать информацию, извлеченную из материалов, полученных в 1994 году, и сведенную в приведенную выше таблицу.

Вот как она восстанавливается по всей совокупности источников, доступных нам сегодня:

11 августа начальник 10-го, тюремного, отдела ГУГБ НКВД СССР ст. майор Вейншток рассылает телеграфный запрос начальникам тюрем ГУГБ:

³⁶ По данным А.Я. Разумова, казни могли производиться в течение трех дней: 8, 9 и 10 декабря (см.: *Разумов А.* Скорбный путь: Соловецкие этапы 1937–1938 гг. // Белое дело. 20.05.2014. <http://www.beloedelo.ru/researches/article/?369>).

Немедленно представьте справки на каждого отдельности осужденного замеченного контрреволюционной деятельности тюрьме. Справках указать: фамилию, имя, отчество, какой срок, какое преступление осужден, преступную деятельность тюрьме, как-то: к-р высказывания, побеги, протесты, нарушения режима, сопровождающиеся к-р выпадами так далее. ВЕЙНШТОК³⁷.

16 августа 1937 года Вейншток посылает зам. начальника СТОН по оперативной работе майору Раевскому шифротелеграмму, которую здесь уместно будет привести целиком:

Ваши мероприятия правильны. Усильте агентурное наблюдение содержащихся Кремле. Примите меры быстрому выявлению организаторов, которых мере выявления переведите на тюремное положение. Максимально изолируйте заключенных Кремля от содержащихся вне Кремля. Письма в адрес заключенных коим разрешена переписка перелюстрируйте и передавайте. Письма от заключенных принимайте, но не отправляйте до особого указания. Усильте охрану Кремля особенно выходов. Усильте бдительность военизированной охраны. Создайте дежурный боевой резерв. Девятнадцатого выедет Ленинграда дивизион сто пятьдесят бойцов и комсостав. На днях начнем разгружать Соловки от наиболее опасного состава пределах тысячи двухсот человек. Подробно ориентирует вас директива наркома высылаемая сегодня. Помощь проведения этой операции двадцатого выедет Круковский группой работников. ВЕЙНШТОК³⁸.

Директива наркома за №59190 действительно датирована 16 августа, но лишь 19 августа она была разослана по тюрьмам ГУГБ и начальникам УНКВД тех областей, где эти тюрьмы дислоцированы³⁹:

³⁷ ШТ исх. №44304/20405 от 11.08.37. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.2242. Л.338 (здесь и далее: тексты шифротелеграмм предоставлены А.Б. Рогинским).

³⁸ ШТ исх. №44313/20932 от 16.08.37. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.2242. Л.868.

³⁹ Хотя Соловки административно относятся к Архангельской области, но Соловецкая тюрьма находилась в оперативном подчинении УНКВД по ЛО; поэтому один из экземпляров директивы был направлен в Ленинград — Заковскому. По этой же причине и приговоры по Соловкам выносились не архангельской, а ленинградской «тройкой».

В соответствии с моим приказом 00447 (разослан начальникам УНКВД) — ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 25 августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контр-революционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсеров, грузмек, дашнаков, итихатистов, муссаватистов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу. В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы, ведущих в тюрьме преступную работу.
2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.
3. Утверждается следующее количество подлежащих репрессированию по тюрьмам ГУГБ для содержания осужденных:

Соловки	1200	чел.
Суздаль	55	
В/Уральск	75	
Челябинск	25	
Ярославль	30	
Владимир	15	
Мариинск	15	
Вологда	15	
Дмитровск	10	
Всего	1440	чел.

4. Установить следующий порядок оформления дел репрессируемых: Начальники тюрем ГУГБ, на основании материалов оперативного учета и личных дел составляют на каждого подлежащего репрессированию подробную справку с указанием в ней: фамилии, имени, отчества, за какие преступления, на какой срок и кем осужден, преступная деятельность (подлежащего репрессированию) в тюрьме в том числе побеги, к-р выпады и злостные нарушения режима. Справки подписываются пом. нач. тюрьмы по опер. работе (при отсутствии оперуполномоченным) и начальником тюрьмы ГУГБ. Справки на каждого подлежащего репрессированию заключенного вместе с имеющимся на него в оперчасти тюрьмы делом, направляется тюрьмой ГУГБ на рассмотрение соответствующей

республиканской, краевой или областной Тройки. Копии справок направляются в 10-й отдел ГУГБ⁴⁰.

Тройка по рассмотрении представленных ей этих материалов выносит приговор, который и заносит в протокол.

Выписка из протокола в отношении каждого осужденного приобщается к делу. Дела и протоколы возвращаются начальнику тюрьмы для приведения приговора в исполнение.

5. Приговора приводятся в исполнение специально отобранным начальствующим и надзорсоставом тюрьмы ГУГБ под личным руководством начальника тюрьмы или его помощника по оперативной части.

Основанием для приведения приговора в исполнение является заверенная выписка из протокола заседания Тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью начальника тюрьмы ГУГБ лицу, приводящему приговор в исполнение.

6. Документы о приведении приговора в исполнение приобщаются к делу осужденного.
7. Протоколы Троек с приложением дел осужденных по исполнению приговора немедленно направляются из УНКВД начальнику 8-го отдела ГУГБ.
8. О ходе операции доносить мне через 10-й отдел ГУГБ еженедельными сводками.

В сводках сообщать количество репрессированных с указанием за какие преступления они отбывали наказание в тюрьме ГУГБ и за какие преступления подвергнуты расстрелу.

Нар. комиссар внутренних дел Союза ССР,

Генеральный комиссар Гос. Безопасности
ЕЖОВ⁴¹.

---

⁴⁰ Из обмена многочисленными шифротелеграммами между тюрьмами ГУГБ и ст. майором Вейнштоком видно, что 10-й отдел пытался взять на себя не только учет, но и реальное руководство всем ходом операции. По некоторым распоряжениям Вейнштока создается впечатление, что (с его точки зрения) и постановка дел на «тройку», и даже приведение уже вынесенных «тройкой» приговоров в исполнение должны были проводиться лишь с его санкции.

⁴¹ Цит. по: Ленинградский мартиролог 1937–1938. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1996. Т.2. Ил. 78–79.

Конец августа, сентябрь и начало октября: на Соловках идет «подготовка дел для постановки на тройку». Видимо, с точки зрения Вейнштока, работа идет не совсем гладко: еще 3 октября он посылает начальнику СТОН майору Апетеру грозную телеграмму:

Невыполнение №44396 [из контекста понятно, что речь идет о передаче в 10-й отдел подготовленных для «тройки» дел. — И.Ф.] срывает дальнейшее проведение операции. Требую немедленно сообщения количестве подготовленных справок одновременной высылкой их почтой мне. ВЕЙНШТОК⁴².

Уже 9 октября Ленинградская «тройка» начинает рассматривать соловецкие дела и к 14 октября выносит 1116 приговоров. Почему не 1200, как указано в директиве наркома Ежова? Вероятно, Апетер с Раевским (и командированным им в помощь из Москвы сотрудником 10-го отдела Круковским) все же не справились до конца с отпущенным Соловкам лимитом и не успели подготовить оставшиеся 84 дела.

27 октября — 4 ноября 1937 года приговоренные были расстреляны.

9 ноября Вейншток вновь телеграфирует Апетеру:

Вашего работника немедленно с делами командуйте Москву доклада указаний. ВЕЙНШТОК⁴³.

Интересно, с какими делами? Никаких новых лимитов на этот момент Соловкам не отпущено. Остается предположить, что речь идет о делах, оставшихся от первого лимита. И действительно, 10 ноября «тройка» в Ленинграде выносит приговоры 84 соловецким заключенным. Неужели за сутки Апетер успел отправить сотрудника с делами в Москву, а Вейншток — утвердить эти дела и переправить их в Ленинград? Невероятно.

---

⁴² ШТ исх. №44419/27536 от 03.10.37. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.2249. Л.1142.

⁴³ ШТ исх. №44523/32030 от 09.11.37. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.2254. Л.337.

Возможно, что никакого физического перемещения дел в эти сутки не произошло: они давным-давно лежали в Ленинграде. Просто соловецкие начальники, исходя из буквального прочтения директивы наркома №59190, подготовили и отослали их на «тройку» раньше, отложив отсылку копий в 10-й отдел своему непосредственному начальству на потом. А двухмесячный срок, отведенный наркомом на всю операцию, истек уже 25 октября. Вейнштоку оставалось только обозначить телеграммой или даже телефонным звонком в Ленинград свое согласие на рассмотрение «тройкой» этих 84 дел.

Впрочем, не исключено, что остаток первого лимита был оформлен надлежащим образом уже в октябре, а телеграмма от 9 ноября касается второго лимита. Правда, официально он еще не был объявлен, но, возможно, Вейнштоку о новом лимите уже стало известно и он готовился к оформлению заранее. Так или иначе, заседание Ленинградской «тройки» 10 ноября закрывает первый лимит, обозначенный в директиве наркома от 16 августа.

11 ноября Вейншток серией телеграмм официально сообщает о дополнительных лимитах для ряда тюрем ГУГБ. Соловкам новое задание установлено в размере 425 человек. На этот раз с подготовкой дел проблем не возникает: все 425 человек приговорены ленинградской «тройкой» 25 ноября, а 8 декабря приговор приведен в исполнение. Одновременно расстреляны и те 84 из первого лимита, которых приговорили 10 ноября.

Трения Вейнштока с Апетером разрешились: Апетер вызван в Москву, снят с должности и 11 декабря арестован (он будет расстрелян 29 августа 1938 как «латышский шпион» по приговору Военной коллегии Верховного суда). Временно исполняющим должность начальника Соловецкой тюрьмы назначен его заместитель майор Раевский.

Однако операция еще не закончена. 3 января 1938 Раевскому спускают из Москвы новый, уже третий лимит, еще на 200 человек. Дела по этому лимиту были рассмотрены на «тройке» 14 февраля. А вот дата расстрела по этому приговору не совсем очевидна. Среди документов, имеющих в нашем распоряжении, рапорта о приведении его в исполнение нет, а вместо него — крайне любопытный рукописный документ:

Зам нач УНКВД ЛО
старшему Майору Гос. Без. т.Гарину
Справка

По протоколу тройки от 14/II мною приведен приговор в исполнение на сто девяносто восемь (198). В отношении двух приговор не приведен⁴⁴<...>

Зам. нач 10 отдела ГУГБ НКВД.
20/II-38

Майор Гос Без Антонов⁴⁵.

Из этой «справки» следует:

- во-первых, что расстрел (расстрелы?) по третьему лимиту произошел (произошли?) *не позднее* 20 февраля;
- во-вторых, что он был проведен под личным руководством заместителя начальника 10-го отдела Н.И. Антонова, специально прибывшего для этого из Москвы.

В феврале навигация в Белом море закрыта, и вывезти в это время с островов большой этап совершенно невозможно. Таким образом, очевидно, что исполнение приговоров по третьему лимиту происходило прямо на Соловках. Но *когда* оно происходило? Об этом в справке Антонова не говорится. В 1994–1996 в архивах УФСБ Архангельской области и Республики Карелия нам удалось обнаружить около 164 так называемых «соловецких дел» (о них — ниже) из числа 200, рассматривавшихся ленинградской «тройкой» 14 февраля (протокол №303). К сожалению, далеко не во все из этих дел вложены акты о расстреле. Но там, где они есть, стоит дата «17 февраля».

⁴⁴ Далее в «справке» указаны причины неисполнения приговора: з/к Кац Елизавета Натановна была беременна на 8-м месяце, а з/к Шкидченко Яков Васильевич, как выяснилось, был вывезен из Соловков по наряду ББК. Кац расстреляли 16 мая того же года на Соловках (судьба ребенка неизвестна); Шкидченко был расстрелян в урочище Сандормох 19 апреля 1938. Справка УФСБ по Пермской области №1/199 от 28.02.1997 (в отношении Е.Н. Кац); Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т.12. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2012. С.312 (биограмма Я.В. Шкидченко).

⁴⁵ Документ опубликован А.Я. Разумовым без указания архивного адреса: Ленинградский мартиролог. Т.8. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2008. С.142.

Трудно представить себе, каким образом 200 дел вместе с выплатами из протокола заседания «тройки» за три дня могли попасть из Ленинграда на остров, отрезанный от материка. Самолетом? Все может быть. Тем более что как-то ведь прибыл на Соловки и Антонов. Очень может быть, что 10-й отдел ГУГБ считал своим долгом обеспечить личное наблюдение руководства за завершением операции в своей самой главной тюрьме. Поэтому Антонов отправился представлять отдел сначала в Ленинград, а оттуда, сразу после заседания тройки 14 февраля, — самолетом — на Соловки. Вероятно, что тем же спецрейсом отправили и выписки из протокола заседания, и сами дела, возвращаемые, согласно директиве, в тюрьму.

На этом закончилась операция по очистке Соловецкой тюрьмы от «активных контрреволюционных элементов»⁴⁶. Итог всей операции: 1825 смертных приговоров.

***

Отмечу в заключение особую специфику тюремной операции на Соловках, вытекавшую из специфического состояния СТОН на 1937 год — уже не лагеря, но еще не тюрьмы. Соловецкая тюрьма не была организована на пустом месте — она была результатом передачи Соловецкого 8-го лаготделения Белбалт-

---

⁴⁶ Некоторыми исследователями (напр., А.Б. Рогинским) высказывалась гипотеза о выделении в конце февраля 1938 еще одного дополнительного лимита на СТОН, размером предположительно 300 человек. Действительно, содержание некоторых телеграмм этого периода, отправлявшихся из 10-го отдела в Соловки, позволяет интерпретировать их как свидетельство подготовки еще 300 дел для «тройки». Однако я уверена, что если «четвертый лимит» и был выделен, то он не был реализован. Помимо протоколов ленинградской «тройки» №81–85, 134, 198–199 и 303, ни в одном архиве не обнаружено ни одного документа о вынесении приговоров соловецким заключенным в 1937–1938 годах; равным образом не обнаружено ни одного документа, свидетельствующего о каких-либо массовых расстрелах узников Соловецкой тюрьмы, кроме расстрелов 27 октября — 4 ноября 1937, 8 декабря 1937 и 17 февраля 1938. Что еще важнее: мы не можем назвать ни одного соловецкого узника, бесследно исчезнувшего в этот период, помимо тех 1825, чьи имена значатся в названных выше протоколах и соответствующих расстрельных актах.

лага (которое и изначально предназначалось для содержания «контингента по особой инструкции») в ведение тюремного отдела ГУЛАГ. Эта передача имела место в конце ноября 1936. Название же «Соловецкая тюрьма особого назначения (СТОН)» появилось 20 февраля 1937, в момент реорганизации тюремного ведомства и передачи его в подчинение ГУГБ. Переоборудование лагерных помещений в тюремные корпуса с соответствующим режимом содержания заключенных в этот момент еще не было произведено. Самим заключенным — бывшим «лагерникам», а теперь «тюрьмакам» — изменение их статуса не было известно, что легко проследить по мемуаристике. Да, режим начал ужесточаться. Да, началось переоборудование помещений Соловецкого Кремля с явным намерением ограничить межкамерное общение. Да, усилилась охрана периметра. Но такое бывало и в лагере. Распоряжения о стягивании заключенных, числящихся за тюрьмой, в Кремль и установлении там режима, напоминающего режим в других тюрьмах: Суздаля, Ярославля или Верхнеуральска, — были даны лишь в августе 1937 в преддверии операции и в связи с ее подготовкой⁴⁷.

В рамках нашей темы важно понимать, что в процессе перехода от лагерного отделения к тюрьме особого назначения первая селекция произошла еще зимой 1936/1937 годов. Но происходила она по большей части на бумаге и состояла в том, что из контингента заключенных бывшего Соловецкого отделения ББК отбирались те, кто отныне станет числиться за тюрьмой. После открытия навигации заключенных, не вошедших в этот избранный круг, начали этапировать на материк в другие лаготделения. Впрочем, некоторое, все уменьшавшееся, число лагерников на островах оставалось. Они выполняли функции минимально необходимой рабочей силы на сохранявшихся еще производственных объектах лагеря (это были в основном хозяйственные и ремонтные работы). За тюрьмой закрепляли, начиная с конца 1936 года, и вновь прибывавшие этапы. Но, повторим еще раз, разделение подневольного населения Соловков на «лагерников» и «тюрьмаков» до августа 1937 года оста-

---

⁴⁷ См. приведенную выше (с. 38) телеграмму Вейнштока от 16.08.1937.

ваилось в основном на бумаге, так что заключенные не могли знать, за кем они числятся — за лагерем или за тюрьмой.

В августе, перед началом операции, на островах насчитывалось около 2300 человек тюремного контингента и около 1400 лагерного. В ноябре–декабре 1937 года, перед самым концом навигации, 10-й отдел ГУГБ НКВД планировал вывезти на материк большую часть оставшихся лагерников (кроме необходимых на хозработах) и одновременно пополнить тюремный контингент, более чем наполовину уменьшившийся после «исполнения» первого и второго лимитов, этапами из материковых тюрем ГУГБ — Вологодской, Владимирской, Грязовецкой⁴⁸.

От списка к биографиям

Впрочем, в 1994 году у нас с Иофе не было особой потребности разбираться во всей этой механике. В нашем распоряжении оказался список из 1825 приговоренных, и этот список стал для нас следующим местом памяти. Началась работа по составлению биографий людей из этого списка. Те 450 с лишним дел, которые обнаружились в петрозаводском и архангельском архивах, относились к неизвестному нам ранее типу документальных комплексов, не похожих на обычные архивно-следственные дела. Мы даже не сразу поняли, что это и есть те дела, которые представлялись на рассмотрение «тройки». Конечно, если предположить, что члены «тройки», рассматривавшей по сто–двести–триста дел за день, вообще в эти дела заглядывали, а не просто подписывали загодя приготовленный в УНКВД протокол. Мы стали называть их «делами Соловецкой тюрьмы».

В роли обвинительного заключения здесь выступал документ под названием «Справка», подписанный начальником тюрьмы⁴⁹.

⁴⁸ ШТ исх. №44529/32288 от 10.11.37. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.2254. Л.587.

⁴⁹ Ср. п.4 приведенной выше (с. 39–40) директивы №59190 наркома внутренних дел СССР от 16.08.1937.

В этой справке указывались:

- ФИО заключенного;
- сведения о судимости (за какие преступления, на какой срок и кем осужден);
- затем, как правило, идеологическая или классовая «окраска»: «злостный троцкист», «белый офицер», «сын царского служащего», «церковник», «сектант», «украинский национал-уклонист» и т.д.;
- после чего следовала ритуальная фраза: «В заключении имярек продолжает оставаться врагом советской власти», или: «...вынашивает антисоветские настроения», или: «...высказывает антисоветские намерения». Иногда эта фраза сопровождалась одним-двумя примерами «антисоветских высказываний» имярека.

Как правило, впоследствии содержимое справки почти без изменений переносилось в выписку из протокола заседания «тройки», замещая собой мотивировочную часть приговора.

Помимо справки, в так называемые «дела Соловецкой тюрьмы» были вложены агентурные донесения осведомителей, а иногда и «меморандумы» — развернутые характеристики, когда-либо составлявшиеся на заключенного в оперчекотделе и использовавшиеся в оперативной работе. Эти материалы, вероятно, выполняли заместительную роль документов следствия — протоколов допросов, очных ставок, показаний свидетелей. В тюремно-лагерном изводе 446-го приказа наркома оформление дела в принципе не предусматривало возможность подобных процессуальных действий, поскольку заключенные, на которых заводилось дело, не должны были знать о том, что они состоят под следствием. Им не сообщалось ни об открытии дела, ни о его окончании, ни о передаче его на «тройку», ни о приговоре. До самого последнего момента, до расстрельной ямы, их судьба должна была оставаться для них неизвестной.

Остальные документы соловецкого дела, если таковые были, вероятно, брались из личного дела заключенного произвольным образом.

Последним документом дела в соответствии с п.6 директивы наркома⁵⁰ должен был быть акт о приведении приговора в исполнение. К сожалению, как уже говорилось, этот пункт директивы исполнялся не всегда.

Удалось установить места хранения 462 таких дел — архивы УФСБ Республики Карелия и Архангельской области — и снять с них копии. Что касается остальных соловецких дел, то в какой-то момент они были разосланы в регионы по местам первичного осуждения заключенных СТОН и приобщены к соответствующим архивно-следственным делам.

Вокруг копирования материалов соловецких дел сложилась забавная коллизия. Сотрудники архива не разрешали копировать агентурные донесения и меморандумы, ссылаясь на то, что это документы агентурной работы, а секретность методик агентурной работы не имеет срока давности. Прошло больше года, в Сандормохе были обнаружены захоронения, торжественно открыто мемориальное кладбище. С соловецкими делами начали работать украинские исследователи, рассматривавшие соловецкие расстрелы как факт истории Украины, не потерявший своей актуальности: в этих расстрелах погиб цвет украинской интеллигенции. В Украине ученые-историки уже тогда работали в кооперации с архивистами СБУ; в Архангельск и Петрозаводск приехали и те и другие. Коллегам из ближнего зарубежья сотрудники региональных архивов ФСБ не смогли отказать в полном доступе к документам — и спустя еще год все «совершенно секретные» агентурки и меморандумы, раскрывающие тайны оперативных методик образца 1937 года, были опубликованы в Киеве в трехтомнике «Остання адреса»⁵¹.

Для составления и уточнения биографий нами были разосланы запросы в регионы, где соловецкие заключенные были арестованы и приговорены. Параллельно еще активнее стало общение с родственниками, которые постоянно и остро интересовались нашей работой: им очень хотелось узнать что-то

⁵⁰ См. выше (с. 39–40).

⁵¹ Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії. В 2 т. Т.1–3. Київ: Сфера, 1997–1999.

новое о своих близких. Родственники и сами принялись писать запросы и знакомиться с делами, а скопированные документы и фотографии приносили в архив «Мемориала».

Иногда, наоборот, наше знакомство с детьми расстрелянных соловчан становилось результатом знакомства с делами их родителей. Так, например, мы познакомились с Виктором Флегонтовичем Волинцом: сначала заочно (в деле его отца был подшит его запрос о реабилитации с обратным адресом), а потом и лично.

Знакомство с делами втягивало и их, и нас в многочисленные мини-исследования, связанные с тюремно-лагерной историей Соловков. Рада Михайловна Полоз вычитала в соловецком деле отца, что Михаил Полоз отказался ремонтировать баню на Амбарчике, за что был наказан. И Рада Михайловна захотела увидеть эту баню. Но сперва надо было решить загадку: что такое «Амбарчик»? Выяснилось, что так называлась крошечная командировка, аналог политизолятора, на острове Амбарного озера на севере Большого Соловецкого острова. Доставили туда Радю Михайловну на резиновой лодке...

Мы с Иофе выясняли судьбы и обстоятельства гибели не просто абстрактных жертв террора, а конкретных людей. Благодаря общению и дружбе с семьями пропавших соловчан, благодаря мемуарам (для меня особенную роль здесь сыграли воспоминания Юрия Чиркова⁵²) эти, давно погибшие люди стали нам не чужими. Многих мы знали в лицо, читали их письма, знали слабости и привычки, знали, как жили без них дети, вдовы, сестры, братья.

Осталось найти могилы. Могилы тысячи ста одиннадцати, расстрелянных в октябре-ноябре 1937, пятисот девяти, расстрелянных в декабре того же года, ста девяноста восьми, расстрелянных в феврале 1938.

⁵² Чирков Ю.И. А было все так... Указ. изд.

Следы декабрьского и февральского расстрелов

Здесь я ненадолго отвлекусь от основной темы. Ключевым сюжетом в нашей истории оказался поиск места расстрела первой партии соловчан — 1111 человек, «пропавшего этапа». Но было бы неправильно не рассказать хотя бы коротко о том, как искали — и не нашли — следы двух последних партий казненных.

Про самый последний — третий — расстрел было понятно, что он был произведен прямо на Большом Соловецком острове. Полностью сохранить в тайне эту акцию было невозможно, и слухи о расстреле ходили среди заключенных⁵³. Бывшие узники Соловков А.Г. Фаворский, С.В. Щегольков, В.Г. Васильев, В.С. Чашей рассказывали про слухи о массовых расстрелах⁵⁴. Правда, и слухи, пересказанные нам бывшими соловчанам, и воспоминания Чиркова трудно было привязать к конкретным датам — речь шла только о «начале 1938 года»⁵⁵. В этих слухах фигурировали четыре точки: Куликово болото, Кирпичный завод, командировка Исаково и, конечно, Секирная гора. На Секирку указывал и Чирков в своих воспоминаниях, процитированных выше («гнали этапы на Секирную гору»); он же упоминает и о рытье траншей у Исаково. Все эти точки были нами обследованы, но безуспешно. Позднее поисками занимались Сергей Кривенко, Юрий Дмитриев и петербургский историк Анатолий Разумов; однако и им не удалось найти сколько-нибудь внятных следов именно этого, февральского расстрела.

⁵³ Судя по всему, слухи среди заключенных распространились довольно быстро. Уже в марте Вейншток отправляет Раевскому шифротелеграмму: «Принять решительные меры к прекращению провокационных слухов о расстрелах на острове. Дать задание агентуре о выявлении всех распространителей провокации. Установленных заключить в тюрьму. Особое внимание обратить на работников гужтранспорта. Через вполне проверенную агентуру распространить контр-хабар об отправке группы заключенных на материк. Результаты телеграфьте». ШТ исх. №40156/7445 от 17.03.38. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.1534. Л.246.

⁵⁴ См. выше (с. 19).

⁵⁵ Чирков датирует расстрелы на Соловках январем 1938, но это, вероятно, ошибка памяти мемуариста: согласно документам, в январе никаких массовых расстрелов на островах не производилось.

Что касается второго — декабрьского — расстрела, то информации о нем было меньше всего. Навигация в начале декабря еще не закончилась, так что имелась физическая возможность вывезти осужденных на материк. На это указывали и сопроводительные документы к протоколам.

Так, 28 ноября 1937, через три дня после заседания «тройки», приговорившей 425 из этих 509 человек⁵⁶, начальник УНКВД по Ленинградской области Заковский и начальник 8-го (учетно-статистического) отдела УГБ УНКВД по ЛО Егоров пишут начальнику СТОН Апетеру:

...немедленно приготовьте всех 509 человек осужденных — к сдаче Начальнику Конвоя тов. Фриновскому. О дне отправки вагонов из Ленинграда [очевидно, порожних вагонов, направляемых в Кемь для приемки этапа. — **И.Ф.**] вам будет сообщено телеграммой⁵⁷.

7 декабря (накануне расстрела!) датировано предписание Заковского и Егорова коменданту УНКВД по ЛО ст. лейтенанту Поликарпову: расстрелять «прибывших из Соловецкой тюрьмы» (куда прибывших — в документе не указано).

Из этих документов становится очевидным, что заключенных вывезли с Соловков, в Кеми их погрузили в эшелон и отправили, судя по всему, в направлении Ленинграда. (В декабрьские дни 1937 года главный экзекутор Ленинграда Поликарпов не мог отлучиться из города далеко и надолго; тем более что дата предписания и дата расстрела разнятся всего на одни сутки.)

Относительно места этого расстрела никаких точных сведений до сих пор получить не удалось. Возможно ли, что их привезли в Ленинград и здесь расстреляли? А тогда, очевидно, и захоронили там же, где захоранивали других жертв ленин-

⁵⁶ Напомню, еще 84 человека были приговорены 10 ноября.

⁵⁷ Цитируется по: Ленинградский мартиролог 1937–1938. СПб., 1999. Т.4. Ил. 144. Что весьма характерно, это письмо ленинградских начальников в Соловецкую тюрьму визировано заместителем начальника 10-го (тюремного) отдела ГУГБ НКВД СССР Антоновым; 10-й отдел постоянно пытался контролировать все детали операции.

градской «тройки»? Но для этого надо было разместить — хотя бы на один день — 509 человек в какой-нибудь из переполненных ленинградских тюрем, обеспечив при этом их строжайшую изоляцию. Это маловероятно. Скорее всего, до Ленинграда их не довезли. Разумов выдвигает предположение, что приговоренных довезли до Лодейного Поля, где их выгрузили из эшелона и заперли в пустующих помещениях Свирлага (лагерь был закрыт в июле 1937), откуда и выводили на расстрел. Там же, на территории бывшего Свирлага, и хоронили — скорее всего, прямо на месте расстрела. Возможно; но поиски захоронений в районе Свирлага предпринимались Разумовым неоднократно и до сих пор результатов не дали. Так или иначе, место казни и захоронения второго соловецкого этапа тоже пока неизвестно.

Поиски «пропавшего этапа»: начало

В 1995–1997 мы с Иофе сосредоточились на поисках следов первого, самого большого, соловецкого этапа — 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных, согласно документам, 27 октября — 4 ноября 1937 года.

Эту историю необходимо рассказать во всех подробностях. Первоначально Иофе считал, что нужно искать в Кеми. Это самый близкий к Соловкам географический пункт на материке. Здесь, на Поповом острове (ныне пос. Рабочеостровск), находились пристань и Кемперпункт — Кемский пересыльный лагерь, из которого шли этапы на острова и в который привозили заключенных с островов. Пропавший этап в любом случае не мог миновать Кемь. Иофе предположил, что Кемь была и конечным пунктом следования приговоренных. В самом деле, зачем было везти их куда-то дальше?

На Кемь указывали и некоторые документы. Так, предписание Заковского о расстреле осужденных по протоколам «тройки» №81, 82, 83, 84 и 85 главному исполнителю приговоров, заместителю начальника АХУ УНКВД по ЛО капитану госбезопасности М.Р. Матвееву от 16.10.1937 содержало фразу:

«Для этой цели Вам надлежит немедленно выехать в г. Кемь»⁵⁸. В очередной справке из Архангельска о расстреле М.Н. Полоза, полученной его дочерью, Радой Михайловной Полоз, в графе «место смерти» также значилась Кемь. Кемь в качестве места расстрела первого соловецкого этапа неофициально называли в разговорах работники Архангельского УФСБ (позднее мы поняли, что они, скорее всего, тоже исходили из текста предписания Заковского от 16 октября).

К тому же летом 1995 в Кеми при вскрышных работах по расширению каменного карьера в районе 6-го км бывшего Ухтинского тракта (ныне шоссе «Кемь–Калевала») было вскрыто захоронение расстрелянных (22 человека). Работы по дальнейшему вскрытию грунта были остановлены, а обнаруженные останки перезахоронены на городском кладбище Кеми.

Летом 1996 в поисках пропавшего этапа мы (В.В. Иофе и я) обследовали место обнаружения этих останков, но никаких дополнительных захоронений не нашли. Зато позднее в этом же году в архиве ФСБ Карелии нам удалось просмотреть документы Кемского РО НКВД за 1937 год. И там обнаружили исполнители записки начальника Кемского райотдела НКВД мл. лейтенанта госбезопасности Ермушина за август–сентябрь 1937 года⁵⁹. Из них следовало, что, по мнению Кемского РО НКВД, в окрестностях Кеми в это время имелось лишь одно место, подходящее для расстрелов, — на 28-м км Ухтинского тракта, но и это место Кемским РО НКВД считалось малопригодным из-за возможности «расконспиривания»⁶⁰. В связи с этим в августе 1937 расстрелы в Кеми были прекращены, а осужденные к ВМН жители Кемского района направлялись для исполнения

⁵⁸ Предписание начальника УНКВД по Ленинградской области №189852 от 16.10.1937 (без архивного адреса). Оpubл.: Мемориальное кладбище Сандормох. 1937: 27 октября — 4 ноября. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1997. С.166.

⁵⁹ Эти документы тогда же были частично опубликованы в районной печати.

⁶⁰ Сопроводительная записка начальника Кемского РО НКВД к акту о расстреле 8 человек (13.08.1937) на имя НКВД КАССР Тенисона от 09.09.1937; Сопроводительная записка начальника Кемского РО НКВД к акту о расстреле 3 человек на имя НКВД КАССР Тенисона от 09.09.1937. Оpubл.: *Контев Е.* Могильник НКВД // Советское Беломорье (Кемь). 1995. 15 июля.

приговора в Петрозаводск. Получается, что возможностей для расстрела больше тысячи человек в Кемском районе у капитана Матвеева не было.

Дело капитана Матвеева

В том же 1996 году в Петербурге вышла книга очерков начальника пресс-службы УФСБ полковника Евгения Лукина «На палачах крови нет». В очерке, посвященном судьбе М.Р. Матвеева, в беллетризованной форме — но со ссылками на архивные документы! — содержались интересные подробности, имеющие прямое отношение к нашему сюжету:

...В октябре 1937 года Заковский вызвал Матвеева и вручил ему протоколы на тысячу с лишним приговоренных к расстрелу. <...> И отправился Михаил Матвеев на Соловки выполнять задание государственной важности, можно сказать, приказ Революции — убивать. По пути, в Медвежьегорском концлагере НКВД, срубил пару березовых палок — лупил ими осужденных «без всякой к тому надобности». Глядя на него, подручные тоже вошли в раж: двух зеков удушили просто так. Обезумев, зверствовал Матвеев и на Соловках: колотил контриков по головам, по спинам — всех, кто под горячую руку подвернется. Приговоренных расстреливал «быстро, точно и толково». <...> Героем вернулся Матвеев в Питер и «за укрепление социалистического строя» удостоился законной награды Революции — ордена Красной Звезды. <...>

Все ж и его арестовали. А обвинили в том, что выполнил он незаконный, как оказалось, приказ Заковского и расстрелял безвинных контриков. <...> Суров военный трибунал НКВД — десять лет Михаилу дали. <...> Но недолго пришлось Матвееву лагерную баланду хлебать: накатила война. Вышло так: освободили его по специальному постановлению Президиума Верховного Совета СССР⁶¹.

⁶¹ Лукин Е. На палачах крови нет: Типы и нравы Ленинградского НКВД. СПб.: Библиополис, 1996. С.5–6. Лукин ссылается на архивное личное дело Матвеева М.Р. №11868.

Несмотря на путаность в изложении событий, несмотря на то, что автор даже не дал себе труда хотя бы примерно разобраться в том, где, в какой географической точке происходили эти события (от его изложения остается впечатление, что он считает, что расстрел «тысячи с лишним приговоренных» в октябре 1937 происходил прямо на островах), было ясно, что Лукин знакомился, пусть поверхностно и невнимательно, с документальными источниками. Если верить его очерку, Матвеев был в 1938 году арестован и осужден, и это осуждение каким-то образом связано с расстрелом соловецкого этапа.

Прочтя этот очерк, мы с Иофе немедленно обратились в архив УФСБ по СПб и ЛО с требованием предоставить возможность ознакомиться с источниками автора очерка. В первую очередь нас интересовало личное дело капитана Матвеева и его же архивно-следственное дело 1938 года. Проблема заключалась в том, что для исследователей оба эти дела закрыты. Личные дела сотрудников органов безопасности секретны, поэтому интересующие нас документы из этого дела начальник архива УФСБ Чернов прочитал нам вслух, не выпуская самого дела из рук, и в них не оказалось ничего нового, чего не было бы в очерке Лукина. Что же касается уголовного дела Матвеева, то Чернов сообщил нам, что:

- во-первых, в Петербурге этого дела нет — оно хранится в архиве УФСБ Республики Карелия;
- во-вторых, это дело групповое, оно было возбуждено в отношении нескольких карельских сотрудников НКВД, Матвеева к этому делу присоединили позже;
- в-третьих, дело не «политическое», а уголовное, по этому делу Матвеев реабилитирован не был, и, стало быть, к нему тоже нет свободного доступа.

Мы обратились в архив УФСБ Карелии — и сначала, как и предсказал Чернов, нам было отказано в доступе. Лишь через несколько месяцев, в июле 1996, по ходатайству депутата Государственной Думы В.В. Борщёва, карельское УФСБ получило из Москвы разрешение ознакомиться с материалами архивно-следственного дела №11602 в части, касающейся

проведения капитаном Матвеевым казней соловецких заключенных⁶².

Выяснилось, что все осужденные по этому делу обвинялись в «превышении власти» при проведении расстрелов под Медвежьегорском, «в обычном месте исполнения приговоров над заключенными Белбалтлага» [курсив мой. — И.Ф.].

Если коротко, то история возникновения дела такова: 18 марта 1938 года были арестованы заместитель начальника 3-го отдела ББК НКВД Шондыш и начальник 5-го отделения 3-го отдела Бондаренко. Их обвинили, в частности, в том, что они недостаточно гуманно осуществляли процедуру приведения в исполнение смертных приговоров⁶³. В ответ на это обвинение арестованные заявили, что стали прибегать к негуманным приемам осуществления казней по примеру капитана Матвеева из Ленинграда. 11 марта 1939 года был арестован и Матвеев. Кроме того, по этому же делу было арестовано еще несколько человек: командир дивизиона ВОХР ББК Миронов, политрук того же дивизиона Карамышев, оперуполномоченный 5-го отделения 3-го отдела ББК НКВД Волков, делопроизводитель этого же отделения Родионов, помощник начальника 1-го отделения 3-го отдела Плец, секретарь 3-го отдела

⁶² Дело по обвинению Шондыш А.Ф., Бондаренко И.А. и др. №11602. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д. №11602.

⁶³ Реальная причина возникновения дела была, по-видимому, связана с тем, что 24 и 25 декабря 1937 года по приказу Шондыша на улицах Медвежьегорска была проведена облава на расконвоированных заключенных, возвращавшихся с работы. Было задержано около 100 человек, 25 из них обвинены в «организации побега». 15 человек Шондыш оформил на «тройку», и эти заключенные были расстреляны. Дело обыкновенное: только что, 17 декабря, был издан «приказ о беглецах» №38671, который предписывал именно так поступать с заключенными, заподозренными в подготовке побегов, и который применялся самым широчайшим образом — до конца 1938 по этому приказу были расстреляны десятки тысяч. Шондыш поступил сравнительно гуманно: дела были возбуждены в отношении лишь 25 из 100 задержанных, а на «тройку» передано всего 15 дел. Скорее всего, дело не в излишнем рвении, а в том, что Шондыш, проводя свою операцию, задел интерес кого-то из высокого начальства Беломорско-Балтийского комбината: расконвойники, лагерная элита, очень часто были связаны с этим начальством многочисленными формами «блата».

Телегин, начальник следственного изолятора ББК Андриенко, его помощник Федоров, дежурный по изолятору Кузнецов, начальник одного из отделений 3-го отдела Долинский.

Знакомство с материалами, содержащимися в деле №11602, стало поворотным пунктом в истории поисков пропавшего соловецкого этапа. Ниже я привожу важнейшие цитаты из материалов дела, по которым удалось определить локализацию места расстрелов и захоронений [далее в цитатах подчеркнуто мной. — И.Ф.]⁶⁴.

Из обвинительного заключения:

В конце октября м-ца 1937 г. б. зам. начальника АХУ УНКВД ЛО МАТВЕЕВ был командирован во главе бригады в г. Медвежьегорск для проведения операции по приведению в исполнение приговоров над осужденными к высшей мере наказания. При прибытии в Медвежьегорск МАТВЕЕВ заказал две деревянные «колотушки», которые стал применять для избиений осужденных, как лично, так и допускал избиения их подчиненными ему лицами. Избиения эти производились, как в комнате, где связывали осужденных перед посадкой их в автомашины, так и в пути следования в машинах, а также на месте приведения приговоров в исполнение. Имели случаи убийств этой «колотушкой» осужденных в комнате, где происходило связывание, а также удушения их⁶⁵.

⁶⁴ Условия копирования — исключительно фрагментарного, под жестким контролем сотрудников архива, которые тщательно следили, чтобы мы не скопировали те части дела, с которыми, по их мнению, нам знакомиться не положено, — не позволили нам сразу же аккуратно и полностью атрибутировать сделанные нами выкопировки, снабдить их должным образом ссылками на листы дела и даже зафиксировать, из какой части дела произведено копирование. Теперь, по прошествии 22 лет, я уже не могу вспомнить важные подробности: например, почему в цитируемом ниже пересказе показаний начальника дивизиона ВОХР Миронова последний именуется подсудимым? Описка ли это или указание на то, что данная цитата является выпиской из приговора военного трибунала, приложенного к делу? Также я уже не могу восстановить, почему некоторые из тех, про кого мы точно знаем, что они были арестованы и привлечены к делу в качестве обвиняемых, именуются в документах свидетелями. Впрочем, в истории поисков «пропавшего этапа» эти нюансы не играют особой роли.

⁶⁵ Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д. №11602. Т.4 [?]. Л.99. Обвинительное заключение.

Очевидно, что осужденных отправляли к месту казни на автомашинах из какого-то здания, находящегося в пос. Медгора⁶⁶, столице Белбалтлага. Из какого? Функции «накопителя» здесь могло исполнять лишь одно здание — следственный изолятор ББК. Но в деле есть и прямые тому свидетельства:

Подсудимый МИРОНОВ по существу дела показал: С 10/XI-37 года по январь месяц 1938 г. по приказанию начальника 5-го отделения 3-го отдела ББК НКВД — БОНДАРЕНКО, я был привлечен в качестве рабочей силы в опербригаду возглавляемую БОНДАРЕНКО и зам. начальника 3-го отдела ББК — ШОНДЫШ по приведению в исполнение приговоров над осужденными к ВМН. Обстановка, в которой я и другие лица работали во время операции не соответствовала своему назначению, т.к. изолятор, где подготавливали осужденных к отправке на место приведения в исполнение приговоров, был деревянным, в результате чего малейший крик осужденных мог отразиться на лиц сидящих в изоляторе осужденных к ВМН. Дорога, по которой возили осужденных к месту приведения в исполнение приговоров, протяжением в 16 километров, была очень оживленной, т.к. по ней ходят люди, автобусы и автомашины⁶⁷.

Он же показывает:

Однажды, когда я был назначен старшим конвоя для сопровождения осужденных в пути следования, автомашина испортилась и в деревне Пиндуши встала и простояла примерно полтора часа⁶⁸.

⁶⁶ Поселок Медвежья Гора (Медгора) получил статус города и название Медвежьегорск 26 сентября 1938 года. Применение этого названия к событиям, относящимся к осени и зиме 1937, объясняется, очевидно, тем, что «дело о превышении власти» белбалтлаговскими чекистами, хотя и было начато в марте 1938, окончательно оформлялось уже в 1939, после переименования.

⁶⁷ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградского округа. 24–26.05.1939. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д.№11602. Т.4. Лист дела не зафиксирован.

⁶⁸ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградского округа. 25.12.1939. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д.№11602. Т.4. Л.347.

Эти показания относятся не к расстрелу соловецкого этапа, а к чуть более позднему расстрелам в «обычном месте» исполнения приговоров над заключенными Белбалтлага. Они, однако, уже содержат важные указания относительно географического положения этого «обычного места». А вот следующий отрывок из показаний Миронова уже прямо относится к расстрелу соловецких заключенных 27 октября — 4 ноября:

...мне было известно, что во время работы ленинградской бригады в пути следования при перевозке осужденных из изолятора к месту приведения приговоров, один из осужденных развязался и запрятым у него ножом поранил одного члена бригады⁶⁹. В первые дни операции при ленинградской бригаде обнаруживали, что осужденные в одежде хранили ножи, и были случаи, когда осужденные во время операции с ножами набрасывались на участников бригады и одного сотрудника из ленинградской бригады ранили в голову. Поэтому в дальнейшем во избежание подобных явлений и сохранения своих людей, стали осужденных раздевать до нижнего белья еще в изоляторе и в таком виде отправляли их к месту назначения⁷⁰.

Итак, несомненно, что «накопителем» служил следственный изолятор ББК в Медгоре, куда осужденных соловчан доставили из Кеми — очевидно, по железной дороге, другого способа перевезти 1111 человек из Кеми в Медвежьегорск не существовало. У нас нет точного ответа на вопрос, привезли ли в СИЗО Белбалтлага сразу всех 1111 человек, или это было сделано в несколько приемов. Вероятно, это был один эшелон, в который приговоренных поместили сразу после выгрузки с пароходов. Держать часть приговоренных к расстрелу в Кемперпункте было рискованно и грозило «расконспирированием» операции. К тому же из рапорта Матвеева Заковскому⁷¹ мы знаем, что расстрелы проводились строго в соответствии с протокола-

⁶⁹ Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградского округа. 25.12.1939. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д.№11602. Т.4. Л.347.

⁷⁰ Протокол судебного заседания. Там же. Лист дела не зафиксирован.

⁷¹ Оpubл.: Мемориальное кладбище Сандормох. Указ. изд. С.166.

ми «тройки», по одному протоколу в день, а чтобы отправлять их на расстрел, выкликая в соответствии с определенным протоколом, необходимо было иметь полностью весь контингент осужденных. То обстоятельство, что деревянное здание СИЗО Белбалтлага было рассчитано всего на 300 человек, вряд ли могло стать преградой: в 1937 подобное многократное переполнение тюремных площадей происходило повсеместно⁷².

Но самое важное: стало ясно, что «обычное место» — расстрельный полигон Белбалтлага — находилось в 16 км от Медвежьей Горы, за поселком Пиндуши, т.е. в районе 16-го километра Повенецкого тракта, на котором стоит этот поселок.

Наконец, в показаниях Миронова упоминается эпизод нападения одного из осужденных на конвой в пути следования из изолятора к месту казни. Не этот ли эпизод заставил Матвеева после первого дня расстрелов, 27 октября, сделать четырехдневный (!) перерыв, в течение которого он должен был организовать более безопасный и надежный порядок транспортировки казнимых? Подтверждение тому мы нахо-

⁷² Так, напр.: Телеграмма наркома внутренних дел УССР И.М. Леплевского наркому Н.И. Ежову от 20.08.1937: «Исключительно тяжелое положение создалось на Украине с размещением в тюрьмах арестованных. Все тюрьмы Украины количеством 39 вмещают 24 755 человек. На 20 августа содержится 43 000 арестованных» («Через трупы врага на благо народа»: «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. В 2 т. Т.1: 1937 г. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», Германский исторический институт в Москве, 2010. С.189). Шифровка начальника политуправления РККА Л.З. Мехлиса из Иркутска в ЦК ВКП(б) о положении в Иркутской области от 25.10.1938: «...в тюрьмах находится свыше 2000 арестованных, сроки содержания которых давно истекли. <...> Дела на всех давно оформлены, тюрьмы переполнены до отказа» (*Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора: История операции по приказу НКВД №00447. М.: Новый хронограф, 2008. С.351). Донесение начальника Кандалакшского РО НКВД лт. ГВ Кузнецова наркому внутренних дел КАССР Тенисону от 12.10.1937: «В Кандалакшской тюрьме создано очень напряженное положение, в связи с чрезмерной перегруженностью. На сегодня в тюрьме содержится 199 арестованных при объеме тюрьмы на 50 человек. В КПЗ при райотделении содержится 25 арестованных. Это положение начинает тормозить нашу работу — с одной стороны и создает большую угрозу — с другой, т.к. наша тюрьма не особенно прочная, а штат охраны состоит из 10 человек» (Архив УФСБ по Республике Карелия. Д.143. Л.198–198об.).

дим в заявлении Матвеева от 14.04.1939 на имя председателя военного трибунала. Оно заслуживает того, чтобы привести его целиком, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Председателю Трибунала Погран. Войск
УНКВД Ленинградского Военного Округа
От арестованова
Матвеева Михаила Родионовича

Заявление

Начала Октября 1937 года когда я был командирован Ленинградским УНКВД осмотреть место на стан. Мет. гора на предмет приведения приговоров осмотрев место и условия я выехал Ленинград для доклада ~~привы~~. Доложив Пом. Н-ка УНКВД ЛО Состе⁷³ и вместе с ним пошел докладывать Заковскому. <...> Я доложил что работать Мет Горе совершенно невозможно как в смысле конспирации так и совсем местные условия нет транспорта, нет всех тех необходимых удобств которых необходимы. И что работать совершенно невозможно. Мне в присутствии Состе было предложено Заковским выехать для работы, что работу нужно произвести там, т.е. Мет Горе. Когда я попросил у Состе две оперативные машины он сказал Ленинград операцию срывать не могу машин недал и в людях в место тридцати восьми человек просимых мною было дано только 12 человек и дали несколько грузовых покрышек и предложили немедленно выехать к месту что я издалел.

2) После приведения приговоров Мет Горе вернувшись Ленинград после октябрьских праздников я написал подробный рапорт на имя н-к УНКВД ЛО Заковска передав его Состе изложив подробно в рапорте при какой обстановки пришлось работать что для конвоирования в машину у меня была сделана деревянная палка (колотушка) в целях самозащиты и что у меня был побег и что у меня вовремя работы при вяски было два человека удушено и отом что я несколько человек ударил вовремя контр революционных выкриков.

⁷³ Правильно: Состэ Мартин Янович.

[Я] просил Заковсково срочно выслать на место человека или [комисию — *нрзб.*] на предмет расследования после подачи рапорта. Я спрашивал Состу неоднократно он мне отвечал все делается и последний раз спрашивал перед его отездом Москву. Он возмущенно ответил что вы Зам. Наркому недоверяете. Он заявил что все будет сделано значит будет сделано. После этого ответа я успокоился.

3) Мои нехорошие поступки те отом что я несколько человек ударил еще объясняю следующим что 1937 году сентябре и августе у меня очень обострена нервная система что может подтвердить заведующий поликлиникой УНКВД ЛО Ольшанец[?] и Зав. санотделом [*фамилия нрзб.*] который ставил вопрос Состе сентябре месяце немедленно меня освободить от работы и послать отпуск. И еще мне больше всего помог первый побег приговоренных я растерялся совершенно и немог работать.

Последние пять ночей я совершенно неспал. Ходил как ненормальный.

Учитывая все изложенное ~~товар~~ [зачеркнуто автором] гражд. Председатель Трибунала считаю что [1 слово *нрзб.*] я и подписал предъявленную мне статью обвинения считаю что статья предъявлена неправильно через чур жестока.

Прошу учесть мою просьбу.

[подпись] 14/IV 39⁷⁴.

По всей видимости, побег приговоренных, о котором упоминает капитан Матвеев в конце своего заявления, это и есть то нападение на конвой с ножом, о котором говорится в показаниях Миронова. Другие инциденты, упоминающиеся в заявлении Матвеева, фигурируют также в показаниях политука дивизиона ВОХР Карамышева:

Я помню следующие случаи избиения. Находившаяся Ленинградская бригада во главе с Капитаном госбезопасности МАТВЕЕВЫМ по приведению приговоров в исполнение, по Соловецким заключенным, проводила подготовку в изоляторе для погрузки в автомашину. В комнате, где находились осужденные со связанными

руками и ногами, одна из них выкинула контрреволюционную террористическую фразу по отношению вождя партии, после этого кем то из Ленинградской бригады она была ударена ногой в живот, наложена петля на шею и удушена. Также с Соловецкого этапа при вязке рук в изоляторе было убито на смерть два заключенных фамилии их не знаю⁷⁵.

И наконец последняя цитата для полноты картины — опять из показаний Матвеева:

Осужденных к ВМН привозили на машине в предназначенное на это место, т. е. в лес, вырывали большие ямы и там-же в указанной яме приказывали арестованному ложиться вниз лицом, после чего в упор из револьвера арестованного стреляли⁷⁶.

Добавим без цитирования: из материалов дела следует, что глубина ям была больше человеческого роста.

***

Итак, к осени 1996 мы знали о расстреле первого соловецкого этапа следующее:

- что в конце октября 1937 года 1111 из 1116 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения, приговоренных по протоколам ленинградской «тройки» №81–85 от 9, 10 и 14 октября, были переданы начальником СТОИ И.А. Апетером капитану Матвееву и его команде и вывезены с Соловков на материк;
- что из Кеми они были этапированы на станцию Медгора, где временным местом их содержания служил следственный изолятор Белбалтлага;
- что в распоряжении капитана Матвеева было всего два грузовых автомобиля; чтобы расстрелять за пять дней

⁷⁴ Заявление М.Р. Матвеева председателю Военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа от 14.04.1939. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д.№11602. Т.4. Л.138–139.

⁷⁵ Выписка из протокола допроса А.Т. Карамышева. 21.05.1938. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д.№11602. Т.5.[?]. Л.56.

⁷⁶ Протокол допроса М.Р. Матвеева. 13.03.1939. Архив УФСБ по Республике Карелия. Фонд Следственных дел. Д.№11602. Т.5[?]. Л.81.

более 1100 человек, необходимо было совершать как минимум по три–пять рейсов в сутки;

- что перед отправкой на казнь приговоренных приводили в специальное помещение в СИЗО, где их связывали по рукам и ногам, а затем грузили в автомобили, на которых их под конвоем доставляли к месту казни;
- что казни и захоронения тел казненных происходили 27 октября, 1, 2, 3 и 4 ноября 1937 на специальном расстрельном полигоне, где уже приводились и еще будут приводиться в исполнение приговоры над заключенными Белбалтлага;
- что четырехдневный перерыв в расстрелах (28–31 октября) был, по всей вероятности, вызван попыткой одного из заключенных напасть на конвой во время перевозки из СИЗО к месту казни и необходимостью изменения процедуры перевозки (в частности, после этого инцидента перед погрузкой на грузовик приговоренных стали не только связывать, но и раздевать до нижнего белья);
- что расстреливали соловецких заключенных сам Матвеев и Г.Л. Алафер, помощник коменданта УНКВД ЛО.

Итак, по имеющимся в деле показаниям можно было считать установленным, что это место находится в лесу, в районе 16-го (считая от здания изолятора ББЛ в Медвежьегорске) километра дороги, за деревней Пиндуши.

Теперь оставалось найти захоронения на местности.

Акт третий МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ. САНДОРМОХ

Время действия:	1997
Исторический контекст:	60-я годовщина Большого террора
Интенция памяти:	создать мемориальное кладбище
Формулы памяти:	помнить вместе, помнить здесь

«...таким местом действительно может быть карьер в районе 16-го км»

Дальнейшие события развивались стремительно. Осенью 1996, вернувшись из Петрозаводска с выписками из дела Матвеева, мы начали готовить поисковую экспедицию. Искать Соловецкий этап следовало в «обычном месте» приведения в исполнение приговоров Белбалтлага, в окрестностях лагерной столицы — Медвежьегорска. Главная задача — сузить территорию поиска еще до выезда на местность и найти союзников в неизвестном нам Медвежьегорске. Иофе написал письмо в районную администрацию с просьбой оказать содействие в поиске места захоронения соловецких заключенных в окрестностях Медвежьегорска на участке «Пиндуши — Повенец», а также просил выяснить, что известно местным жителям о местах захоронений и лагерных кладбищах в окрестностях Медвежьегорска и о местонахождении СИЗО ББЛ в 1937 году.

Вскоре заместитель главы районной администрации Вячеслав Александрович Каштанов переслал нам письмо от журналистки Надежды Ермолович. Она писала, что ее покойный супруг, местный краевед Николай Ермолович, неоднократно слышал от старожил о расстрелах в песчаном карьере около дороги на Повенец. Вскоре Надежда Ермолович прислала черновик своей статьи для местной газеты. В статье рассказывалось об обращении директора Научно-информационного центра «Ме-

мориал» В.В. Иофе с просьбой о помощи в поиске захоронений, а также приводились свидетельства местных жителей:

...тюрьма располагалась в самом центре города на ул. Советской <...> Старожил Медгоры Татьяна Павловна Апполонова знает точно, что массовые расстрелы производили на 11 разъезде дальше ст. Масельгская и на 10 разъезде Предмедгорском. Кладбища в 30-е годы были на ул. Ленина и в п. Первомайский. В 1947 году умиравших в тюрьме хоронили на новом кладбище.

Место массовых расстрелов действительно было между Повенцом и Пиндушами. В прошлом году, как сообщала наша газета, общественность пыталась узнать тайну песчаного карьера. Был приглашен очевидец из Повенца – экскаваторщик, который в 50-е годы строил дорогу Пудож–Медгора и выкопал человеческие черепа. Раскопки ничего не дали. Были видны только кости животных (на этом месте позже устроили скотомогильник). А человеческие кости, видимо, вывезли на основу дороги Пудож–Медгора. <...> в Повенце жил один из участников исполнения приговоров в 30-годы. Перед смертью его стала, видимо, мучить совесть, и он рассказал своему знакомому Л.Ф. Чекальскому о том, как и где происходили расстрелы, где стояли палатки тех, кто приводил приговоры в исполнение. Это совсем рядом с тем местом, которое раскапывали в поисках захоронений в 1995 году. Убийца рассказывал, что они, 40 человек, жили в палатках, «работали» ночью, а днем отдыхали, была выставлена охрана. В Медвежьегорском музее хранится письмо Н.С. Фриюк из Бишкека, которая вместе со своей подругой Вандой Яворской в тридцатые годы обнаружила место массовых расстрелов, и оно совпадает с тем, которое показал мне Лев Чекальский (кому перед смертью исповедовался убийца).

«Однажды, – пишет Н.Фриюк, – мы решили найти это место [массовых расстрелов. – Н.Е.]. По дороге на Повенец шли долго, затем повернули в лес и пошли по лежневке. Дошли до вырубки, вроде поляны. Там увидели сколоченную из досок будку с окошком. Ниже той будки вроде утрамбованная земля, то, видимо, и была братская могила невинных жертв. Валялось вокруг много бумажек, скрученных в трубочки. Мы их разворачивали, читали. В них были только прощальные слова: “простите, прощайте, мои дорогие, родные”. На некоторых значилось имя, на других – фамилия. С собой мы их взять побоялись. Заплакали с Вандой и ушли. Это была наша тайна, которую я хранила почти всю жизнь».

Письмо датировано 28 июля 1992 года <...> Таковы краткие сведения, собранные от местных жителей с 1992 по 1996⁷⁷.

Завязалась переписка: Иофе отправил Ермолович все собранные нами доказательства проведения расстрелов в районе 16-го км дороги на Повенец, она, в свою очередь, передала их Каштанову. В ноябре 1996 мы стали планировать экспедицию.

...Для нас уже является очевидным, что таким местом действительно может быть карьер в районе 16-го км дороги «Медвежьегорск–Повенец», так как имеются свидетельства очевидцев, которые случайно попали в расположение подразделения, задействованного в оцеплении места расстрела. Более того, есть люди, которые находили в этом районе останки погибших.

Однако первая попытка вскрыть захоронение окончилась неудачей. Тем не менее, мы намерены весной 1997 года прокопать шурфы на большей территории и найти останки. <...> Для установления связей с «Мемориалом» мы готовы принять рабочую группу в любое для Вас удобное время⁷⁸.

12 февраля 1997 на заседании Рабочей коллегии Международного общества «Мемориал» Иофе сообщил о текущих результатах поиска соловецкого этапа. Тогда же Коллегия приняла решение о проведении в 1997 году на 16-м километре шоссе «Медвежьегорск–Повенец» — независимо от итогов экспедиции — дней памяти, посвященных 60-летию соловецкого расстрела, «среди жертв которого были представители почти всех народов, населявших СССР», и 60-летию Большого террора в целом.

В апреле 1997 мы отправились в Медвежьегорск договариваться о начале полевых работ и для предварительного осмотра местности. Каштанов договорился с начальством местного гарнизона о выделении солдат для участия в земляных работах.

⁷⁷ Ермолович Н. Репрессии. Черновик статьи для газеты «Северный курьер», машинопись. Апрель. 1997. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Дальнейшая судьба статьи неизвестна; возможно, она так и не была опубликована.

⁷⁸ Письмо В.А. Каштанова в адрес В.В. Иофе. Медвежьегорск, 25.11.1996. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Прямых свидетелей расстрелов в этом районе не осталось, имеющиеся сведения носили вторичный и уже фольклорный характер. Мы надеялись подробно ознакомиться со свидетельствами, о которых писали Надежда Ермолович и Вячеслав Каштанов, однако выяснилось, что эти свидетельства не были зафиксированы, а существовали исключительно в устных пересказах разных людей. Даже письма Фриюк в фондах Медвежьегорского музея обнаружить не удалось.

На местности, куда мы поехали вместе с Каштановым и начальником райотдела УФСБ старшим лейтенантом В. Стариковым, выяснилось, что карьер находится на 19-м км трассы, а не на 16-м, что он не песчаный, а песчано-гравийный, занимает площадь около 1 га, и выработка карьера в центральной его части значительно превышает 2 метра. Потребовались дополнительные уточнения. За ними пришлось обращаться в архив дорожного строительства, где нам удалось познакомиться с дорожными картами и документами по использованию карьера. Обнаружилось следующее:

- 1) километраж дороги «Медвежьегорск–Пиндуши–Повенец» изменился при прокладке новой дороги в 1950-е годы (петля на выезде из Медвежьегорска), и интересующий нас 16-й километр (по Матвееву) соответствует современному 19-му;
- 2) песчано-гравийный карьер начали разрабатывать тогда же на месте заброшенного песчаного карьера для строительства той же дороги (этим и объяснялась глубина выработки).

По документам землеотвода мы с Иофе попытались выявить довоенную часть карьера и выяснили, что гравийные разработки 1950-х годов перекрыли большую часть территории старого песчаного карьера, оставив нетронутым лишь небольшое пятно. На местности это пятно не читалось (да и карты оказались недостаточно точны), рельеф сгладился, территория заросла деревьями. Но если принять версию (а мы от нее еще не отказались), что захоронения 1930-х годов находились в песчаном карьере, то после начала гравийных разработок они могли сохраниться только на этом пятне, на периферии разра-

боток. Мы все же надеялись, что захоронений эти разработки не затронули: если бы это случилось, то, по нашему опыту, об этом рассказывали бы и строители, и местные жители. А таких рассказов в Медвежьегорском районе зафиксировано не было.

Позже мы догадались, почему в рассказах местных жителей возник «заброшенный песчаный карьер»: по-видимому, пост охраны на лесной дороге, проходившей от шоссе к месту казней, был расположен рядом с отвилкой на карьер, и поэтому расстрелы связались в их памяти именно с этим, хорошо им известным объектом.

Договорились с Каштановым начать поиски. Он съездил в расположенную поблизости воинскую часть и договорился с командованием, что при проведении раскопок нам в помощь будет выделена группа солдат. Тогда же была назначена дата начала поисковых работ — 1 июля.

В начале июня мы продолжили работу над биографиями из «списка 1825»: копировали материалы соловецких дел, которые отложились в архиве УФСБ Карелии. Там, в курилке, я познакомилась с Юрием Дмитриевым: после смерти Чухина он продолжал работу по составлению Книги памяти Карелии, а также искал материалы, которые могли бы помочь ему в поиске мест захоронений жертв карельской «тройки».

Мы обменялись данными о расстрелах в окрестностях Медвежьегорска, рассказали, что в поисках Соловецкого этапа вышли на «обычное место» расстрелов Белбалтлага⁷⁹ и пригласили Дмитриева присоединиться к уже назначенной экспедиции. Он подтвердил, что Медвежьегорск как расстрельное место встречается в актах карельской «тройки», к нашим данным отнесся скептически («не там ищите»), однако принять участие в наших поисках согласился. Мы решили, что если ничего не обнаружим на 19-м километре, то вместе поедem на «второе» место. Решили считать экспедицию совместной поисковой операцией петербургского и петрозаводского «Мемориалов».

⁷⁹ По таблицам И.И. Чухина, в Медгоре с 11.08.1937 до 27.11.1938 расстреляно 3479 человек как по постановлениям Тройки НКВД КАССР (2666), так и по постановлениям Комиссии НКВД и Прокурора СССР (813).

1 июля 1997 года: захоронению было дано имя — Сандормох

В Медвежьегорск мы приехали 30 июня 1997 года, Дмитриев — на своей машине с 12-летней дочкой Катей и собакой. Он снял домик на берегу Онежского озера до конца лета: мы были уверены, что поиски продлятся несколько месяцев.

1 июля приступили к шурфовке. Командование воинской части, как и обещало, выделило группу солдат во главе с командиром роты старшим лейтенантом А. Жданом. Начали с песчаного пятна в старой части карьера. Работа шла быстро: солдаты делали неглубокие шурфы около 70–80 см. Я проверяла срезы на наличие нарушения почвенных слоев, и, поскольку их не было, мы двигались дальше. К середине дня все пробы дали отрицательный результат. Было решено методично пройти с проверкой по всему периметру, полностью отработав версию карьера, и только после этого расширить зону поиска и двигаться дальше в лесной массив.

Вначале все участники экспедиции находились в напряжении — вот-вот наткнемся на останки! — но постепенно работа стала рутинно-технической, командиры гарнизона, оставив солдат, уехали, а остальные разбрелись намечать следующие точки для шурфовки. Довольно быстро из леса вернулся Дмитриев со словами: «Я нашел!»

Примерно в пятистах метрах севернее карьера (девятьсот метров от шоссе) в сосновом бору слева от дороги, ведущей в глубь леса, он обнаружил характерные проседания почвы размером 4×4 м и 10–30 см глубиной. Они имели почти правильную, слегка оплывшую по краям, четырехугольную форму.

Принялись копать на новом месте. Верхние слои почвы оказались перемешанными, и в первом же раскопе на глубине двух метров потрясенные солдаты наткнулись на костные останки. Глубину залегания останков определить не удалось — щуп не достигал твердого грунта. Раскопки остановили, вызвали представителей районной прокуратуры. В ожидании приезда расчистили верхний слой до костных останков. Дождавшись приезда помощника районного проку-

рора В.А. Фирстова, с его санкции из верхнего слоя извлекли черепа с пулевыми отверстиями и составили заявление в прокуратуру, содержащее «акт обнаружения останков массового захоронения казненных» и просьбу возбудить уголовное дело по факту обнаружения массового захоронения.

Реакция Фирстова была нетривиальной (или, наоборот, слишком предсказуемой): он заявил, что это не массовое захоронение, а «неединичное». На наши возражения, что здесь по всему лесу такие же расстрельные ямы, последовал ответ: «Неочевидно». Тогда мы предложили вскрыть в присутствии районной прокуратуры любое другое проседание. Прокурор выбрал самую невыразительную яму — результат оказался тот же: костные останки в несколько слоев на глубине двух метров. Изъяв для экспертизы два черепа, представители прокуратуры удалились.

Через несколько дней Дмитриев, опять в присутствии помощника прокурора Фирстова, выехал на место захоронений, вскрыл еще 5 расстрельных ям и передал для экспертизы дополнительные материалы. 17 июля на основании постановления помощника прокурора в медико-криминологическом отделении Бюро судебно-медицинской экспертизы минздрава Республики Карелия была проведена экспертиза костных останков из могил №1, №39, №40 (нумерация по номерам столбиков). В заключении эксперта от 25 июля сказано: «...давность захоронения свыше 50 лет...», «На всех черепках имеются пулевые огнестрельные повреждения. Входные отверстия расположены в затылочных костях, выходные на лобных костях»⁸⁰.

12 августа 1997 все тот же Фирстов вынес Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела:

В ходе осмотра места происшествия были вырыты пять ям, глубиной до 3-х метров и диаметром 4 метра. В указанных ямах были обнаружены остатки человеческих скелетов, которые лежали несколькими слоями. Из трех ям были извлечены 4 черепа и отдель-

⁸⁰ Заключение эксперта Бюро судмедэкспертизы МЗ РК №136–139 от 25.07.1997. (Копия.) Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

ные части скелета, которые были подвергнуты судебно-медицинскому исследованию.

По заключению судебно-медицинского эксперта обнаруженные кости и черепа человека пролежали в земле свыше 50 лет. На всех черепках имеются пулевые огнестрельные повреждения. Входные отверстия расположены на затылочных костях, выходные на лобных костях. <...>

По пояснению Дмитриева Ю.А. поисковые мероприятия проводились с целью установления мест массовых захоронений жертв политических репрессий, проводимых в 1937–1938 годах.

<...>

Исходя из осмотра места происшествия и заключения судебно-медицинского эксперта можно сделать выводы о том, что смерть четырех человек <...> является насильственной и наступила свыше 50 лет назад. В связи с этим следует, что **погибшие не являются потерпевшими от преступлений, совершенных в настоящее время, поэтому оснований для возбуждения уголовного дела не имеется.**

На основании изложенного, руководствуясь п.1 ст.5 УПК РСФСР, ст. 9 УПК РСФСР,

Постановил:

В возбуждении уголовного дела по факту обнаружения частей скелетов 4-х человек отказать за отсутствием события преступления <...> [выделено полужирным мной. — И.Ф.]⁸¹.

По предложению Иофе захоронению в лесном урочище было дано название Сандормох⁸² — так на старых картах назывался находившийся неподалеку заброшенный хутор.

Второй день экспедиции был посвящен выявлению и маркированию расстрельных ям и границ территории захоронений. Ямы маркировали купленным в Пиндушском строительном магазине штатетником, предварительно его пронумеровав. Всего было обнаружено и маркировано 150 ям⁸³.

⁸¹ Постановление помощника прокурора Медвежьегорского района В.А. Фирстова об отказе в возбуждении уголовного дела от 12.08.1997. (Копия.) Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁸² В официальных документах и литературе чаще используется написание «Сандармох». Я, однако, придерживаюсь первоначального написания.

⁸³ В последующем Дмитриев проводил дополнительные изыскания, и, по его данным, всего на участке находится 236 ям.

Сосновый бор на 19-м км дороги на Повенец — теперь урочище Сандормох — относился к лесному фонду, и требовалось подготовить границы для выведения участка захоронений из его состава. Приехали лесничие, и, когда я с ними устанавливала вешки по всему периметру, обнаружилось, что вокруг этой территории существовала круговая дорога — заросшая, плохо читаемая на местности, иногда превращавшаяся в тропу. Судя по всему, на этой дороге выставляли конвой и охрану во время экзекуций.

Дмитриев все-таки съездил и на «второе место», но не нашел его.

«...в целях увековечения...»

14 августа Иофе был приглашен на специальное совместное совещание Правительства Республики Карелия и Комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий при Правительстве Республики Карелия, на котором внес предложение о создании в урочище мемориального комплекса «Сандормох» и о необходимости его открытия 27 октября 1997 года. Предложение было принято, оформлено правительственным указом. Приведу текст постановления с незначительной купюрой:

В целях увековечения памяти жертв политических репрессий и руководствуясь Федеральным законом от 12 января 1996 года №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, №3, ст.146), постановляю:

1. Рекомендовать органу местного самоуправления Медвежьегорского района Республики Карелия совместно с Государственным комитетом Республики Карелия по лесу подготовить необходимые документы на отвод земельного участка на месте массового захоронения жертв репрессий в целях создания историко-мемориального кладбища. В соответствии с действующим законодательством обозначить и зарегистрировать ранее неизвестное захоронение. <...>

2. Министерству финансов Республики Карелия направить в бюджет Медвежьегорского района дотацию в сумме 100 млн. рублей в целях оказания финансовой помощи бюджету района

и в связи с необходимостью обеспечения работ по первоначальному обустройству места захоронения.

3. Комитету по строительству, эксплуатации и содержанию автомобильных дорог Республики Карелия по согласованию с органом местного самоуправления Медвежьегорского района провести необходимые работы по строительству подъездной автомобильной дороги к месту захоронения.

4. Министерству культуры Республики Карелия организовать работы по постановке захоронения на государственный учет в качестве памятника истории за счет средств, выделяемых из бюджета Республики на сохранение объектов историко-культурного наследия, в 1998 году разработать проект оформления и благоустройства историко-мемориального кладбища.

5. Рабочей группе, образованной распоряжением Председателя Правительства Республики Карелия от 22 августа 1997 года №488-р, совместно с Министерством культуры, Министерством финансов Республики Карелия и пресс-секретарем Председателя Правительства Республики Карелия разработать сценарий акции «Покаяние», смету расходов на ее проведение и порядок ее освещения в средствах массовой информации.

Председатель Правительства В. Степанов⁸⁴.

В какой-то момент Правительство Карелии попыталось перенести открытие мемориального комплекса на 26 октября — воскресенье. Но Вениамин Викторович настоял на своем, сообщив, что 27 октября «Мемориал» все равно соберет родственников погибших, пригласит всех, кто помнит соловецкий этап, а также делегации от российских регионов и бывших союзных республик, чьи граждане погибли в Сандормохе; и установит деревянную табличку с надписью «Соловецкий этап: 1111 человек»⁸⁵. Если же Карелия в этом не будет участвовать — это ее, Карелии, дело.

⁸⁴ Постановление председателя Правительства Республики Карелия от 29 сентября 1997 года №550 «О мероприятиях по обустройству ранее неизвестного захоронения жертв массовых репрессий в Медвежьегорском районе Республики Карелия».

⁸⁵ На тот момент из всех погибших в Сандормохе мы знали поименно лишь 1111 соловчан; позже Дмитриев сумел привязать к этому захоронению имена жителей Карелии, заключенных БЛ, трудпоселенцев (подробнее см. ниже).

Деньги из республиканского бюджета на обустройство территории были уже выделены, и власти в Петрозаводске уступили. К открытию мемориального комплекса администрация Медвежьегорского района проложила к кладбищу через лес 900 метров асфальтированной дороги, огородила и очистила территорию леса. Толчком к художественному решению мемориализации всей территории захоронений оказались оставленные нами в урочище штакетины: на их месте над могильными ямами были поставлены деревянные столбики-голубцы⁸⁶. За последнюю неделю перед открытием медвежьегорские плотники — местный кооператив «Радуга» под началом Виктора Могутина — успели срубить часовню св. Георгия Победоносца (по проекту архитекторов В.В. Большакова и Э.В. Воскресенского).

Эти два месяца до открытия комплекса НИЦ «Мемориал» посвятил организации приглашений и сбору всех, для кого слово «Сандормох» стало важным элементом их собственной биографии. Главным было, конечно, организовать прибытие в Медвежьегорск родных и близких казненных соловчан. Но не только. Приглашения, снабженные соответствующими выборками из общего списка пропавшего этапа, мы разослали по всем администрациям российских регионов, а также по общероссийским организациям национальных сообществ, представленных в соловецком списке, но не имеющих территориальной автономии.

Срочно была подготовлена и издана первая кладбищенская книга «Мемориальное кладбище “Сандормох”. 27 октября — 4 ноября», содержащая краткие биографии 1111 человек соловецкого этапа⁸⁷, которую раздавали на открытии комплекса.

⁸⁶ Художественное решение принадлежит Владимиру Васильевичу Попову, автору эскизного проекта генерального плана мемориального комплекса. Попов при установке столбцов, вероятно, ориентировался не только на уставленные на расстрельных ямах штакетины, но и на более-менее равномерное заполнение ими пространства территории.

⁸⁷ Мемориальное кладбище Сандормох. 1937: 27 октября — 4 ноября. Указ. изд.

Открытие мемориального комплекса

27 октября в Сандормохе собралось около 900 человек. Состоялось открытие памятных знаков, освящение часовни епископом Петрозаводским и Карельским Мануилом, прошли поминальные службы: православная, католическая, лютеранская и иудейская. На траурном митинге на лесной поляне присутствовали представители генеральных консульств Германии и Польши, посол Украины, официальные представители Карелии, Татарстана, Удмуртии.

Делегация удмуртских писателей приехала, чтобы почтить память основателя удмуртской литературы Кузубая Герда, политики и деятеля культуры из Украины — чтобы почтить память режиссера Леся Курбаса, литературоведа Миколы Зерова и других своих соотечественников. Как сказал в своем выступлении поэт Иван Драч, «в Сандормохе расстрелянной украинской интеллигенции оказалось больше, чем рядом с Киевом и Львовом».

Официальной Москве сказать, по-видимому, было нечего или не хотелось: депутаты Государственной Думы Сергей Ковалев и Валерий Борщёв присутствовали на этой гражданской панихиде как частные лица. Не была представлена и администрация Санкт-Петербурга, так что официальное участие нашего города в этой истории свелось к тому, что ленинградская «тройка» в свое время приговорила, а ленинградская бригада расстреляла.

В этот день на мемориальное кладбище приехали 50 родственников казненных соловчан. Ксения Дмитриевна Медведская приехала на могилу мужа, ленинградского радиотехника Константина Медведского, которого увели из дома 61 год назад. Приехали из Москвы Элеонора Алексеевна Вангенгейм, дочь основателя Гидрометслужбы СССР Алексея Вангенгейма, и Рада Михайловна Полоз, дочь наркома финансов Украинской ССР Михаила Полоза. Приехали Лариса Ивановна и Мария Тарасовна Крушельницкие — внучки министра культуры Украинской Народной Республики Антона Крушельницкого. Приехали родственники осужденных по «делу славистов» Ни-

колая Дурново и Густава Тюрка. Приехал Николай Ковач, родившийся в 1936 году на Соловках и через год оставшийся без матери. Приехал Эдуард Пеннер из Симферополя, лишившийся в Сандормохе обоих родителей. Юрий и Нина Касаткины — дети ленинградского историка Василия Яковлевича Касаткина, из Ростова приехала дочь Ивана Ивановича Автократова-Дудукина — Лиана Маринюк.

Пока что все вышесказанное следует рассматривать как материализацию только соловецкой памяти: делегации из Удмуртии, Татарии, Украины, поляки и немцы — все они приехали на траурные церемонии, посвященные казненным здесь узникам Соловецкой тюрьмы. Найденное захоронение ассоциировалось прежде всего с пропавшим этапом, который мы так долго искали и наконец нашли. На одном из памятников, открытых в Сандормохе 27 октября, а именно на гранитном валуне, установленном по инициативе НИЦ «Мемориал», была укреплен табличка с надписью: «Здесь с 27 октября по 4 ноября 1937 г. были расстреляны 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы».

Но и другие открытые 27 октября памятные знаки говорили о соловецком этапе, все были знаками соловецкой памяти:

- православный поклонный крест, у которого была отслужена панихида по казненным здесь православным священникам и епископам из соловецкого этапа;
- памятный крест с надписью «Убієнним синам України»;
- другой памятный крест — католический, с надписью на русском и польском языках: «К 60-летию. Соловецким узникам-полякам и священникам, которые нашли место вечного покоя на этой земле. 27.10.1997. Соотечественники» (этот крест был установлен польской делегацией по инициативе о.Кшиштофа Пожарского, настоятеля прихода Св. Станислава в Санкт-Петербурге).

Однако 27 октября стало началом соединения двух потоков памяти: соловецкого и карельского, то есть памяти о Большом терроре в Карелии. На открытие кладбища из Петрозаводска и других районов республики приехали вдовы, дети и внуки расстрелянных. Сама церемония началась с открытия закладного камня будущего памятника жертвам поли-

тических репрессий в Карелии, воздвигнутого перед входом на территорию кладбища по инициативе Юрия Дмитриева и на средства правительства Карелии. В надписи на этом камне Сандормох не упоминался; монумент мыслился как общий памятник жертвам репрессий.

Возникновение мемориального кладбища «Сандормох» породило еще одну форму коллективного переживания прошлого — не «соловецкую память» и не «память потомков жертв Большого террора в Карелии». Оно актуализировало и конкретизировало «память об эпохе террора» в региональном сознании. Эту конкретизацию, хорошо прослеживаемую по публикациям местной прессы, по реакции местных жителей, по участию их — от районной администрации и сотрудников Медвежьегорского музея до локального бизнес-сообщества — в обустройстве кладбища, можно описать формулами: «это было у нас в Карелии», «это было у нас в Медвежьегорском районе». Иными словами, открытие мемориального кладбища в Сандормохе сформировало *региональную историческую память о терроре*, не привязанную к памяти жертв — личной или семейной. Как и везде в российской провинции, эта память не выходит за рамки региона; она не в состоянии вписать Большой террор в контекст национальной истории, актуализировать связанные с ним историко-политические, нравственные и культурные проблемы. Тем не менее и такая «региональная историческая память» является своеобразной формой коллективного переживания прошлого.

В день открытия мемориального кладбища на нем появились и первые личные памятные знаки: кресты, именные таблички, надписи на деревянных столбиках-голубцах. Это были просто имена, к которым пишущие даже не всегда добавляли даты жизни и смерти. В 1997 году это еще были главным образом соловецкие памятные знаки. Впоследствии, с течением времени, стало появляться все больше и больше знаков карельской памяти; сейчас они превалируют.

Клара Михайловна Павлова и Нина Михайловна Мастерова познакомились на первых соловецких днях памяти в 1989 и подружились. К открытию мемориального кладбища они изготовили и привезли в Сандормох из Петербурга два дере-

вянных креста с именами отца Клары Михайловны — Михаила Денисовича Мартынова, матери Нины Михайловны (Маториной, тоже Нины Михайловны) и ее дяди — Ивана Александровича Коккина. Установил кресты Михаил Пушницкий. Рада Михайловна Полоз и Элеонора Алексеевна Вангенгейм написали имена своих отцов на одном столбике-голубце в глубине леса. Наталья Леонидовна Сабсович на одном из столбиков написала имя своего сводного брата — Бориса Рудановского. К Анне Бриллиантовой приехали брат Василий Вячеславович и сын Теймур, Василий Бриллиантов написал имя сестры. Инна Даниловна Месяц приехала из Красноярска на место расстрела отца, Даниила Зельмановича Будницкого, а из Уфы к отцу — Геннадью Леонидовичу Шестак-Садовскому — приехал его сын Гореслав Геннадьевич; из Одессы — Юлия Михайлова, ее отец слесарь-машинист Иван Иванович Михайлов был отправлен на Соловки, когда ей едва исполнилось 4 года. У Ади Идрисовича Урманче, студента Казанского университета арестованного по «делу Султан-Галиева», детей не было, к нему на могилу приехал племянник — Шамиль Кутубович Гизатуллин.

Зоя Дмитриевна Марченко и Анна Яковлевна Розина уже не в состоянии были доехать до Сандормоха; мы положили от их имени цветы к расстрельным ямам.

Открытие кладбища завершилось встречей в Медвежьегорске представителей делегаций с представителями правительства Карелии и администрации Медвежьегорского района. На этой встрече, по предложению НИЦ «Мемориал», был учрежден Международный день памяти жертв Большого террора — 5 августа⁸⁸.

---

⁸⁸ В 1937 в этот день началась операция по приказу Ежова №00447 — самая массовая из всех операций НКВД в период Большого террора.

«...Люди могут побеждать, но для этого нужно найти пропавший этап»

Из выступления В.В. Иофе на открытии мемориального кладбища 27 октября 1997 года:

Сразу же после окончания Гражданской войны коммунистический режим перестал делить наших сограждан на красных и белых, и под арест пошли и те и другие. Одних называли контрреволюционерами и реставраторами капитализма, других — оппозиционерами и ревизионистами, но все они при этом оказывались «врагами народа». Их держали в одних лагерях, а потом они оказались в одних расстрельных ямах — и бывшие белые офицеры, и слушатели Военно-политической Академии им. Толмачева. Режим избавлялся от людей, хоть как-то окрашенных, самобытных, хоть в чем-то с чем-то не согласных, — от живых. Ему нужны были бесцветные, согласные, никакие, — к этому сводилась политика советской власти, что бы ни говорила ее пропаганда. Эта цель была достигнута, и брежневская эпоха стала кульминацией бесцветности, правда, и застоя тоже, но одного без другого в жизни не бывает. Об этом полезно помнить именно сегодня, когда политические руководители призывают нас к согласию и примирению и обещают опять не делить на красных и белых. Нечто подобное уже объявлялось государственной целью и раньше, но какой ценой достигалось заветное морально-политическое единство советского народа — и должны нам постоянно напоминать памятники Сандормоха.

60 лет назад великая мировая держава захотела уничтожить тысячу человек так, чтобы даже памяти о них не оставалось. У нее были все возможности государства, у них — только сила собственной личности. Сегодня мы знаем поименно и всех жертв, и всех приговоривших, и всех исполнителей, и тех, кто возил, и тех, кто стрелял, — всех. Это значит, что эти люди победили, что люди вообще могут побеждать, но для этого нужно одно — найти пропавший этап [курсив мой. — И.Ф.]⁸⁹.

⁸⁹ В. Иофе. Выступление. Видеозапись Т. Косиновой. 27.10.1997. Архив НИЦ «Мемориал».

Акт четвертый МЕМОРИАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ «САНДОРМОХ»: СЦЕНАРИИ И КОЛЛИЗИИ

Время действия:	1998–2013
Исторический контекст:	разногласие памятей
Интенция памяти:	поиски этноконфессиональной идентичности
Формулы памяти:	здесь в общих могилах лежат люди разных национальностей и разных вероисповеданий

Жизнь места памяти

Итак, тайна раскрыта, и безымянный могильник в прионежской тайге превратился в «Мемориальное кладбище жертв политических репрессий “Сандормох”». Постановлением Правительства Республики Карелия №214-П от 8 августа 2000 года кладбищу был присвоен статус объекта культурного наследия регионального значения⁹⁰. Учрежден Международный день памяти жертв Большого террора — 5 августа (по инициативе Общества «Мемориал», но с согласия и при поддержке карельского правительства).

Жизнь места памяти — это его обустройство, установка памятников, проведение церемоний — гражданских и религиозных, журналистские публикации, съемка фильмов, научные исследования, в конце концов, представления о месте в общественном сознании. Драматические повороты сюжета, выстраивавшегося до сих пор вокруг *поисков места*, сменяются новыми, по-своему не менее драматическими перипетиями, связанными с *поисками смыслов*, привязанных к этому месту, иногда противоречивых и даже враждебных друг другу.

⁹⁰ Работы по содержанию и благоустройству на средства из регионального и районного бюджетов возложены на Медвежьегорский районный музей.

В первые годы культурного освоения Сандормоха основное смысловое напряжение было сосредоточено в поле «память Карелии — память Соловков» и воплощалось в двух парадигмах: память простых — память элит, память о безымянных жертвах террора — память о конкретных людях. Напомним, что обнаружение захоронения в Сандормохе явилось в первую очередь результатом поисков «пропавшего этапа» заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения. Таким образом, изначально память этого места была частью соловецкой памяти, и «место памяти Сандормох» несло в себе память о Соловках, воспринималось главным образом как обозначение конечного пункта маршрута 1111. Эти 1111 человек — конкретные люди с именами и биографиями. А остальные несколько тысяч пока оставались безымянными жертвами, с более-менее условной привязкой к найденным захоронениям.

Конечно же, как и дети соловчан, жители Карелии начали локализовывать память о своих погибших в Сандормохе еще 27 октября 1997, в момент открытия Мемориального кладбища. Тогда появились первые «личные памятные знаки»: исполненные фломастером, карандашом или шариковой ручкой надписи на деревянных столбиках, символически маркирующих расстрельные ямы. Разумеется, это была условная привязка — сами пишущие еще не могли знать, что останки их родственника лежат именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте. И эти надписи, как и сам факт приезда на открытие кладбища местных жителей — из Медвежьегорского района, Петрозаводска, Сегежи и из других районов Карелии, — привязывали к Сандормоху память о «Большом терроре вообще». В этом же духе была выдержана и надпись на закладном камне, установленном при открытии кладбища на средства правительства Карелии, — просто: «Здесь будет установлен памятник жертвам политических репрессий 1937–1938 гг.». Именно так обычно и происходила стихийная мемориализация на всех найденных расстрельных полигонах во всех регионах страны: здесь лежат жертвы, мой отец жертва — значит, он здесь. Отсутствие документов, позволяющих достоверно определить имена конкретных людей, захороненных на том или другом расстрельном полигоне, привело к созданию кол-

лективных кенотафов и особой формы памяти — «памяти о безымянных жертвах». Она нисколько не противоречила созданию Книг памяти, в которых жертвы обретали имена: имена отдельно — могилы отдельно.

Так было бы и в Сандормохе, если бы Ю.А. Дмитриеву не удалось его полностью персонифицировать. Работу над составлением Книги памяти он начал еще вместе с Чухиным, и теперь ему предстояло, сопоставляя архивные источники, выявить имена всех расстрелянных в «районе Медгоры» — заключенных Белбалтлага, расстрелянных по лагерным лимитам, трудпоселенцев и жителей Карелии, арестованных и расстрелянных по операциям Большого террора. Работа шла трудно. Обращаясь к расстрельным актам, сопутствующим протоколам карельской «тройки» и московской «двойки», а также к архивно-следственным делам арестованных, Дмитриев пришел к выводу: указание «Медгора» практически во всех случаях относится к урочищу Сандормох⁹¹.

Уже в 1999 году на средства, выделенные Министерством экономики Республики Карелия, вышла его первая книга «Место расстрела — Сандормох»⁹². В ней имена расстрелянных сгруппированы по районам и сельсоветам Карелии (по месту жительства перед арестом), на каждого приведены краткие данные: год рождения, место жительства, дата расстрела и сведения о реабилитации — орган и дата; отдельным списком приведены имена заключенных и трудпоселенцев ББК и еще одним — соловецкий этап.

Выход этой книги открыл историю Сандормоха как места не только локализации региональной памяти, но и как *места ее полной персонификации на конкретном захоронении*.

«Карельская память о терроре», оказавшись привязанной к данному конкретному месту, начала «наполнять» кладбище

⁹¹ Видимо, единственным достоверным исключением является расстрел 11 августа 1937 — см. выше.

⁹² Место расстрела — Сандормох / Ю.А. Дмитриев; Адм. Пред. Правительства Респ. Карелия; Адм. мест. самоуп. Медвежьегор. р-на; Акад. соц.-правов. защиты. — Петрозаводск: Барс, 1999. — 350 с.: ил. (фот.). В настоящее время готовится переиздание при участии А.Я. Разумова.

памятными табличками, посвященными родным, близким, соседям и знакомым. Основанием этого процесса мемориализации стала книга Дмитриева 1999 года и впоследствии, вышедшая в 2002, подготовленная им карельская Книга памяти «Поминальные списки Карелии», где данные о Сандормохе были окончательно сверены с архивными документами, исправлены и дополнены. Согласно архивным материалам, проанализированным Дмитриевым, в 1937–1938 в урочище было расстреляно и захоронено (без учета Соловецкого этапа) 4955 человек (из них 1988 заключенных-«каналоармейцев»; 624 трудпоселенца, депортированных в Карелию несколькими годами ранее из других регионов СССР, и 2338 «вольных» жителей республики)⁹⁵, которых он сумел назвать *поименно*.

В дальнейшем Дмитриев постоянно расширял свой список. Для поминальной молитвы в кладбищенской часовне Дмитриев положил самодельный альбом с именами и биографиями расстрелянных и захороненных в Сандормохе, который он постоянно обновлял: выверял имена, дополнял биографии, если удавалось узнать что-то от родственников или из материалов архивно-следственных дел. К 2016 году в этом альбоме значилось уже 5130 биографий жителей Карелии, заключенных и трудпоселенцев Белбалтлага, т.е. на 174 человека больше, чем в рабочей базе 2002 года. (В 2017 году мы эти биографии разместили на сайте «Сандормох. Мемориальное кладбище» в разделе «Убиты в Карелии»⁹⁴.)

«Соловецкий этап» имел свою специфику: он состоял в значительной своей части из представителей национальных

⁹⁵ Приведенные данные извлечены не непосредственно из книги «Поминальные списки Карелии», а из рабочей базы данных, составленной Дмитриевым в ходе подготовки этой книги; после издания книги копия базы была им передана в программу «База данных жертв политического террора в СССР» Международного «Мемориала»; в 2016 Юрий Алексеевич любезно разрешил петербургскому НИЦ «Мемориал» использовать ее в наших публикациях. Эта база данных особенно ценна тем, что полностью выверена по документам архива УФСБ Карелии и обеспечена ссылками на архивные источники.

⁹⁴ См. сайт: Сандормох. Мемориальное кладбище. <https://sand.mapofmemory.org/>.

элит, прошедших к тому же, как писал в одной из своих статей Иофе, тройной отбор: «первичный» арест, перевод в СТОН и попадание в расстрельный список Раевского–Апетера–Вейнштока⁹⁵. Кроме того, как я уже говорила, само слово «Соловки» давно стало знаковым и воспринималось как символ Гулага. Эти факторы неизбежно вели к дискуссии о системности советского террора, о его механизмах и смыслах как в целом, так и в частности операции «Большого террора» и выводили эту память далеко за пределы не только региональной, но и сугубо российской проблематики, к международному осмыслению террора и Гулага как одной из гуманитарных катастроф 20-го века.

Карельская же память, оставаясь памятью регионального значения — памятью о земляках, сгинувших в годы террора⁹⁶, оказалась перед вызовом. Ей неизбежно предстояло осмыслить трагедию террора не на привычном региональном уровне — уровне локальной катастрофы одной отдельно взятой территории, — а в общероссийском и международном масштабе. Региональная память о терроре трудно осмысливается в контексте общероссийской истории во всех регионах страны. Здесь же, в непосредственной близости к Беломорканалу, одной из самых жестоких в своей бессмысленной амбициозности строек Гулага, этот процесс шел наиболее болезненно. Каналом гордились, о жертвах сожалели⁹⁷. С открытием же Сандормоха в нарративе местной памяти случился коллапс. С одной стороны: «Сталин — великий — построил Беломор-Балтийский канал (да здравствуют гидротехнические цивилизации!) — сомнения в целесообразности неуместны». И тут же, с другой стороны: «Сталин — палач — уничтожил сотни тысяч ни в чем не повинных людей, вот только у нас здесь, в Сандор-

⁹⁵ Иофе В. Большой террор и имперская политика СССР: По следам большого соловецкого расстрела 1937 года // Посев (Москва). 1997. №5. С.35–37.

⁹⁶ Включение в эту память заключенных Белбалтлага и трудпоселенцев никоим образом не противоречило региональности памяти — они хоть и не были свободными людьми, но жили здесь, на карельской земле.

⁹⁷ Ничего необычного — так же устроена память в местах других «великих строек Гулага» — Норильске, Магадане, Воркуте.

мохе, лежат несколько тысяч жертв — оправдание невозможно». Но даже в этом несводимом противоречии карельская память претендовала на свою значимость и особость: это здесь, у нас, — великий канал и великие жертвы.

Общероссийское и тем более международное значение Сандормоха зачастую вызывало ревность, порожденную противопоставлением «памяти о простых людях» и «памяти об элитах», «памяти местных» и «памяти приезжих». Это оказалось толчком к возобновлению дискуссии о смыслах Большого террора, которая началась с привычного конфликта точек зрения: «огонь по штабам!» или «социально-политическая селекция всего населения страны», — не изжитого окончательно и по сей день⁹⁸.

Что же касается личной памяти, предельно персонифицированной семейными памятными знаками, то ее война память не касается: на карельскую и соловецкую она не делится. Это память о своих родных, и памятные таблички с именами и портретами ставят не потому, что родные были представителями каких-то там элит или принадлежали к той или иной национальности, а потому, что их любили и помнят⁹⁹.

Родственники ухаживают за своими знаками, обновляют, дополняют новыми элементами, подкрашивают. Памят-

---

⁹⁸ Первая версия была впервые обозначена в докладе Хрущева на XX съезде КПСС и 35 лет всячески поддерживалась как сталинистами, так и многими антисталинистами; и сегодня в России существует немало людей, искренне считающих Большой террор всего лишь «чисткой элит». Вторая версия — результат архивных открытий начала 1990-х, связанных с документированием «массовых операций НКВД» с 5 августа 1937 по 17 ноября 1938 — завоёвывала и упрочивала свои позиции в исторической науке и в российском общественном сознании в течение следующей четверти века; этот процесс, по-видимому, еще не завершён. Впрочем, я, вслед за большинством историков, полагаю, что в Большом терроре как «политическая чистка», так и «социальная инженерия» присутствовали одновременно. Следует лишь отметить, что «разгрузка тюрем ГУГБ» (а стало быть, и расстрел соловчан в Сандормохе), хотя и проходила в рамках массовой операции, инициированной приказом №00447, была, безусловно, актом именно политической чистки.

⁹⁹ Всего на территории мемориала на памятных знаках написано 361 имя, из них — 30 соловецких заключённых (фиксация НИЦ «Мемориал» на 2017 год). См.: <https://sand.mapofmemory.org/map/>.

ники и памятные знаки разрушаются по естественным (природным) причинам и в силу недолговечности материалов, из которых они изготовлены. Если же родственники перестают приезжать, памятники ветшают и со временем исчезают. В 2004 году в ходе «благоустройства» кладбища¹⁰⁰ деревянные столбики-голубцы были окрашены серой краской (для защиты от непогоды) прямо по надписям. Под покраской пропали надписи, которые не удалось восстановить. Например, исчезли написанные родными в 1997 году имена Л. Грабарь-Шполанского, А. Бриллиантовой, А. Смирнова¹⁰¹.

Интересно, что якобы враждебная Карелии память о национальных и иных элитах и не собиралась проявляться. Здесь нет монументов великим, а материализация «соловецкой» памяти ограничилась скромной табличкой 1111 на валуне и двумя конфессиональными знаками 1997 года: польско-католическим и украинским деревянными крестами, тесно связанными, как уже было сказано, с памятью о соловецком этапе.

Этноконфессиональные знаки памяти: хроника установки

Парадоксальным образом этноконфессиональный ансамбль — совокупность памятных знаков, посвященных жертвам массового террора, направленного против определенных групп населения, этнических и/или конфессиональных, как правило, относимые не к конкретным людям, а к категориям, — начал складываться только после выхода в свет «Поминальных списков Карелии», когда стали известны имена всех похороненных в Сандормохе. Этноконфессиональные памятники на местах захоронения жертв террора — обязательные элементы «пейзажа памяти» — представлены практически на всех ме-

---

¹⁰⁰ Как уже было сказано, содержание и благоустройство возложено на Медвежьегорский краеведческий музей.

¹⁰¹ За двадцать лет в Сандормохе, по данным нашего постоянного мониторинга, было утрачено около 20 личных знаков.

стах массовых захоронений в той или иной полноте, с тем или иным акцентом памяти разных народов. Они аккумулируют личную память, занимая промежуточную нишу между памятниками безымянным «жертвам вообще» и личными памятными знаками (табличками и надгробиями), поставленными конкретным людям¹⁰². Сандормох — не исключение.

Существует несколько факторов, запускающих процесс «этноконфессионализации» памяти на кладбищах террора. Во-первых, все та же потребность осмыслить механизмы террора: на кого он был направлен, какие группы и сообщества поразили в первую очередь. Национальные чистки Большого террора (так называемые национальные операции) бросаются в глаза даже самым неподготовленным читателям Книг памяти. Во-вторых, немаловажное обстоятельство — это естественное желание найти «своих», вписать историю своей семьи в более общий контекст, примкнуть пусть еще не к общеевропейской истории и не к истории всей страны, а хотя бы к локальной или корпоративной идентичности («это случилось не только с моей семьей, но и с другими такими же»). В-третьих, к поискам национальной идентичности часто побуждает личный интерес людей к своим корням, к истории своих предков, к своему происхождению. В нашем случае пробуждение национальной идентичности и категориальный аппарат террора нередко совпадают. И еще: установка этноконфессиональных памятников — результат цепной реакции в поиске «своих»: католики — мусульмане — иудеи; поляки — немцы — литовцы — вайнахи — карелы — грузины и т.д. И другой ряд — ряд помнящих: жители Петрозаводска, жители поселка Чупа, члены мотоклубов, участники экспедиций памяти. Интересно, что в этом калейдоскопе и Соловецкий камень (валун с табличкой пропавшему этапу) также приобрел корпоративные черты: сообществом, для которого этот памятник восприни-

¹⁰² Подробнее см.: Флиге И. Биография памятника жертвам советского террора // Право на имя: Биографика 20 века: Девятое чтение памяти Вениамина Иофе. СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С.3–35.

мается как «свой», ежегодно становятся участники Дней памяти «Сандормох — Соловки».

Для посетителей Сандормоха и участников Дней памяти этноконфессиональные памятники не несут в себе особой конфликтности, а наоборот, через разные образы и традиции, принятые в различных национальных и религиозных культурах, совместно демонстрируют память о всеобщности террора.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПАМЯТНИКОВ

(упорядочен по датам установки¹⁰³):

Памятник мусульманам — стела из черного гранита с надписями на русском и арабском языках: «Мир вам, о лежащие здесь верующие и мусульмане» (инициатива Духовного управления мусульман Республики Карелия; установлен 5 августа 2003).

Памятник евреям — стела из черного полированного габбро-диабазы с текстом на иврите и русском языке: «Им дам Я в доме Моем и в стенах Моих память и имя, которые не изгладятся. Исая, 56:5» (по инициативе и на средства еврейской общины Петрозаводска; установлен 14 июня 2005).

«Козацкий крест» — памятник погибшим украинцам: высокий (около 3 метров) крест из серого гранита с посвящением «Убієнним синам України» (инициатива общественной организации «Товарищество украинской культуры “Калина”» (Петрозаводск) и «Соловецкого братства» (Киев); установлен и освящен 9 октября 2004, торжественно открыт 5 августа 2005).

¹⁰³ Всего на мемориальном кладбище 25 этноконфессиональных и групповых памятников и еще несколько временных знаков (по состоянию на 2017 год).

Эстонский памятник — стела из шокшинского малинового кварцита, на табличке высечен крест, по сторонам которого расположены надписи на эстонском и русском языках: «Здесь покоятся эстонцы, невинные жертвы сталинских репрессий. 1937–1938» (инициатива эстонской диаспоры Карелии при поддержке дипломатической миссии Эстонии в России, открытие состоялось 3 ноября 2007).

Литовский памятник — стела из серого карельского гранита, увенчана склоненным католическим крестом. Надписи на литовском, русском и английском языках: «Литовцам — узникам и жертвам Гулага» (инициатива Генерального консула Республики Литва в Санкт-Петербурге и Центра исследования геноцида и резистенции жителей Литвы, Вильнюс; открыт 5 августа 2008).

Польский памятник — стела из черного габбро с надписями на польском и русском языках: «Памяти поляков, невинных жертв сталинских репрессий» (инициатива Национально-культурной автономии поляков Карелии «Карельская Полония» при поддержке Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге; установлен 26 октября 2007, торжественное открытие состоялось 5 августа 2008).

Карельский крест — резной восьмиконечный крест-голубец установлен в бревенчатом срубе, засыпанном камнями. На средней перекладине вырезан текст на карельском языке: «Упокой, Господи, души раб Твоих» (инициатива Совета уполномоченных VI съезда карелов, создан на добровольные пожертвования жителей Карелии; освящен 5 августа 2010).

Вайнахский памятник — стела из черного габбро-диабазы с посвящением на ингушском и русском языках: «Невинноубиенным вайнахам (чеченцам и ингушам)», в верхнем левом углу изображение полумесяца со звездой (инициатива Карельской региональной обще-

ственной организации «Общество вайнахской культуры»; открыт 5 августа 2011).

Памятный крест жителям поселка Чупа — шестиконечный деревянный крест-голубец, надпись на табличке: «Землякам, жертвам сталинского террора. Помним, скорбим. Жители Чупинского городского поселения» (инициатива членов Чупинского морского яхт-клуба; освящение состоялось 21 ноября 2012).

Закладная плита памятника расстрелянным финнам — с надписью на русском и финском языках: «На этом месте по инициативе Ингерманландского союза финнов Карелии будет установлен памятник невинно расстрелянным финнам» (июль 2014¹⁰⁴, памятник не установлен)¹⁰⁵.

Памятный крест молдаванам — на табличке надпись на русском и молдавском языках: «В память молдаванам/румынам, жертвам политических репрессий. 29.VII.2015» (инициатива ученых Молдавского государственного университета и сотрудников Музея этнографии и истории Молдовы)¹⁰⁶.

---

¹⁰⁴ Здесь я сознательно выхожу за хронологические рамки четвертого акта своего повествования, обозначенные 1998–2013, и называю памятники, формально установленные уже в следующем акте нашей пьесы. По заключенному в них посланию они соответствуют этому времени, просто немного припозднились в своей материализации. Смена политической декорации 2014 года прошла стремительно, устоявшаяся же этноконфессиональная память мемориального комплекса чуть отстала и поэтому продолжалась еще некоторое время.

¹⁰⁵ Удивительным образом мемориальное кладбище, на котором, по данным Ю.А. Дмитриева, захоронены останки не менее чем 762 этнических финнов, многие из которых являлись когда-то гражданами Финляндии (по «финской операции НКВД» было арестовано и расстреляно множество уроженцев этой страны, эмигрировавших в Советскую Карелию), в самой Финляндии вызвало интерес лишь у членов мотоклуба «Ural Roikka» и участников краеведческих экспедиций.

¹⁰⁶ Единственный в этом ряду памятник, который, несмотря на свою национальную направленность, инициирован не местной диаспорой, а академическим сообществом.

Татарский памятник — стела из черного габбро-диабазы с надписями на русском и татарском языках: «Хәтерлибез / Помним» и «Памятник татарам — жертвам политических репрессий 1937–1938». Изображение на лицевой стороне символизирует поднебесье, неоконченную жизнь, а мерцающие звезды говорят о том, что эта жизнь все же продолжается. В центре — мусульманский полумесяц в татарской традиции (инициатива Общества татарской культуры «Дуслар» в Карелии; изготовлен и установлен при поддержке заместителя секретаря Совета безопасности Российской Федерации Р.Г. Нургалиева; открыт 28 августа 2015).

Грузинский памятник — металлический крест (Крест Святой Нино) на высоком прямоугольном постаменте, по его сторонам две гранитные стелы: на левой выбита надпись: «Сынам Грузии», на правой — изображение флага Грузии и надпись: «Общество Грузинской культуры» (инициатива Общества грузинской культуры Республики Карелия; открыт в 2016).

Марийский памятник — гранитная плита с надписью: «1937–1938. Шарналташ. Вечная память. От марийского народа» (инициатива организации «Марийцы Карелии»); открыт в конце августа 2016).

Азербайджанский памятник — ошлифованный с одной стороны валун габбро-диабазы, по форме напоминающий языки пламени. На лицевой стороне изображен полумесяц со звездой и костер, выбиты слова на русском и азербайджанском языках: «Народ Азербайджана помнит и скорбит о вас. Allah size rehmet elesin [Да благословит тебя Аллах]. От общества азербайджанцев “Одлар Юрду” (“Страна огней”» (инициатива Карельского общества национальной культуры азербайджанцев «Одлар Юрду»; открыт 30 октября 2017).

Феномен безымянности

Казалось бы, благодаря составлению Ю.А. Дмитриевым «поминальных списков Карелии» и нашей работе по написанию биографий людей из соловецкого этапа все памятники и церемонии памяти национального, конфессионального и любого другого толка могли содержать конкретные имена — имена тех, кого инициаторы и/или посетители посчитали «своими». Однако, как мы видим, в большинстве случаев эта память не требует конкретных имен, эта память не о людях и их судьбах, эта память о «жертвах».

Назову исключения:

- украинская память: о конкретных людях издана книга; имена 685 человек читают 5 августа у памятника;
- еврейская память: 187 человек («А может, больше», — говорит каждый раз Дмитрий Цвибель¹⁰⁷ и молится за неизвестных);
- эстонцы знают о 43 соотечественниках;
- карелы знают о более 600 людях, но имена их не читают; участвуют в общем поминовении в часовне и у памятника;
- представители «Общества вайнахской культуры» во время молитвы упоминают, что им известны имена 150 чеченцев и ингушей;
- во время торжественной акции открытия памятника российским немцам был оглашен список из 244 имен советских немцев, останки которых покоятся в урочище, в последующие годы чтения имен не было;
- при установке грузинского памятника в 2015 году членами Общества грузинской культуры Республики Карелия (Петрозаводск) было анонсировано дополнение памятника именами расстрелянных грузин на русском и грузинском языках (не сделано).

¹⁰⁷ Дмитрий Цвибель — председатель Региональной еврейской национальной культурной автономии Республики Карелия (РЕНКА).

При этом во всех перечисленных случаях имена не выбивают на памятниках (если не считать намерения грузинской диаспоры), а около памятников проводят акцию «Чтение имен».

Что касается остальных коллективных памятников, то они вовсе не связаны с конкретными именами и фактически в этом ансамбле несут в себе важное, хотя и довольно абстрактное послание о том, что советский террор коснулся всех — и молдаван, и румын, и казаков, и литовцев, и финнов.

Коллизии украинской памяти

Украинская память в Сандормохе выламывается из общего контекста других национальных памятей, имеет свои внутренние противоречия и напряжения¹⁰⁸. Присутствие Украины в Сандормохе обеспечило именно ту панораму памятей, которая там формировалась в течение 16 лет. Противоречивая, яркая, энергичная, эта память не позволяла остановиться в осмыслении советской истории на дежурной фразе: «почтим память жертв политических репрессий». Именно украинская память оказалась в зоне основных конфликтов, и, как мы увидим из дальнейшей истории бытования Сандормоха, вокруг отсутствия с 2014 года украинской делегации на Днях памяти начнутся серьезные баталии и новый этап осмысления механизмов и практик советского террора. Но не буду забегать вперед: на этом этапе конфликты и коллизии еще не носили столь драматического характера. Пока они находились в противопоставлении «элит» и «простых», а также в поле ревности и отторжения чужой памяти, подчеркну — в реальном противопоставлении, а не в мнимом, о котором говорилось выше.

¹⁰⁸ Замечу, что в других регионах и на других мемориальных комплексах, возникших на местах массовых захоронений, никакой особенности украинские памятные знаки не несут, они присутствуют в общей панораме памятей местных диаспор и органично вписываются в этноконфессиональный и земляческий ансамбль общих мест памяти.

Украина восприняла Сандормох как место украинской памяти — место уничтожения украинской политической и культурной элиты. Остальные ей были неинтересны — о других пусть помнят другие. И у нее имелись некоторые основания для такого восприятия: так получилось, что в соловецком этапе было много представителей украинской политической и культурной элиты¹⁰⁹. Во-первых, вероятно, просто в силу того, что украинцы были вторым по численности народом в СССР. Во-вторых, потому что основные репрессии против украинской интеллигенции пришлось на первую половину 1930-х и вероятность оказаться именно на Соловках и попасть в СТОН была для «украинских националистов» достаточно высока.

Приведу фрагменты из уже цитированной мной статьи Иофе с анализом контингента Соловецкого этапа:

Прежде всего среди жертв расстрела присутствуют те представители национальных элит, которых можно было посчитать носителями идей политического национального сепаратизма, действительного, потенциального или воображаемого. К ним относятся:

1. Украинские политические деятели периода независимой Украинской республики, ориентированные на независимость Украины, такие как члены петлюровского правительства А.В. Крушельницкий (с семьей), А. Барбар, офицеры Украинской Галицкой Армии. Но здесь же оказываются и политические деятели Советской Украины, члены КП(б)У и советские патриоты, которых можно тем не менее воспринимать как защитников национальных украинских интересов и тем самым как потенциальных национальных лидеров, такие как члены Советского правительства УССР М.Н. Поллоз, В.А. Олейник, М.Р. Павлов, И.П. Тур-Запаренюк и др. (как мы

¹⁰⁹ В соловецком этапе было около 300 человек, связанных с Украиной: этнические украинцы; украинцы по месту рождения; люди всех национальностей, арестованные и осужденные в Украине; люди, которые в разные периоды своей жизни были связаны с украинской культурой, общественной и политической жизнью. В памяти соловчан-украинцев исчезновение соловецких заключенных отразилось как отправка украинских этапов; в своих воспоминаниях С. Пидгайный называет отправленный в октябре этап «большим украинским этапом», а отправленный в ноябре — «вторым украинским этапом». *Підгайний С.* Українська інтелігенція на Соловках (спогади 1933–1941). Указ. изд. С.78.

знаем, действительно, при развале Советского Союза партийная элита оказалась ревнительницей независимой Украины)¹¹⁰.

Иофе выделяет еще одну группу:

...представители национальных культурных элит, не имевшие специальной политической ориентации, но обладавшие духовным, нравственным или культурным авторитетами в своей среде. Сюда относятся:

<...>

2. Украинская национальная группа

Национальная интеллигенция: режиссеры А. Курбас, Д. Ровинский, литераторы Н. Кулиш, В. Пидмогильный, академик С. Рудницкий, профессора Н. Зеров, В. Пидгаецкий, П. Филиппович, Е. Черняк, В. Чеховский, М. Яворский¹¹¹.

В заключение Иофе пишет:

Подводя некоторые итоги рассмотрения этого уникального списка [соловецкого этапа. — **И.Ф.**], можно определенным образом увидеть, что истинным внутренним смыслом террора было уничтожение национальных элит и достижение идеологической унификации советского общества, т. е. целью государственной политики советской власти был не геноцид населения, а осмысленный этноцид как уничтожение национального своеобразия народов, населяющих СССР, и лишение народов национального личностного образа. Разумеется, это неизбежно вело к уничтожению носителей национального самосознания¹¹².

Память о «сынах Украины», лежащих в Сандормохе, ее материализация, ее бытование, а также дальнейшая история в полной мере соответствуют этому выводу, сделанному еще в 1997 году.

Внимание Украины к Сандормоху с самого начала, с открытия мемориального кладбища было обостренным. Уже в 1997 в Киеве начал издаваться трехтомник «Последний адрес»,

¹¹⁰ Иофе В. Большой террор и имперская политика СССР. Указ. изд. С.36.

¹¹¹ Там же. С.36–37.

¹¹² Там же. С.37.

первые два тома которого составляли исключительно материалы об украинцах из «пропавшего этапа», расстрелянных в Сандормохе. Третий том был посвящен украинцам — заключенным СТОН, казненным 8 декабря 1937 и 17 февраля 1938. В 2003 вышло дополненное переиздание этого труда украинских историков (в двух томах)¹¹³.

Украина, как официальная, так и неофициальная, ежегодно в Дни памяти отправляла делегации на свое главное в России место — «Сандормох — Соловки». Эта память была обособленно национальной: организованная колонна, в национальных костюмах, со своими священниками и музыкантами-бандуристами; желто-голубые знамена; пение национального гимна; украинская речь; зачастую демонстративный отказ говорить по-русски... В украинскую делегацию, отправлявшуюся из Киева автобусом на 40 мест, входили не только родные и близкие расстрелянных (их как раз было немного), но и журналисты, историки, политики, гражданские активисты. В самой же Украине вскоре после обнаружения захоронений в Сандормохе сложилось сообщество «Соловецкое братство», состоящее не столько из родных и близких, сколько из украинских историков, литераторов, общественных деятелей и просто примкнувших энтузиастов.

Нельзя сказать, что принимающая сторона — Россия в лице Карелии — как на официальном, так и на неофициальном уровне прославилась в этой истории любезным гостеприимством. Я уже говорила об общих проблемах ревнивой и ограниченной региональной памяти в Сандормохе. Для Карелии отторжение чужой национальной памяти наиболее ярко реализовалось в отношении к украинскому сепаратизму — как к сепаратизму памяти, так и к национальной обособленности помнящих. В Карелии бытовали две сходящиеся в своей абсурдности формулировки: «они свои — и нечего было отде-

¹¹³ Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії. В 2 т. Т.1–3. Київ: Сфера, 1997–1999. Доп. переизд. в 2 т.: Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: В 2 т. Т.1. 2-е вид., доопрацю і доп. Київ: Сфера, 2003.

латься» и «они, чужие, приехали и наводят тут свои порядки, тише надо себя вести в гостях».

Конечно, в трансляции украинской памяти тоже были свои трагикомические сюжеты: как в интерпретации советского террора, так и в выработке критериев «свой — не свой», в основе которых лежит утверждение: «теперь у нас своя история — у вас своя; у нас своя память и свои герои — у вас свои». Иногда можно было услышать: «террор Украине не соприроден, это все Москва...», красноречивы и случаи обращения к петрозаводским украинцам: «Почему языка не знаешь? А зачем твой дед с Украины уехал, Родину оставил?» Не буду останавливаться на этих частных коллизиях, не о них речь. Скажу только, что осмысление террора неразрывно связано с принятием ответственности за прошлое, попытки же переложить ответственность за общее прошлое в целом на соседнее государство заводят в тупик. Справедливости ради стоит сказать, что работа с историческим прошлым в Украине на государственном уровне проводилась и проводится значительно успешнее по сравнению с Россией: доступны архивы репрессивных органов, создан Институт национальной памяти, тема террора прорабатывается академическим сообществом и т.д.

Помимо делегаций из Украины, в Сандормохе активно присутствовала и другая группа носителей украинской национальной памяти — представители местной диаспоры, среди них тоже были люди, родные и близкие которых расстреляны и захоронены в Сандормохе, а также гражданские активисты, носители украинских культурных традиций. Для украинско-карельской диаспоры Сандормох — это место региональной памяти о «своих». А вот кто свои? Свои — в первую очередь этнические украинцы, жившие в Карелии, затем прочие жители Карельской АССР.

Эти две национальные украинские памяти «о земляках, сгинувших в годы террора», устроены по-разному и в первые годы освоения и мемориализации территории оказались в сложном взаимодействии. Для Украины Сандормох — чужая земля, для карельской диаспоры — своя. Для последней обособленность «свои» определяется по этническому принципу, а для «сынов Украины» — по принципу земли/территории/стра-

ны. Кроме того, снова возникает то же противопоставление: «элита» и «простые». Только в этом случае проблема реальна, она существует в контексте современности. «Элита» — сыны Украины, те, кто жил в Украине, арестован в Украине, боролся за ее независимость или просто хотел, чтоб жизнь в Украине была лучше. И приезжают о них помнить тоже «сыны Украины», которые чтут дедов (кровных и не кровных) и желают решать современные проблемы своей свободной страны¹¹⁴. Вот и раздается под соснами Сандормоха: «Слава Украине — героям слава» (и прошлым, и будущим).

А на чем держится диаспора, становится ли она хозяйкой, принимающей гостей на общем месте общей памяти? Или ей отведена роль приживалки при настоящей памяти настоящих героев, вынужденной отвечать, почему твои деды и прадеды покинули Родину, почему ты недостаточно хорошо говоришь на родном языке, зачем фестивали и популяризация Украинской культуры в чужой стране?

Украинско-карельская память — семейная, память о конкретных людях, которым ставили и продолжают ставить таблички и символические надгробия, возлагать цветы, вспоминать и молиться. При этом память украинской диаспоры Карелии является частью российской региональной памяти. А Украина персонификацией памятников «соловецкого этапа» почти не интересовалась¹¹⁵. Украине установка личных знаков на кладбище в чужой земле не нужна, главная память об этих людях материализовалась в самой Украине: в книгах, музеях, фильмах.

Эти трения и обособленность украинской делегации постепенно сменились дружбой. В 2004 по инициативе карель-

¹¹⁴ Многие из украинских участников Дней памяти оказались на Майдане и в 2004, и в 2013–2014.

¹¹⁵ Всего четыре таблички: «Михайлов Иван Иванович» (инициатива его дочери из Одессы), «Волков (Вовк) Василий Митрофанович» (сын приезжал в 2003 с украинской делегацией, установил картонку, около 2012 она была обновлена тоже украинской делегацией) и еще две эмалевые таблички — «Курбас Олександр» и «Куліш Микола» (год установки и инициаторы неизвестны).

ского Товарищества украинской культуры «Калина»¹¹⁶ и «Соловецкого братства» был установлен 3-метровый «Козацкий крест»¹¹⁷ из серого гранита, водруженный на холме, напоминающем курган и доминирующий над этой частью кладбища, с той же надписью, что и на первом украинском кресте 1997 года. В 2006 году, вскоре после появления «Козацкого креста», ритуалы украинской делегации в Дни памяти несколько изменились: помимо выступлений и молитвы, появилось «чтение имен»¹¹⁸. Читали имена не только украинцев-соловчан, но и всех украинцев, расстрелянных в Сандормохе, включая украинцев — жителей Карелии, трудпоселенцев и заключенных ББЛ — всего 685 человек¹¹⁹. Таким образом, в украинской памяти «соловецкая» компонента слилась с «карельской».

Тем временем значение Сандормоха в украинской национальной памяти было подтверждено на государственном уровне

¹¹⁶ Официально: Общество Украинской культуры (1993–1994), Национально-культурная автономия украинцев Республики Карелия (1993–2001), затем Карельская Республиканская общественная организация «Общество Украинской культуры “Калина”». Цели и задачи: объединение украинской диаспоры, создание условий для развития украинской культуры, украинского языка, пропаганда украинской культуры. Направления деятельности: изучение украинского языка, организация концертов, литературно-музыкальных вечеров, диспутов, праздников, прием гостей.

¹¹⁷ Инициаторы: Василь Овсиенко (Украина), Лариса Скрипникова (Карелия) и другие. Памятный знак сооружен на пожертвования от организаций и частных лиц. Его появлению предшествовал проведенный в Украине конкурс, на который было подано 10 проектов. Победил проект скульпторов Николая (Микола) Малышко и Назара Билька.

¹¹⁸ Чтение имен — популярная российская акция, возникла в 2007 в Москве по инициативе «Мемориала», затем распространилась по всей России и была подхвачена православными братствами.

¹¹⁹ Имена и краткие биографии в книге, изданной Обществом украинской культуры «Калина», приведены под заголовком: «Упокой, господи, души усопших рабів божих, невинно убієнних дітей України». Принципы отбора имен в предисловии не названы, однако основной критерий очевиден — по этнической принадлежности. 590 человек являются этническими украинцами, для оставшихся 95 человек национальность в поминальном списке опущена, — вероятно, они включены по месту жительства перед арестом или месту рождения (см.: Убієнним синам України [Убієнним сынам України]. Сандармох / Сост. Л.Г. Скрипникова; ред. С.В. Шевченко. Петрозаводск: Skandinavia, 2006).

не специальным Указом Президента Украины Виктора Ющенко о мероприятиях в связи с 70-й годовщиной Большого террора:

С целью увековечения памяти жертв политических репрессий, привлечения внимания общества к трагическим событиям в истории Украины, вызванным насильственным внедрением коммунистической идеологии, возрождения национальной памяти, утверждения нетерпимости к любым проявлениям насилия против человечества и в связи с 70-й годовщиной Большого террора — массовых политических репрессий 1937–1938 годов, в поддержку инициативы общественности

п о с т а н о в л я ю:

<...>

2. Кабинету Министров Украины разработать вместе со Службой безопасности Украины, Национальной академией наук Украины и утвердить в месячный срок план мероприятий в связи с 70-й годовщиной Большого террора — массовых политических репрессий 1937–1938 годов, предусмотрев, в частности:

<...>

организацию Украинским институтом национальной памяти с привлечением Украинского добровольного культурно-просветительского правозащитного благотворительного общества «Мемориал» им. В. Стуса, Всеукраинского общества политических заключенных и репрессированных, других общественных организаций, которые непосредственно занимаются изучением проблем политических репрессий, мероприятий по обеспечению участия в августе 2007 года и последующие годы украинской делегации в традиционных днях памяти на мемориальных местах, связанных с трагическими событиями массовых политических репрессий 1937–1938 годов, в частности, в урочище Сандармох и на Соловецких островах (Российская Федерация), проведение в течение 2007–2008 годов в учебных заведениях и учреждениях культуры лекций, уроков памяти, других мероприятий с целью освещения темы массовых политических репрессий 1937–1938 годов <...>.

5. Государственному комитету телевидения и радиовещания Украины:

обеспечить широкое освещение в средствах массовой информации мероприятий в связи с 70-й годовщиной Большого террора —

массовых политических репрессий 1937–1938 годов, организацию тематических радио- и телепередач¹²⁰.

Ющенко ссылался в этом Указе на «инициативу общественности» и имел на то полное право. Впрочем, и без президентского Указа украинская делегация в течение 16 лет была самой многочисленной и колоритной на Днях памяти в Сандормохе и на Соловках. А вот в России 70-я годовщина, как и впоследствии 80-я, оказалась реализована исключительно силами общества.

«Люди, не убивайте друг друга»

Идею установки памятника от Карелии Дмитриев выдвинул еще перед открытием Мемориального кладбища и активно участвовал в создании его концепции; будучи членом Республиканской комиссии по реабилитации, он успешно продвигал эту идею в государственных органах власти. Уже в первой официальной программе открытия Мемориального кладбища значилось открытие памятника «Расстрел с ангелом-хранителем»¹²¹, но из-за технологического сбоя при отливке скульптурного барельефа не успели к дате¹²², пришлось ограни-

¹²⁰ Указ Президента Украины Виктора Ющенко №431/2007 от 21 мая 2007 «О мероприятиях в связи с 70-й годовщиной Большого террора — массовых политических репрессий 1937–1938 гг.» (перевел на русский язык Е. Захаров).

¹²¹ Сценарий акции «Покаяние» (Сандармох — воскресенье, 26 октября 1997 года). Проект, подготовленный Правительством Республики Карелия. 29.09.1997. (Копия.) Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹²² Ю.А. Дмитриев вспоминает: «Мы хотели установить памятник ко дню открытия мемориального комплекса. Барельеф отливали из нержавеющей стали в литейном цеху Петрозаводскбуммаша. Нужно было осторожно и бережно очистить от остатков формовочной смеси. Какой-то рабочий решил проявить трудовой энтузиазм и стал счищать шлак отбойным молотком. Естественно, барельеф был испорчен. Причем испорчен так, что восстановлению не подлежал. Был грандиозный скандал. Вся творческая команда перессорилась. В конце концов Гриша [Григорий Салтуп] выполнил этот барельеф по другой технологии, и мы его открыли, но уже через год — в 1998» (см.: Дмитриев Ю., Огнёв А. Бог, «Беломор», овчарка и георадар // Троицкий вариант — наука (Москва). 2018. 24 апреля. № 252. С.12–13).

читься установкой закладного камня «Здесь будет установлен памятник жертвам политических репрессий 1937–1938 гг.».

Открытие анонсированного в 1997 правительством Карелии общего памятника жертвам политических репрессий состоялось 22 августа 1998 года (дата, похоже, выбрана случайно). Во входной зоне мемориального кладбища на месте закладного камня была установлена гранитная глыба со скульптурным барельефом «Расстрел с ангелом-хранителем» и надписью: «Люди, не убивайте друг друга». Имя памятнику дал скульптор Григорий Салтуп¹²³, автор надписи — Юрий Дмитриев. В течение нескольких лет рядом с этим монументом проходила официальная часть траурных церемоний Дней памяти: выступления членов Правительства Карелии, представителей дипломатических миссий и других официальных лиц.

Уже в 1999 металлические буквы надписи были утрачены; из-за отсутствия средств текст был восстановлен краской по камню. Поздней осенью 2006 года барельеф с ангелом отделился или был оторван от валуна. По факту разрушения барельефа было возбуждено уголовное дело¹²⁴, церемонии перенесли на центральную площадку кладбища к Соловецкому камню, памятник же несколько лет стоял задрапированный тканью, позднее ткань истлела, а дело закрыли. В 2012 скульптор добился от властей средств на восстановление барельефа для реставрации памятника, но провести ее не успел — он умер в 2013. До сих пор не затухают споры в Медвежьегорске и Петрозаводске: что это — вандализм или ошибка монтажа, крепеза? Эпизодически поднимался вопрос о его реконструкции в контексте общего благоустройства, но церемонии около него возобновлять не стали.

¹²³ Григорий Борисович Салтуп (1952–2013), художник-монументалист, член Союза дизайнеров Карелии.

¹²⁴ Уголовное дело №08-2006-1-0789, возбужденное по признакам состава преступления, предусмотренным ст. 186 ч.1, т.е. по факту разрушения барельефа, находилось в производстве СО при Медвежьегорском РОВД как минимум по декабрь 2006; дата закрытия дела неизвестна.

Странный памятник со странной судьбой...

Драматична не только судьба памятника, сложные драматические коллизии выстраиваются и вокруг заложенных в нем и «считываемых» (или не «считываемых») смыслов.

Что ангел-хранитель делал в сосновом бору и кто связал ему руки? Что за люди убивали здесь «друг друга»? Разве здесь собрались люди и устроили взаимное побоище со смертельным исходом?

Кому и чему посвящен этот памятник? Как он приближает (и приближает ли?) к пониманию сущности того, что происходило здесь, в урочище Сандормох, в 1937–1938 годах?

Ни в художественном образе, ни в надписи не содержится никакой информации о происшедших здесь трагических событиях, разве что об этом говорит только слово «расстрел» в авторском названии барельефа.

Формула «Люди, не убивайте друг друга» вошла в состав стихотворения поэта Олега Мишина¹²⁵:

«Люди! Не убивайте
Друг друга!» — кричат слова.
«Мертвых не забывайте!» —
Шепчет могил трава.

Жертвы репрессий лютых
С камня взывают к нам:
«Не возвращайтесь, люди,
К сталинским временам!»

Стихотворение написано в жанре надписи на памятнике, о чем свидетельствует и трехчастное обращение от «первого лица» (обычное для жанра эпитафии) — от лица казненных. В этом тексте заповедь («не убивайте») дополняется императивом памяти («не забывайте») и закланием-предупреждением

¹²⁵ Олег Мишин (Армас Иосифович Мишин, 1935–2018), поэт, писатель, переводчик; заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный работник культуры Карельской АССР.

ем («не возвращайтесь»). Исторический контекст «расстрела» здесь тоже вполне указан: «жертвы», «репрессии», «сталинские времена». Но стихотворная надпись Мишина не оказалась на памятнике, — скорее всего, и написана она была позже его открытия¹²⁶.

Фраза «Люди, не убивайте друг друга» дается на памятнике без кавычек, а значит, и не от лица казненных, что превращает ее в универсальную гуманистическую формулу. Когда барельеф еще не был разрушен, «послание» памятника было достаточно сложным для восприятия, но все-таки цельным по смыслу. О чем может говорить само название «Расстрел с ангелом-хранителем»? Каков смысл образа падающего ангела с заломленными за спину руками, явно рифмующимися со связанными руками жертв? И в конце концов, чей это ангел-хранитель? Рассматривая памятник в контексте христианской традиции (что вполне обосновано образом ангела-хранителя), можно предположить, что памятник прежде всего говорит не о жертвах, а о палачах. И ангел-хранитель на барельефе не покровитель тех, кого расстреливают, это ангел-хранитель тех, кто казнит, и тех, кто оправдывает казнь.

Поэтому у него заломлены (связаны?) руки, поэтому он изображен падающим и складывающим крылья, хотя и успевающим осенить ими жертв палачей. Ангел-хранитель уподоблен расстреливаемой жертве. Грех террора таков, что человек, ставший его орудием — от палачей до просто поддерживающих решения власти людей, — «расстреливает» собственного ангела.

В такой смысловой плоскости слова «Люди, не убивайте друг друга» террор становится преступлением против Божественного начала в человеке. Это «послание» вполне соответствовало семантике общего покаяния (в смысле принятия трагической вины и вступления на путь ее искупления), актуального для российского сознания конца 1980-х годов и еще не окончательно потерявшего в многозначности слова

¹²⁶ Это стихотворение в качестве эпиграфа/эпитафии открывает книгу «Место расстрела — Сандармох» (Ю.А. Дмитриев; Петрозаводск, 1999; С.3).

«покаяние». Напомню, что открытие памятника «Расстрел с ангелом хранителем» первоначально должно было состояться во время акции «Покаяние». Но здесь уже слово «покаяние» не подразумевало под собой процесс осознания вины и искупления, а фактически использовано как метафора, слово высокого статуса («ареала духовности»). А по сути, акция соответствовала государственной концепции извода 1997 года «согласия и примирения».

Утрата барельефа — главной образно-смысловой составляющей памятника — превратила его в гранитную глыбу с фактически обесмысленной гуманистической фразой. Такой памятник с такими словами может стоять где угодно на планете Земля. Связь с трагическими событиями, происходившими на этом месте в 1937–1938 годах, оказалась полностью утрачена. Название памятника «Расстрел с ангелом-хранителем» превратилось в никому не понятный иероглиф и, естественно, обречено на забвение. «Послание» свелось к универсальной миротворческой сентенции. Правда, массовое сознание приняло ее на ура: в любом публицистическом отклике на Сандормох, особенно в социальных сетях и особенно после начала «дела Дмитриева», эта фраза цитируется сочувственно и с уважением, но попыток проникнуть в ее смысл применительно к Сандормоху не наблюдается.

Через год после установки «Расстрела с ангелом-хранителем», летом 1999 года, на кладбище был поставлен и открыт еще один «общий» памятный знак, задуманный Дмитриевым как информационное дополнение к монументу «Расстрел с ангелом-хранителем»¹²⁷. Это тоже гранитный валун с мраморной плитой, на которой должен был быть вырублен следующий текст: «Здесь, в урочище Сандармох, месте массовых расстрелов, с 1934 по 1941 годы убиты палачами НКВД свыше 7 тысяч¹²⁸ ни в чем не повинных людей: жителей Карелии, за-

¹²⁷ Этот памятник создан также на средства Правительства Карелии.

¹²⁸ В 1999 Ю.А. Дмитриев еще занимался уточнениями и выверкой списков расстрелянных в Медгоре, на плите он высек свои предположительные на тот момент данные о численности захороненных.

ключенных и спецпоселенцев Белбалтлага, узников Соловецкой тюрьмы. Помните о нас, люди! Не убивайте друг друга!» В надписи не только повторена формула «Не убивайте друг друга», но и дан перифраз стиха из текста Мишина: «Мертвых не забывают!» — «Помните о нас, люди!» Характерно, что появилось и обращение от «первого лица» — от лица убиенных, как и у Мишина.

Но! Несмотря на то что текст надписи был согласован с Комиссией по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при Правительстве Республики Карелия, а средства на изготовление были выделены из республиканского бюджета, в процессе словорубных работ изготовители самовольно исключили из первоначального текста слова «палачами НКВД».

Этот эпизод очередной раз демонстрирует главное свойство памяти о терроре в современном российском массовом сознании: есть трагедия, есть невинные жертвы этой трагедии, — *но преступления нет и преступников тоже нет.*

5 августа — Международный День памяти: траурные церемонии и поминальные обходы

Сценарий траурных церемоний Международного Дня памяти 5 августа сложился сразу, и в течение 16 лет особых отклонений не было: общий митинг с выступлениями официальных лиц, представителей дипломатических миссий, представителей общественных организаций и объединений, национальных землячеств. После обрушения ангела официальным местом открытия траурных церемоний с речами представителей от Карелии и Медвежьегорского района была назначена площадка рядом с Соловецким камнем памяти¹²⁹, на которой

¹²⁹ До обрушения ангела Соловецкий камень тоже воспринимался как земляческий: около него проходил общественный митинг в память расстрелянных соловецких заключенных.

был сооружен деревянный помост для выступающих и установлена стационарная подставка для возложения венков.

Немного о православной составляющей церемоний памяти. Эта конфессия представлена часовней и поминальным крестом. В первые годы после окончания митинга священники служили в часовне и читали молитвы у поминального креста, не претендуя на всеохватность и универсальность православной панихиды. Но с 2005 в официальную программу был включен крестный ход: на узкой дороге, ведущей к кладбищу, священнослужители с хоругвями и певчие поджидали прибытия автобусов с участниками Дня памяти и возглавляли движение. Выстраивалась длинная колонна в несколько сот человек, среди которых были, конечно, не только православные, но и христиане других конфессий, мусульмане, иудеи, атеисты. Таким образом, в прохождении крестного хода участвовали все, в том числе и те, кому по их убеждениям это было неловко. Другого способа пройти на кладбище, кроме как в общей колонне, не было. Крестный ход направлялся к часовне, в которой сразу же начиналось богослужение. Православные верующие оказывались перед выбором — участвовать в митинге или сразу пройти на службу.

После общего митинга все расходились — по «своим» местам памяти. Семьи — к своим кенотафам и табличкам. Национальные диаспоры — к своим памятникам. Священнослужители (каждая конфессия в своем специальном месте) проводили поминальные службы.

У каждого памятника своя церемония.

У еврейского памятника зажигают поминальную свечу, стелу накрывают талитом, Д.Г. Цвибель трубит в ритуальный рог — шофар, присутствующие члены зачитывают имена 187 человек (точное число евреев, расстрелянных в Сандормохе, неизвестно, установлены имена 187).

У католического креста и польского памятника — поминальная молитва ксендза, возложение цветов и зажигание свечей.

У литовского — возложение венков с литовской государственной символикой и тоже католическая служба.

У украинского — чтение имен расстрелянных в Сандормохе украинцев (до 2006 — только украинцев из соловецкого этапа), выступления, музыка, хор, национальные флаги, костюмы, хлеб — угощают всех...

С 2001 общественная организация «Исламское просвещение» и представители мусульманской общины Петрозаводска совершают поминальный обряд. Они составили по базе данных Дмитриева список из 147 мусульман, расстрелянных в урочище Сандормох (разных национальностей: татары, чеченцы, азербайджанцы, ингуши, тюрки, башкиры, лезгины).

У личных памятников — стопка водки на помин души, беседы, знакомства, рассказы о семье.

И везде — фото на память. Такая фотография становится визуальным документом личной и коллективной сопричастности.

И еще обязательное действие — гостевание у других памятников как знак уважения к «другим» и выполнение поручений от неприехавших: положить цветы, укрепить табличку, просто посмотреть — «как там». И тут оказывается, что большинству приехавших на этот День памяти важно совершить полный обход — постепенно все памятники комплекса стали для приезжающих сюда своими. А когда появляется кто-нибудь новенький, старожилы памяти быстро рассказывают: «Тут и грузинам есть, и литовцам, и кого тут только нет... — пойдем, покажу». Встречаются знакомые, кто-то с гордостью (здесь, в Сандормохе, особая гордость) говорит: «...я вот езжу с 97-го, ни разу не пропустила...», или: «...вот все одна ездила, а сейчас и сына, и невестку, и внука приобщила...». Времени мало, обратный автобус через два часа, все бегом и скороговоркой.

А что с памятью Соловков? В 1998 году установились ежегодные международные Дни памяти «Сандормох — Соловки». Традиция проведения Дней памяти на Соловках, заложенная в 1989, изменила маршрут, они стали начинаться с траурного митинга 5 августа в Сандормохе, затем переезд на Соловки и там — посещение бывших лагерных командировок и мест памяти, 7 августа — траурный митинг в Аллее памяти — там, где в июне 1989 года был установлен первый памятный знак

«Соловецкий камень», а позднее еще и несколько групповых (якутам, полякам, украинцам, скаутам, социалистам...)»¹³⁰.

Как я уже писала, в 1990-е годы память о пропавших этапах и расстреле заключенных осени 1937 — зимы 1938 была основной составляющей соловецкой коммеморации. Но после ее частичной материализации в Сандормохе из нарратива соловецкой памяти она практически исчезла. Соловки вернулись в общественную память в своем первоначальном метафизическом значении. Проблема поиска осталась, но в публичном дискурсе соловецкой части дней памяти ее практически нет. О ненайденных 509 расстрелянных в окрестностях Ленинграда и 198 казненных на Соловецких островах говорят и вспоминают в Сандормохе.

Уникальность церемоний 5 августа в Сандормохе в том, что это единственные в России *международные Дни памяти*. Чем же, кроме названия, обеспечена их международность? Безусловно, украинской делегацией и участием иностранных дипломатов. На мой взгляд, представительство и участие в церемониях посольств и консульств разных стран мотивировано не столько тем, что здесь лежат их соотечественники и те, кого они считают «своими», сколько памятью об одной из гуманитарных катастроф XX века и памятью о преступлениях против человечности. Этим же объясняется и их участие в продолжении Дней памяти уже непосредственно на островах.

Среди иностранных делегаций выделяется польская. В польской памяти органично соединяются обе интенции — и память о «своих», и память о преступлениях против человечности. Польские делегации приезжают каждый год — это и дипломатические миссии, и гости из Польши, члены полонийских обществ, студенты, паломники. О ком они вспоминают, кого из «своих» хотят найти, кому ставят памятники?

---

¹³⁰ История Соловецких дней памяти длиной в 30 лет насыщена всевозможными перипетиями, сплетениями разных, зачастую противоречивых, посланий и смыслов, войной памятников и знаков, требует отдельной статьи, здесь же я касаюсь только той части Соловецкой памяти, которая непосредственно связана с Сандормохом.

В первую очередь соотечественникам и католическим священникам, этническим полякам¹³¹. Однако в последние годы в Польше появился интерес к памяти о «польской операции НКВД». К 80-й годовщине Большого террора в Польше была запущена специальная программа по изучению этой операции. И, как следствие, возник запрос на память о ее жертвах, которыми оказались не только этнические поляки¹³². И так, в ведении польской памяти находятся захороненные в Сандормохе польские граждане, католические священники и католики-миряне разных национальностей¹³³, этнические поляки, арестованные и расстрелянные по разным операциям, а также все жертвы «польской операции» — как этнические поляки, так и люди других национальностей.

Помимо памяти о «своих», польское присутствие в Сандормохе несет в себе еще одну важную функцию — обеспечивает международность. Вслед за Польшей в Сандормохи 5 августа приезжают официальные представители практически из всех стран Европейского союза.

---

¹³¹ Подробнее см.: Флиге И. Память о советском государственном терроре против поляков в материальном воплощении на территории России // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Вып. 1. Новосибирск: Наука, 2012.

¹³² По моей просьбе А.Ю. Даниэль провел анализ базы данных Поминальных списков Карелии, составленных Ю.А. Дмитриевым, и данных Чухина по национальным операциям Большого террора. Выборка приговоренных к ВМН по «польской операции НКВД» в Карелии и расстрелянных в Сандормохе составила 75 человек.

¹³³ Польский католический крест в Сандормохе, как и во многих аналогичных местах, имеет двойной смысл: он как бы ставит знак равенства между конфессией (католики) и национальностью (поляки), утверждает тождество, и без того присутствующее в российской — не берусь судить относительно польской — культуре.

Мемориальное пространство Сандормоха: посещения, дополнения, обновления

Жизнь места памяти «Сандормох» не ограничивается одной датой — 5 августа, и даже двумя — 5 августа и 30 октября, когда администрация Медвежьегорского района проводит здесь, как и все администрации во всех российских регионах, «день памяти жертв политических репрессий».

Это место включено практически во все туристические маршруты по Карелии, в том числе туры для школьников; в Сети можно найти многочисленные комментарии, отзывы, заметки людей, посетивших Сандормох, — кто-то случайно заметил на трассе указатель, кто-то специально заказал экскурсию.

Помимо участников календарных Дней памяти, приезжают в Сандормох и специально организованные группы — студенты из разных европейских и российских университетов, участники молодежных летних школ, экспедиций по лагерным и спецпоселенческим местам. Поисковые экспедиции трансформировались в «экспедиции памяти» или соединили в себе оба призыва: посещение известных мест памяти и поиск новых. Так, например, Московская международная киношкола¹⁵⁴ осуществляет паломничество к особым местам памяти: с 2002 ежегодно посещает Соловецкие острова и Сандормох, проводит поисковые экспедиции в Карелии и Ленинградской области.

Маршруты памяти, помимо экскурсионно-образовательного аспекта, могут вносить и дополнительные элементы в мемориализацию кладбища. Такие акции, когда посетители оставляют на кладбище собственные знаки памяти, близки по-своему к семейным традициям постоянного обновления, подкрашивания, дополнения надгробия.

¹⁵⁴ «Московская международная киношкола» ГБОУ СПО «Киноколледж №40» — государственное учебное заведение для учащихся 7–11 классов. В рамках проекта «Скрытая история» ученики исследуют мемориальные места, описывают их историю и биографии связанных с ними людей, также обустроят мемориальные захоронения и устанавливают знаки памяти. Руководители экспедиций: директор ММКШ О.А. Керзина и, до 2017, Ю.А. Дмитриев.

Приведу несколько примеров.

Так, у подножия католического креста появился еще один небольшой крестик с надписью на табличке (перевод с польского): «Памяти поляков, жертв коммунистической системы, которые здесь погибли, как и во всех уголках советской России. Студенты из Польши. Июль 2007»¹⁵⁵.

Во время съемок чешским телевидением документального фильма о чехословацких гражданах в Гулаге в августе 2015 года Ян Дворжак и Адам Градилек установили знак, который сложно назвать памятником. Скорее, это своего рода акция памяти — ламинированный лист бумаги с текстом на чешском и русском языках: «В этих местах с октября по декабрь 1937 года были расстреляны и захоронены в братской могиле вместе с сотнями других невинных жертв политических репрессий чехи и чехословацкие граждане: Отто Клайнерт (1908), Йозеф Балаш (1895), Антонин Павлас (1897), Йозеф Пиха-Петровскы (1896), Александр Вавржин (1895), Мариэ Длоуга (1892), Владимир Крейчи (1898). Честь их памяти»¹⁵⁶.

Далеко не всегда инициаторы памятника или участники национальных делегаций/групп/экспедиций знают этих «своих» по именам, нередко им просто достаточно общего понимания, что «свои» здесь есть. Так, членами финского мото-клуба «Ural Roikka» была привезена и установлена памятная табличка финнам «В память финских жертв» (на финском и русском языках) с вымпелом клуба. Приведу фрагмент письма Юрьё Хюрккянен:

Я посетил Сандормох около 10 лет назад <...>. Мой отец Адам имел намерение переехать в Карелию после финской гражданской войны, и многие его товарищи по идее так и сделали, и путь многих закончился в Сандормохе или других памятных рощах.

Это дало мне идею о том, что памятный знак должен попасть туда.

¹⁵⁵ В 2013 перенесен к польскому памятнику.

¹⁵⁶ Список составлен на основе исследований профессора Мечислава Борака, автора книг памяти репрессированных в СССР граждан Чехословакии, жителей чешских земель и представителей чешской диаспоры.

Потом, когда мой сын [Кари Хюрккянен] планировал поездку на мотоцикле вокруг Онежского озера в 2013 году, я наконец смог осуществить мое желание.

<...>

Памятный знак был установлен моим сыном вместе с пятью другими уралоистами из Лаппеенранты и Хельсинки. Летом 2015 года заехали по пути проверить, на месте ли еще памятный знак, и оставили новый Ural Roikka выпел вместо выцветшего предыдущего.

Юрьё Хюрккянен¹³⁷.

Через год откликнулся карельский мотоклуб. К открытию мотосезона 2014 года в Карелии 17 мая в Сандормохе члены мотоклуба «Северный народ» и Общество дружбы «Карелия–Финляндия» приурочили торжественное открытие памятника «Жертвам политических репрессий. От жителей города Петрозаводска» (члены мотоклуба получили грант администрации города на установку в рамках конкурса «Единство нации в единстве истории»).

Образ Сандормоха: промежуточные итоги

Итак, за первые 16 лет Сандормох стал одним из самых известных в России и Европе мест памяти о жертвах Большого террора в СССР. На территории мемориального комплекса установлены памятники и памятные знаки, ежегодно 5 августа здесь проходят Международные дни памяти, на которые приезжают делегации из разных регионов России и из других стран; посещение Сандормоха включено в туристические маршруты.

До поры до времени в Днях памяти активно участвовали представители Правительства Карелии и администрации Медвежьегорского района. Они приветствовали и принимали гостей, выступали на траурном митинге.

¹³⁷ Из письма Юрьё Хюрккянен к Виктории Кильпельяйнен. Май 2016 (перевод Виктории Кильпельяйнен). Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Сандормохом и его памятниками в Карелии стали гордиться, особенно в Медвежьегорске, однажды глава районной администрации Карпенко¹³⁸ в простоте своей сказал: «У нас в Медвежьегорске есть две достопримечательности мирового значения — Кижы и Сандормох».

Постепенно сложился и общий образ Сандормоха как этноконфессионального ансамбля мемориального комплекса, в котором памятники мирно сосуществуют друг с другом. Разность «карельской памяти», «памяти о Соловках» и «памяти приезжих» практически стерлась в общественном восприятии. Напряжение между «массовой памятью» и «памятью элит», по всей видимости, тоже практически ушло (вскоре оно сменится другим, гораздо более интенсивным и опасным конфликтом памяти).

Таких этноконфессиональных ансамблей на местах массовых захоронений немало, они стали традиционной формой материальной памяти общества. Они пополняются и личными знаками. Как правило, в каждом таком месте есть три компоненты материализации памяти: личная, групповая и государственная. В нашем случае государственная идеология памяти жертв представлена композицией «Расстрел с ангелом хранителем» и ее историей (в Левашово это Молох, в Бутово — Крест).

Пока все шло хорошо. В Сандормохе, как и везде, укоренилось основное свойство современной российской массовой памяти о терроре: *есть трагедия, есть невинные жертвы этой трагедии, но преступления нет и преступников тоже нет*. И этому не помешала ни международность Дней памяти, ни отдельные выступления, в которых делались попытки осмыслить террор как историю преступлений, совершенных государством, ни разговор о принятии ответственности за прошлое.

¹³⁸ Владимир Александрович Карпенко (1953–2017), глава местного самоуправления МО «Медвежьегорский район» с 2003, глава администрации Медвежьегорского муниципального района с 2006.

Акт пятый

ПАМЯТЬ О ЖЕРТВАХ ТЕРРОРА КАК ФОРМА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Время действия:	2014–2018...
Исторический контекст:	война с Украиной, захват Крыма, арест Дмитриева
Интенция памяти:	Дни памяти, солидарности и борьбы состоятся при любой погоде
Формулы памяти:	Гулаг продолжается

Сандормох после Крыма и Донбасса

Дни памяти 5 августа 2014 года состоялись уже в новой реальности. Впервые они прошли без участия Украины — многолетняя традиция прервалась. Отсутствие украинской делегации бросалось в глаза: колонна, к которой присоединялись представители украинского землячества Карелии, всегда обращала на себя внимание своей многолюдностью, активностью, национальными костюмами.

Понятно, что украинская тема не могла не прозвучать в речах выступающих. Лариса Скрипникова из украинского землячества Карелии «Калина» прочитала митингу письмо от одного из постоянных организаторов поездок киевской делегации Григория Куценко, где, в частности, выражалась глубокая скорбь в связи со «сложившимися обстоятельствами, которые не позволяют нам в этом году побывать в вашем замечательном крае и присутствовать на церемонии поминовения убиенных в Сандармохе и других подобных местах»¹³⁹. Другие выступавшие — в частности, Юрий Дмитриев и я —

¹³⁹ Обращение Г. Куценко. (Копия.) Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

не были столь дипломатичны: в наших выступлениях говорилось о российской агрессии в Донбассе, об аннексии Крыма, об ответственности, о наследовании традиции государственного насилия, о сегодняшних политических заключенных.

Реакция на этот политический демарш, поддержанный большинством участников митинга, была предсказуемой: в следующем, 2015 году организаторы траурных церемоний постарались свести выступления к минимуму. После чиновника от администрации района слова удалось добиться только Дмитриеву, но и этого оказалось достаточно: Дмитриев говорил о гражданском мужестве тех, кто пришел на этот митинг, несмотря на то что память о государственном насилии становится опасной. После этого выступления немедленно была включена траурная музыка, и собравшимся ничего не оставалось, кроме как разойтись для поминальных обрядов к «своим» могилам.

В конце концов, память о терроре — именно в силу своей неполноценности, а значит, неустойчивости, ненадежности, противоречивости — стала восприниматься начальством среднего и отчасти высшего звена как неудобная. Это происходило даже вопреки ряду сигналов, посылавшихся с самого верха. В самом деле, если работникам словорубной мастерской текст надписи, утвержденный Правительством Карелии, — не указ, то почему Правительству Карелии должна быть указом какая-то выдуманная в Москве «Государственная концепция увековечивания памяти жертв политических репрессий» или даже прямые публичные высказывания первых лиц государства? Впрочем, с самого верха поступали сигналы и противоположного свойства.

Так что уровень участия республиканского правительства в Международных днях памяти в Сандормохе 5 августа понижался год от года. 30 октября, официально утвержденный День памяти жертв политических репрессий, — это еще куда ни шло. Да и то: хватит с этой сомнительной памяти и церемоний в Красном Бору. Солидным петрозаводским чиновникам становилось все более не с руки выступать в роли состроителей сомнительного мероприятия — Международного дня памяти — с участием иностранцев, учрежденного сомнительной

общественной организацией и сгоряча утвержденного республиканской властью в 1990-е годы. С 2016 Правительство Карелии полностью игнорирует Дни памяти¹⁴⁰.

Новые смысловые коллизии

Что касается мемориализации кладбища, то материальная память, в отличие от церемониальной и тем более вербальной, развивается постепенно и не имеет столь ярко выраженных хронологических рамок. Памятники зачастую отражают смыслы и понимание, уже ушедшие из текущей жизни, они медленно реагируют на изменение политической обстановки. Как мы видели, такие «устаревшие» памятники продолжали вырастать и в 2014, и даже в 2017¹⁴¹. В то же время для материальной памяти характерно и забегание вперед, улавливание новых тенденций и их воплощение в камне. В этом смысле памятники, бывает, несут в себе и провидческие черты.

¹⁴⁰ В 2018 в ответ на очередное наше приглашение к участию мы получили вежливое письмо из Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия, в котором было сказано: «Министерство с пониманием относится к акциям граждан, направленным на почитание памяти жертв политических репрессий в дни, не установленные законодательством Российской Федерации как даты памяти жертв политических репрессий. Сообщаем, что ежегодно 30 октября, в официальную дату Дня памяти жертв политических репрессий, определенную в соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года №1763/1-1, на территории Республики Карелия на мемориальных кладбищах “Красный Бор” и “Сандармох”, а также у Братской могилы жертв политических репрессий 1937–1938 годов на Зарецком кладбище в г. Петрозаводске проводятся траурные церемонии. В данных мероприятиях принимают участие представители Правительства Республики Карелия, руководители и члены общественных и религиозных объединений Республики Карелия, жители Республики Карелия» (Письмо №2662/11-19/МНП-и от 27.07.2018).

¹⁴¹ Закладная плита памятника расстрелянным финнам (памятник не установлен), памятный крест молдаванам, татарский памятник, грузинский памятник, марийский памятник, азербайджанский памятник.

В 2013–2016 появились еще три памятника, два из которых принесли в Сандормох новые смыслы, конфликтующие даже с предыдущими вялыми образами «трагедии без преступления».

5 августа 2013 года в Сандормохе был освящен и открыт 4-метровый крест со следующей надписью: «Сей поклонный крест установлен казаками Медвежьегорского района в память о невинно убиенных казаках. Помолитесь о них, люди добрые. Освящен 5 августа 2013 года священнослужителем Петрозаводской и Карельской епархии иереем Романом (Соболев). Да послужит этот святой крест защитой нам от всех врагов Земли Русской».

На первый взгляд, этот памятник мало отличается от других этноконфессиональных памятников. Советская власть подвергала казаков жестокому преследованию: в 1920–1930-е тысячи казаков были депортированы из Азово-Черноморского края и Кубани в Карелию, где находились в лагерях, ссылках и на режиме трудпоселения. Так что памятник казакам столь же уместен в Сандормохе, как памятник вайнахам, евреям или марийцам.

Однако крест призван послужить защитой «от всех врагов Земли Русской». Казалось бы, ничего удивительного: казачество — военное сословие, казаку естественно думать о врагах. Но место установки креста — расстрельный полигон НКВД — придает этому обороту особый смысл: «невинно убиенные» в данном контексте читаются как жертвы неких «врагов России». Оно, конечно, энкавэдэшников, безусловно, трудно счесть друзьями русского народа, как, впрочем, и любых других народов. Но здесь существенно то, что зло, обозначаемое этим оборотом, как бы экстерииоризируется, изгоняется за пределы «русскости». Понятно, что здесь «Земля Русская» — не географическое или политическое понятие, а мистико-идеологический концепт. В отличие от надписей на других памятниках, где зло (злодей, преступник) отсутствует, здесь оно обозначено, хоть и очень туманно. Зло не названо по имени, но указано, где его следует искать: среди врагов России. В любом случае эта фраза звучит довольно-таки агрессивно. В этноконфессиональных и земляческих памятниках,

перечислявшихся выше, этой агрессии нет, как нет ее и в надписи на «информационном валуне», даже в первоначальной дмитриевской редакции: «палачи НКВД» — это не «враги», а просто преступники.

Итак, вместе с памятным крестом медвежьегорских казаков в мемориальный комплекс пришла агрессия. Это обязательно должно было случиться: упорный отказ называть преступников преступниками не мог рано или поздно не привести к поискам «настоящего врага».

А вот второй казачий памятник, поставленный через два года — 5 августа 2015 — казаками Отдельского казачьего общества Республики Карелия из Петрозаводска, никакой агрессии в себе не несет. На нем написано просто: «Вечная память казакам — жертвам политических репрессий. От казаков ОКО РК. Август 2015 года». Это обычный «категориальный» памятник, такой же, как памятники татарам, молдаванам или жителям поселка Чупа. Медвежьегорские казаки, поставившие первый памятник, не входят в ОКО РК, а существуют сами по себе, в своей собственной организации, находящейся в неоднозначных отношениях с казаками петрозаводскими, так что появление второго казачьего памятника оказалось объяснимо и мотивировано современным внутренним конфликтом в карельском казачестве. И теперь у разных памятников собираются две группы помнящих о своих общих расстрелянных и вспоминают их поврозь.

Наконец, в 2016 возник самый последний памятник, получивший известность как «памятник русским»¹⁴². Надпись на камне звучит лапидарно и, в отличие от первого казачьего креста, сдержанно: «Русским людям, невинно убиенным

¹⁴² Важность этого сюжета подтверждается тем, что в это же время аналогичный памятник был установлен на Соловках, на Аллее памяти близ Соловецкого кремля. Его установил местный краевед Олег Кодола, перед этим горячо доказывавший, в т.ч. и в печати, необходимость установки именно такого памятника. Его отсутствие Кодола рассматривал как «дискриминацию русских жертв».

в урочище “Сандармох”»¹⁴³. На первый взгляд — обычный этнически акцентированный памятник: есть в Сандармохе памятники литовцам, украинцам, карелам и т.д. — почему бы рядом с ними не встать памятнику расстрелянным русским? Именно эта мысль высказывалась некоторыми ораторами на митингах в Дни памяти 2014 и 2015 годов. Все бы ничего, но мысль эта высказывалась почему-то крайне агрессивно, с превентивной готовностью «дать отпор» некоему гипотетическому оппоненту — даже не оппоненту, а противнику, чья главная жизненная задача состоит в том, чтобы унижить русский народ, дискриминировать его, в данном случае — лишить его права на памятник. Оппоненты, однако, не просматривались, хотя, откровенно говоря, какое-то чувство неловкости от этих речей возникало. И дело не в том, что очень уж ловко идея «памятника русским» вписывалась в современный национально-патриотический тренд, сам по себе достаточно отвратительный. И не в том даже, что в выступлениях ратующих за «русский памятник» иногда прорывалась неприкрытая враждебность к уже существующим инонациональным памятным знакам («понаставили тут всякие чужаки памятники своим, а памятника нашим все нет и нет; неспроста это»). Все это понятно, все это свойственно данному направлению мыслей и не имеет отношения ни к Сандармоху, ни к террору, ни к памяти о терроре. Опять все то же стремление к отчуждению ответственности, но уже в модном национально-патриотическом изводе.

Строго говоря, «памятник русским» — это не памятник вовсе, а реплика в споре. Это памятник посвящен не «своим»

¹⁴³ Автор памятника — архитектор В.В. Попов. Памятник изготовлен и установлен при финансировании Благотворительного фонда С. Пирожникова «Основа», а также руководителей местных предприятий: ООО «Автодороги Онеги», ООО «Корунд», ООО «Альфа-Лес» и ООО «Кольское ДРСУ». Открыт 30.10.2016. По словам организаторов установки, памятник «посвящен русским — православным, староверам, атеистам и коммунистам, людям разных убеждений, социального положения, жизнь которых оборвалась в Сандармохе». *Евсеева В.* Тезисы выступления на открытии памятника. https://vk.com/wall139634855_953.

расстрелянным и замученным, это памятник против «чужой памяти». И спор этот ведется не с ежовскими убийцами (с ними-то о чем спорить?) и не с их современными наследниками, а с «чужой памятью». Смысл реплики прост: вы ставите памятники «своим» (и это правда!), — стало быть, «своих» вы считаете жертвами (и это тоже правда!). Чьими? Кому вы вчиняете иск за «своих», если вы — латыши, евреи, карелы, поляки, грузины и т.д. — сплошь жертвы? Дело ясное: нам, русским. Так вот же вам: мы, русские, сами жертвы пуще вас, и этого гордого звания вам у нас не отнять! И почему-то при виде этого памятника мерещится привет от медвежьегогорских казаков.

Что же такое «русская память» — помимо памяти о великой жертве? В ней живет страх, что придут инородцы и спросят с русских за все преступления советской власти. Поэтому в каждом новом этноконфессиональном памятнике они, в логике своего национально-государственного восприятия, видят угрозу, приписывая «инородцам» желание предъявить русским претензии за террор. Так эта агрессивная ревность к чужому страданию поселилась и в Сандормохе, и, несмотря на то что в самой надписи на «русском валуне» нет ничего такого, что говорило бы о ревности, обиде, желании отмежеваться от ответственности, этот памятник навсегда останется памятником вражды и не сможет влиться в общий ансамбль.

Интересно, что новая реальность никак не отразилась на личной памяти: семьи продолжают приезжать в Сандормох и ставить персональные памятные знаки своим близким — уже, как правило, не отцам и матерям, а дедам, а то и прадедам. Можно даже сказать, что этих личных знаков становится больше: с 2016 по 2018 появилось более 20 таких новых знаков. А в 2018 появилась и коллективная инициатива установки персональных знаков памяти учащимися Московской киношколы. 5 августа киношкольники провели в Сандормохе мемориальную экскурсию: установили 17 индивидуальных памятных знаков. Еще в Москве каждый участник акции выбрал себе героя, собрал о нем материалы, нашел его фотографию и подготовил памятную табличку. Установка каждой таблички сопровождалась рассказом о судьбе человека, которому этот знак посвящен.

Личная память — память о конкретных людях, арестованных, сосланных, расстрелянных, — на протяжении всего советского времени была формой массового тайного сопротивления террору. Арестованных и убитых следовало забыть, их имена вычеркнуть, лица стереть. Вопреки замыслу палачей, этих людей любили и помнили, прятали и хранили фотографии, рукописи, письма. В годы перестройки эта память вышла наружу, выплеснулась на улицы, собирала людей на многотысячные митинги.

И сегодня память вновь оборачивается сопротивлением. Потребность назвать имена, увидеть лица, рассказать о судьбе опять, как в конце 1980-х — начале 1990-х, становится массовой. А на траурных митингах 5 августа в одном ряду называют людей, арестованных в 1930-е годы и в 2014–2018. Память без срока давности.

«Кто именно был расстрелян и кем — вопрос пока открытый»

Далее события стали развиваться стремительно. В начале 2016 двое петрозаводских историков — Юрий Килин и Сергей Веригин — выдвинули версию о том, что в Сандормохе находятся захоронения советских солдат, умерших или расстрелянных в финских лагерях для военнопленных в 1941–1944¹⁴⁴. Статьи на эту тему появились сначала в карельской прессе, а затем в центральной печати («Известия») и во многих средствах массовой информации других регионов.

Новые веяния — постепенное самоустранение карельских властей от Сандормохской памяти, нарастающее «про-

¹⁴⁴ Впервые «финская идея» была высказана в 1997 членом КПРФ Г.П. Солодьяниковым, на тот момент директором Медвежьегогорского порта, но, как и множество других безумных идей, до поры до времени вылеживалась в запасе.

качивание» финской версии — уже в конце 2014 почувствовал сотрудник УФСБ по РК подполковник Владимир Стариков и бросился на защиту Сандормоха. В журнале, издаваемом общественным советом при ФСБ РФ, появилась большая статья Старикова «Карельский мемориал: Сандармох — боль и память». Стариков пишет:

...сейчас оно известно многим тысячам людей в России, Украине, Польше, Латвии, Эстонии, Германии, Финляндии, Израиле и других странах как одно из самых крупных на Северо-западе России захоронений жертв политических репрессий. В 1937–1938 годах там были расстреляны тысячи человек различных национальностей, вероисповедания, гражданства, социального положения...¹⁴⁵

Далее, отмечая свой личный вклад в открытие Сандормоха, он упоминает и о мемориальной экспедиции; но, конечно же, основная заслуга остается за местными чекистами и персонально за ним, за Стариковым. Любопытна главная мысль статьи:

И в то время, и позднее мне приходилось сталкиваться с вопросом: а надо ли было органам безопасности заниматься работой по поиску захоронений? Мое мнение однозначно: эта работа была необходима. Во-первых, как я уже говорил, участие сотрудников госбезопасности в реабилитационной работе и поиске мест захоронений являлось нравственным долгом перед обществом, оказывало большое воспитательное воздействие, укрепляло гарантии соблюдения законности в работе. Во-вторых, в конце 1980-х — начале 1990-х годов во многих средствах массовой информации факты массовых политических репрессий 1930-х годов пытались использовать для очернения современных органов безопасности. Поэтому публикации объективных журналистов в СМИ о деятельности органов КГБ–ФСБ, в том числе по реабилитации и поиску мест массовых захоронений жертв репрессий, позволяли противостоять потоку негатива, попыткам скомпрометировать органы

¹⁴⁵ Стариков В. Карельский мемориал: Сандармох — боль и память // ФСБ: За и против. 2014. №6 (34). Декабрь. С.22.

безопасности, укрепляли их авторитет среди граждан. Во время проведения поисковых работ и после обнаружения захоронения в Сандармохе многие люди выражали слова благодарности сотрудникам районного отделения ФСБ за эту работу.

Участие сотрудников госбезопасности в реабилитационной работе и поиске мест захоронений являлось нравственным долгом перед обществом, оказывало большое воспитательное воздействие¹⁴⁶.

Только пафос Старикова — выстрел в пустоту, фээсбэшная идеология 90-х устарела, и с ее помощью ничего никому доказать не удалось. Похоже, что в разных карельских властных структурах (как и на всероссийском уровне) в 2016 существовали разные мнения относительно того, что делать с памятью о советском терроре: то ли постараться ее дискредитировать, то ли перехватить и присвоить ее, отодвинув в сторону нежелательные общественные организации.

В начале июня 2017 в Петрозаводском университете был проведен круглый стол «Новые документы о советских военнопленных на территории Медвежьегорского района в период финской оккупации (1941–1944 гг.)». Надо сказать, что «финскую версию» там активно и убедительно критиковали, поддержали ее лишь немногие. Сами Килин и Веригин не настаивали на том, что в урочище вообще нет останков людей, казненных во время Большого террора. Они лишь утверждали, что в расстрельных ямах *могут быть также* захоронены советские военнопленные (предположение совершенно невероятное — но не в этом дело). Однако многие газетные и интернет-публикации преподнесли их гипотезу читателям как разоблачение грандиозной фальсификации, организованной «Мемориалом» в 1997.

«Финская история» получила неожиданное развитие летом 2018: в конце августа — начале сентября экспедиция Российского военно-исторического общества (организация крайне патриотического толка; ее руководителем является

¹⁴⁶ Там же. С.24.

министр культуры РФ В.Р. Мединский) провела полевые изыскания на территории урочища, с тем чтобы подтвердить гипотезу Килина и Веригина.

Экспедиция во главе с руководителем Департамента поисковой и реконструкторской работы РВИО Сергеем Бариновым и руководителем Ленинградского областного отделения РВИО Олегом Титберией проработала в Сандормохе четыре дня, с 25 по 28 августа, провела вскрышные работы на нескольких захоронениях Мемориального кладбища и извлекла из них останки пяти человек со связанными за спиной руками и характерными пулевыми отверстиями в черепах.

Останки эти были переданы экспертам Следственного комитета. Не дожидаясь результатов экспертизы, Титберия уже на третий день раскопок объявил журналистам: «цель достигнута: обнаружены захоронения советских военнопленных, расстрелянных финнами во время ВОВ»¹⁴⁷.

Фантазмагоричность самой гипотезы, уровень проведенных «полевых изысканий» вкупе с отсутствием разрешительной документации на их проведение на территории объекта, официально признанного объектом культурного наследия, смутила, видимо, даже руководство РВИО. Во всяком случае, 7 сентября научный директор РВИО Михаил Мягков в Москве на пресс-конференции, посвященной итогам августовской экспедиции 2018 года, был осторожен: «Кто именно был расстрелян и кем — вопрос пока открытый»¹⁴⁸.

Вернемся, однако, в 2016 год. В августе республиканские и районные власти впервые за 20 лет проигнорировали День памяти. (Прошли те времена, когда медвежьегорская администрация «гордилась» Сандормохом и его международной известностью.) Так же поступила и Православная Церковь. Автобусы из Петрозаводска, которые раньше предоставляла республи-

¹⁴⁷ Курилова А., Дудина Г. В Сандормохе ищут другую историю // Коммерсантъ. 2018. №156. 30.08.2018. С.6.

¹⁴⁸ Пресс-конференция, посвященная Военно-историческим поисковым экспедициям Министерства обороны РФ и Российского военно-исторического общества (см.: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-5400>).

канская администрация, на сей раз предоставлены не были. Правда, районная администрация один автобус для местных жителей выделила, но при этом сотрудникам Медвежьегорского музея было прямо запрещено приезжать в Сандормохи 5 августа, даже как частным лицам. Петербургскому НИЦ «Мемориал» и карельскому «Мемориалу» (в лице Ю.А. Дмитриева) пришлось самим организовывать транспорт. Звукоусилительную установку тоже отказались давать; пришлось вести митинг без микрофонов. Впервые в Сандормохе полностью отсутствовала полиция, которая в предыдущие годы приезжала сюда, чтобы охранять порядок и регулировать движение транспорта.

Зато митинг прошел совершенно свободно, без всякой предварительной записи, в режиме «открытого микрофона» (хотя микрофона-то как раз и не было). Темы выступлений варьировались: от текущей политической жизни страны в канун столетия Октябрьского переворота и восьмидесятилетия начала Большого террора (все те же Дмитриев и Флиге) до подробных рассказов о трагической судьбе предков, погибших в Сандормохе, о чем говорили все желающие, при этом сетовавшие на отсутствие властей (интересно, что многие восприняли отсутствие представителей власти как запрет церемонии).

13 декабря того же года Юрий Дмитриев был арестован по абсурдному и отвратительному обвинению. Вопрос о том, почему кому-то понадобилось сфабриковать против Дмитриева уголовное дело, лежит за пределами данной книги, хотя в самом факте фальсификации нет и не может быть никаких сомнений. Оставаясь в рамках темы, хочу обратить внимание на то, что общественное мнение сразу же увидело в его аресте «сведение счетов за Сандормохи». В ключевой для кампании в защиту Дмитриева статье «Дело Хоттабыча»¹⁴⁹, широко растиражированной в соцсетях, связь с захоронениями в урочище трактуется метафизически: «Тень вышла из заросших могил Сандармоха»). И с этой трактовкой я, пожалуй, соглашусь.

¹⁴⁹ Первоначально: Шура Буртин. Дело Хоттабыча // Русский репортер. 2017. №8.

Но большинство участников кампании понимает эту мысль буквально: Дмитриеву отомстили за то, что он открыл миру захоронения жертв сталинского террора. Кто отомстил? На этот вопрос каждый отвечает в меру своих представлений о действительности: «сталинисты», «фээсбэшники», «темные силы» и т.д.

Сандормох — место политического и гражданского сопротивления

Для судеб Сандормоха арест Дмитриева имел решительно переломное значение. Во-первых, слово «Сандормох» стало известно уже не сотням и тысячам (главным образом в Карелии и Украине), а самое малое — сотням тысяч людей. Во-вторых, слово это теперь воспринимается массовым сознанием очень просто: «Сандормох? Это то самое захоронение жертв террора, из-за которого посадили Юрия Дмитриева».

Следствием этого стала «актуализация места памяти», и так уже происходившая в силу объективных причин — просто в силу направления, в котором развивается в последние годы общественная и политическая жизнь в России. Мысль, которую еще несколько лет назад разделяло не так уж много людей, — мысль о том, что государственный террор советской эпохи перестает быть проблемой исторической памяти (а точнее, никогда ею по-настоящему и не был), разом стала внятна широкой публике. Проблемой теперь становится актуализация исторического наследия террора. «Дело Дмитриева» лишь довело эту мысль до очевидности художественного образа. Перед этой очевидностью потускнели и стерлись все прежние антиномии памяти, связанные с Сандормохом: противоречия между «соловецкой» и «карельской» памятью, разные концепции осмысления Большого террора, «войны национальных памятней» и т.д. Тема памяти о советском терроре не ушла, но она преобразилась в тему наследования исторического опыта террора, а соответственно, и в тему сопротивления ему в современном российском обществе.

Детали, историческая конкретика отходят на задний план; на первый план выходят общие проблемы государственно-го насилия и противостояния ему в прошлом и настоящем. Сандормох стал местом политического и гражданского сопротивления, местом солидарности с политическими заключенными «всех времен и народов» — и в первую очередь с сегодняшними политзаключенными¹⁵⁰.

Соответственно, несколько изменился и состав участников августовских Дней памяти. В 2017 и 2018 в Сандормох по-прежнему приезжали те, кто ездит сюда каждый год: потомки расстрелянных из разных городов и поселков Карелии, участники соловецких Дней памяти, историки, представители разных национальных землячеств из Петрозаводска, иностранные дипломаты, казаки, верующие и пр. Но к ним прибавились и совершенно новые категории участников из разных городов России: активисты гражданских организаций, участники протестных движений, политической оппозиции, блогеры, журналисты. Гораздо больше стало в Сандормохе людей среднего возраста и молодежи. Увеличение числа молодых участников Дней памяти как бы численно компенсирует постепенный естественный уход «соловецкого землячества» 1990-х. В выступлениях на траурном митинге вспоминают, конечно, о терроре советской эпохи, но больше говорят о сегодняшних политических преследованиях: о фабрикации уголовных дел против оппозиционеров и протестующих, о пытках на следствии, о неправосудных приговорах, о сегодняшних политзаключенных. Говорят об Украине, о Крыме, о войне в Донбассе. И конечно, все время говорят о Дмитриеве, о его судьбе, собирают подписи в его защиту, заполняют адресованные ему открытки со словами поддержки.

Особую поддержку Дням памяти в 2017 и 2018 оказал дипломатический корпус Санкт-Петербурга: девять генеральных консулов (США, Польша, Германия, Литва, Украина,

---

¹⁵⁰ Что же касается семейной памяти жителей Карелии о Большом терроре, то она никуда при этом не делась — просто по-прежнему реализуется в ритуалах поминовения у личных памятных знаков.

Финляндия, Норвегия, Швеция, Эстония) посетили Сандормох и возложили цветы. Вот тут Международный день памяти реально стал международным: память о советском терроре — это не частное дело России. Дипломаты без речей возложили венки и обошли все коллективные памятники.

Приведу текст своего выступления 2017 года:

Дорогие друзья!

2017 год — это особый год в политической истории России. Это столетие Октябрьского переворота и установления в нашей стране режима, для которого репрессивная политика, политика государственного террора и Гулаг — неотъемлемые части. Этот год — это восьмидесятилетие самой кровавой и жестокой операции, называемой «Большой террор», унесшей много жизней людей, которые были не нужны этой власти. И сегодня время для того, чтобы подводить итоги. Для этого и существуют круглые даты. И сегодня здесь мы все. Мы — это люди разных стран, разных городов России, разных регионов, с разными политическими взглядами, с разными вероисповеданиями. Мы все здесь сегодня собрались и пришли на могилы тех людей, которым мы должны, обязаны дать ответ, что это было и как мы сегодня понимаем это советское прошлое и как преодолели его. Сегодня 20 лет с момента обнаружения и установления здесь, в Сандормохе, мемориала. Здесь за эти 20 лет поставлены памятники, за 20 лет сюда приезжали тысячи людей. А 20 лет назад нам казалось, что Сандормох, это место, эти акции памяти — это черта между прошлым и сегодняшним настоящим. Но сегодня, к сожалению, мы должны признать: память о терроре не стала памятью. Память о терроре — это наше сегодняшнее актуальное настоящее. Прошло 20 лет после того, как здесь, в этом лесу, наша экспедиция: Вениамин Иофе, Юра Дмитриев и я, — обнаружила эти расстрельные ямы. И тогда нам казалось, что вот эта черта — между прошлым и теперь, сегодня мы будем говорить только о памяти. Но так не случилось. Сегодня наш друг и коллега Юра Дмитриев находится по ложному обвинению в тюрьме. И, находясь в Петрозаводском СИЗО, он продолжает борьбу не только за свою свободу и честь против клеветы, которая на него навешена. Дело Юры Дмитриева стало одной из вех борьбы за память, честь и свободу. Сегодня мы все здесь — с Юрой Дмитриевым, а он — здесь с нами и среди нас. Сегодня мы обойдем все памятники, положим цветы ко

всем памятникам всех национальностей и всех конфессий, мы расскажем этим людям, которые здесь лежат, что нам удалось сделать за 20 лет и что — пока нет, но мы обязательно это сделаем. Спасибо¹⁵¹.

Власти — петрозаводские и медвежьегорские — совершают вокруг 5 августа какие-то малопонятные и малозначительные маневры. Так, в 2017 директору Медвежьегорского музея С.И. Колтырину вдруг разрешили прийти на митинг и даже вести его. Православная Церковь по-прежнему воздержалась от участия в Дне памяти, не было ни крестного хода, ни даже молебна в часовне. При этом с организаторами Дня памяти пытались договориться о том, что речей на митинге вообще не будет, потом — о том, что в речах не будет упоминаться имя Дмитриева, потом махнули рукой, но Колтырина забрать забыли, и он все-таки вел этот митинг, объявляя выступавших. В 2018 все было наоборот: 5 августа на кладбище состоялись и молебен, и крестный ход, но на этот раз директору музея категорически запретили даже появляться в этот день в Сандормохе. Звукоусилительную аппаратуру сначала пообещали, но накануне Дня памяти передумали и отказали в ней. Утром 5 августа все-таки отправили на кладбище машину со звукоусилителем, но перед самым началом митинга она куда-то исчезла...

Все эти смешные мелочи ничего уже по существу не меняют. Напряжения разных памятей отступили перед новой реальностью государственного террора, и региональная память полноценно вошла в «международность» этих Дней. Мемориальное кладбище «Сандормох» необратимо приобрело новые традиции и обросло новыми смыслами: оно стало местом борьбы, солидарности, гражданского протеста. Теперь новые традиции можно изгнать из мемориального комплекса только при помощи грубого насилия. Но если события будут развиваться в этом направлении, Сандормох немедленно наполнится дополнительными смыслами.

¹⁵¹ Аудиозапись сделана Е.Ю. Кулаковой. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Место памяти обретает самостоятельную логику развития и бытования и, в свою очередь, начинает влиять на общество, его облик обрастает образными и смысловыми дополнениями, а значит, и его биография обогащается новыми смысловыми коллизиями. Мы теперь довольно много знаем о восьмидесятилетней давности прошлом этого «обычного места для приведения приговоров в исполнение». Но мы не в состоянии предсказать, каким станет Сандормох в недалеком будущем...

Сентябрь 2018

Фотоальбом

Поиск: 1 июля 1997

Момент истины: первые минуты после обнаружения расстрельной ямы. Сандормох. 01.07.1997. Фото Вениамина Иофе.

Юрий Дмитриев во время раскопок в урочище Сандормох. 01.07.1997. Фото Вениамина Иофе.

Столбик с номером на расстрельной яме урочища Сандормох. 02.07.1997. Фото Вениамина Иофе.

Открытие Мемориального кладбища: выступает глава местного самоуправления Медвежьегогорского района Гурген Андронович Гулиев. 27.10.1997. Фото Татьяны Косиновой.

Делегация Украины у памятного креста 27.10.1997. Фото Евгения Уварова.

Открытие Мемориального кладбища

Открытие Мемориального кладбища. 27.10.1997. Фото Евгения Уварова.

Открытие Мемориального кладбища. 27.10.1997. Фото Евгения Уварова.

Открытие Мемориального кладбища

У Соловецкого камня 27.10.1997. Фото на память. Родственники соловецких заключенных и исследователи, слева направо: Василий Вячеславович Бриллиантов, Элеонора Алексеевна Вангенгейм, Галина Федоровна Кривенко, Рада Михайловна Полоз, Лиана Михайловна Маринюк, Тамара Алексеевна Майорова, неизвестная, Гореслав Геннадьевич Шестак-Садовский, Юлия Ивановна Михайлова, Вячеслав Александрович Каштанов, Вениамин Викторович Иофе, Ирина Анатольевна Флиге. Фото Татьяны Косиновой.

Часовня Георгия Победоносца. 27.10.1997. Фото Татьяны Косиновой.

Венки и цветы у Соловецкого камня в день открытия Мемориального кладбища. 27.10.1997. Фото Элеоноры Вангенгейм.

Открытие Мемориального кладбища

Поминальная служба у православного креста в день открытия Мемориального кладбища. 27.10.1997. Фото Элеоноры Вангенгейм.

Священники и прихожане у католического креста в день открытия Мемориального кладбища. Фото на память. 27.10.1997. Фото Татьяны Косиновой.

Семейная память

Тамара Алексеевна Майорова пишет имя своего расстрелянного отца — Алексея Васильевича Смирнова. 27.10.1997. Фото Евгения Уварова.

Алексей Васильевич Смирнов — уроженец Владимирской губернии, член ВКП(б). Жил в Ленинграде, начальник кафедры философии и преподаватель Военно-медицинской академии, полковой комиссар. Арестован 5 октября 1936. Приговорен 28 декабря 1936 к 10 годам тюремного заключения. В заключении — в Соловецкой тюрьме. Приговорен 10 октября 1937. Расстрелян 4 ноября 1937.

Памятная табличка Илье Петровичу Жаркову установлена в день открытия Мемориального кладбища. 27.10.1997. Фото Евгения Уварова.

Илья Петрович Жарков — уроженец и житель деревни Широкие Поля Вырозерского сельсовета Заонежского района Карельской АССР. Работал председателем колхоза. Арестован 23 марта 1938. Приговорен 11 апреля 1938. Расстрелян 21 апреля 1938.

Таисия Федоровна Макарова с семьей у памятного знака отцу – Федору Николаевичу Леонтьеву. 05.08.2018. Фото Анны Артемьевой.

Федор Николаевич Леонтьев – уроженец и житель села Лобское Медвежьегорского района Карельской АССР, работал заведующим складом. Арестован 23 марта 1938. Расстрелян 22 апреля 1938 в урочище Сандормох.

Нина Михайловна Мастерова, дочь Нины Михайловны Маториной и племянница Ивана Александровича Коккина. 05.08.2018. Фото Давида Френкеля.

Иван Александрович Коккин родился в местечке Фабричная Слобода Ораниенбаумского уезда Санкт-Петербургской губернии. Перед арестом жил в Ленинграде. Управляющий трестом «Гипродрев», затем уполномоченный по заготовкам треста «Ленлес». Арестован 7 сентября 1936. В заключении – на Соловках. Расстрелян 1 ноября 1937 в урочище Сандормох.

Нина Михайловна Маторина родилась в селе Первитино Тверского уезда и губернии. Жила в Ленинграде, перед арестом – секретарь райисполкома на станции Плюсса Ленинградской области. Арестована 7 сентября 1936. В заключении – на Соловках. Расстреляна 2 ноября 1937 в урочище Сандормох.

Таисия Васильевна Тарасова (сидит) у памятного знака, посвященного ее отцу Василию Спиридоновичу Горбачеву. 05.08.2009. Фото Ирины Флиге.

Василий Спиридонович Горбачев – уроженец и житель деревни Слобода Медвежьегорского района Карельской АССР, работал лесником. Арестован 13 февраля 1938. Расстрелян 3 апреля 1938 в урочище Сандормох.

Галина Семеновна Зуева у памятного знака своему отцу Семену Григорьевичу Зуеву. 05.08.2015. Фото Натальи Шкуренко.

Семен Григорьевич Зуев родился на хуторе Новопьяновский Троицкого округа Уральской области. В 1933 выслан в Карельскую АССР, перед арестом жил в трудпоселке Накханое Белбалткомбината, работал счетоводом в сельхозартели. Арестован 26 сентября 1937. Расстрелян 20 октября 1937.

Надежда Викторовна Фролова (слева) с подругой у памятного знака, посвященного ее деду Михаилу Петровичу Суханову. 05.08.2015. Фото Егора Исаева.

Михаил Петрович Суханов – уроженец и житель Петрозаводска, работал старшим мастером на Онегзаводе. Арестован 10 декабря 1937. Расстрелян 8 января 1938.

Татьяна Федоровна Киприянова, дочь Федора Медведева и внучка Лазаря Мартынова, у таблички, посвященной их памяти. 05.08.2015. Фото Татьяны Косиновой.

Федор Васильевич Медведев родился и жил в деревне Пильдозеро Лоухского района Карельской АССР, карел, беспартийный, работал завхозом. Арестован 1 декабря 1937. Расстрелян 10 января 1938.

Лазарь Михайлович Мартынов родился в деревне Вонгозеро Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Перед арестом жил в городе Кемь Кемского района Карельской АССР, работал конюхом. Арестован 20 февраля 1938. Расстрелян 17 марта 1938.

У памятного креста Дмитрию Трофимовичу Кочанову. 05.08.2006. Фото Зузанны Богумил.

Дмитрий Трофимович Кочанов родился в Санкт-Петербурге. Жил в селе Великая Нива Заонежского района Карельской АССР, работал счетоводом. Арестован 5 апреля 1938. Расстрелян 21 апреля 1938.

Белова. На памятном кресте прикреплены памятные таблички с именем ее отца (Владимира Ивановича Белова), дяди (Сергея Васильевича Филина) и двоюродного деда (Василия Васильевича Лотакова), расстрелянных в Сандормохе. 05.08.2011. Фото Катрионы Басс.

Владимир Иванович Белов родился в деревне Ютева Гора Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Перед арестом жил в Петрозаводске, работал инспектором городской пожарной команды. Арестован 20 декабря 1937. Расстрелян 20 января 1938.

Сергей Васильевич Филин, уроженец и житель деревни Бор-Пуданцев Заонежского района Карельской АССР, работал в колхозе. Арестован 14 февраля 1938. Расстрелян 9 марта 1938.

Василий Васильевич Лотаков, уроженец и житель села Лахново Заонежского района Карельской АССР, чернорабочий. Арестован 21 декабря 1937. Расстрелян 8 января 1938.

Супруги Ивановы Николай Иванович и Фаина Васильевна (урожденная Ошукова) около памятных знаков родителям: Ивану Васильевичу Иванову и Василию Степановичу Ошукову. 05.08.2015. Фото Евгении Кулаковой.

Василий Степанович Ошуков, уроженец и житель деревни Любсельга Заонежского района Карельской АССР, перед арестом председатель колхоза. Арестован 17 февраля 1938. Расстрелян 9 марта 1938 в урочище Сандормох.

Иван Васильевич Иванов, уроженец и житель деревни Шуерецкое Кемского района Карельской АССР, рыбак. Арестован 17 марта 1938. Расстрелян 8 мая 1938 в окрестностях Петрозаводска, захоронен там же.

Валентина Владимировна Сухоплюева — дочь Владимира Ивановича

Валентина Григорьевна Балехова (справа) с сестрой Антониной Григорьевной у памятного знака дяде Андрею Егоровичу Кузину. 05.08.2015. Фото Евгении Кулаковой.

Андрей Егорович Кузин родился в деревне Поташова Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Жил в деревне Шуньга Заонежского района Карельской АССР, работал мастером. Арестован 4 апреля 1938. Расстрелян 21 апреля 1938.

Вениамин Викторович Иофе по просьбе А.Я. Розиной устанавливает памятную табличку ее сестре Евгении Яковлевне Мустанговой. 05.08.1999. Фото Анастасии Черкасовой.

Евгения Яковлевна Мустангова (Рабинович), уроженка Екатеринослава, критик, литературовед. Член Союза советских писателей, жила в Ленинграде. Арестована 29 ноября 1936. Приговорена 23 декабря 1936 к 10 годам тюремного заключения. В заключении — в Соловецкой тюрьме. Приговорена 10 октября 1937. Расстреляна 4 ноября 1937.

Роман Петрович Дмитриев, внук соловецкого заключенного Александра Александровича Мейера, (слева) и Виктор Флегонтович Волянец, сын соловецкого заключенного Флегонта Игнатьевича Волянца. 05.08.2015. Фото Ирины Флиге.

Флегонт Игнатьевич Волянец — уроженец города Вилейка Виленской губернии, с 1932 член КП Западной Белоруссии. С конца 1917 — городской голова города Вилейка, затем председатель горсовета. В 1928–1930 депутат польского Сейма от Западной Белоруссии. Арестован 30 августа 1930, приговорен к 16 годам каторжных работ. В СССР прибыл в 1932 по обмену политзаключенными с Польшей. Член коллегии Наркомхоза БССР. Арестован 31 августа 1933. Приговорен 9 января 1934 к 10 годам. В заключении — на Соловках. Приговорен 9 октября 1937. Расстрелян 3 ноября 1937.

Александр Александрович Мейер — философ, переводчик, религиозный и общественный деятель. Жил и работал в Ленинграде. Один из учредителей Вольной философской ассоциации. В декабре 1917 организовал религиозно-философский кружок «Воскресение». Арестован 11 декабря 1928, приговорен 22 июля 1929 к 10 годам концлагеря. В заключении — в Соловецком лагере, затем в Белбалтлаге (Медвежья Гора). После освобождения работал техником-гидрологом на строительстве канала «Москва-Волга». Умер 19 июня 1939 в Ленинграде, похоронен на Волковском лютеранском кладбище.

Валентина Ивановна Парфенова у памятного знака своему дедушке
Илье Дмитриевичу Ковтуновичу, расстрелянному в Сандормохе. 05.08.2013.
Фото Ирины Флиге.

*Илья Дмитриевич Ковтунович — уроженец Киева. Капитан I ранга, командир
крейсера «Коминтерн», жил в Севастополе. Арестован и приговорен в 1927.
В заключении — в Белбалтлаге. В 1933 досрочно освобожден. Жил в селе Повенец
Медвежьегорского района, работал начальником обстановки Беломорско-
Балтийского канала. Арестован 26 февраля 1938. Приговорен 21 марта 1938.
Расстрелян 10 апреля 1938.*

Символическая могила Дениса Васильевича Миронюка на Мемориальном
кладбище. 05.08.2007. Фото Надежды Киселевой.

*Денис Васильевич Миронюк родился в Украине. Жил в селе Комаровка
Славутского района Хмельницкой области, крестьянин-единоличник.
В 1933 приговорен к трем годам ссылки в Северный край. Перед арестом
жил в селе Пиндуши Медвежьегорского района Карельской АССР. Арестован
17 ноября 1937. Расстрелян 24 февраля 1938.*

Поминальная церемония у креста, посвященного архиепископу Дамиану (Воскресенскому), расстрелянному в составе Соловецкого этапа. Церемонию ведет монахиня Иустина, представитель Историко-архивной комиссии Курской митрополии РПЦ. 05.08.2018. Фото Дениса Долгополова.

Епископ Варяжский и Балтийский Апостольской православной церкви о. Григорий Михнов-Вайтенко совершает поминальную службу. 05.08.2018. Фото Дениса Долгополова.

Казачи Карелии на церемонии открытия памятника казакам – жертвам политических репрессий. 05.08.2015. Фото Ирины Флиге.

Дмитрий Иванов устанавливает табличку: «В ноябре 1937 года здесь вместе с прочими были расстреляны анархисты: Лия Аксенова (1889–1937), Николай Владимирский (1907–1937), Григорий Волков (1888–1937), Павел Герасимчук (1891–1937), Ананий Семенов (1889–1937), Давид Скиталец-Едиткин (1893–1937), Андрей Шайкевич (1908–1937). Анархический Черный Крест / Kate Sharpley Library». 05.08.2016. Фото Надежды Киселевой.

Коллективная память

У информационного памятного знака. 05.08.2007. Фото Надежды Киселевой.

Теймур Керимович Казиев, сын расстрелянной в Сандормохе Анны Вячеславовны Бриллиантовой, возлагает цветы к Соловецкому камню. 05.08.2007. Фото Надежды Киселевой.

Бриллиантова Анна Вячеславовна, студентка биологического факультета МГУ. Арестована в 1933. Приговорена 19.02.1934 к 8 годам. В заключении – в Соловецком лагере, работала помощником агронома сельскохозяйственного опытного поля, играла в лагерном театре. Состояла в лагерном браке с заключенным К.В. Казиевым, главным агрономом опытного поля. 19.04.1936 родила сына Теймура. Приговорена 09.10.1937. Расстреляна 03.11.1937.

Дмитрий Цвибель трубит в шофар во время траурной церемонии у еврейского памятника. 05.08.2011. Фото Ирины Флиге.

Литовская делегация на открытии памятника «Литовцам – узникам и жертвам Гулага». 05.08.2008. Фото Ярослава Дрозда.

Коллективная память

Траурный митинг у Соловецкого камня 05.08.1999. Выступает Вениамин Иофе. Фото Анастасии Черкасовой.

Грузинская делегация на Мемориальном кладбище. 05.08.2000. Фото Вениамина Иофе.

Траурный митинг у Соловецкого камня 05.08.2013. Выступает Юрий Дмитриев. Фото Олега Мисилюка.

Жители Карелии на траурном митинге в День памяти 05.08.2006. Фото Зуанны Богумил.

Коллективная память

Траурный митинг
в День памяти
05.08.2006. Фото
Зузанны Богумил.

Участники
Карельского общества
дружбы с Эстонией
«Очаг» у эстонского
памятного знака.
05.08.2015. Фото
Натали Шкуренко.

Крестный ход на Мемориальное кладбище. 05.08.2015. Фото Натали Шкуренко.

Поминальная молитва (дуа) за единоверцев, расстрелянных в урочище Сандормох (в центре – Висам Бардвил, председатель первой мусульманской общины Петрозаводска). 05.08.2001. Фото Вениамина Иофе.

Члены Карельской региональной общественной организации «Общество вайнахской культуры» и члены делегаций из Чечни и Ингушетии на церемонии открытия памятника расстрелянным вайнахам – чеченцам и ингушам. 05.08.2011. Фото Ирины Флиге.

Шейх Висам Бардвил читает поминальную молитву (дуа) у вайнахского памятника. 05.08.2011. Фото Катрины Басс.

Группа мусульман читает поминальную молитву (дуа) у вайнахского памятника. 05.08.2013. Фото Оксаны Юрковой.

Коллективная память

Украинская делегация на траурном митинге у Соловецкого камня. 05.08.2006. Фото Зузанны Богумил.

Украинская делегация у памятника «Казацкий крест». 05.08.2007. Фото Владислава Грибовського.

Поминальная молитва у памятника «Казацкий крест». Служит протоиерей УАПЦ о. Владимир Черпак. 05.08.2007. Фото Надежды Киселевой.

Украинская делегация на траурном митинге у Соловецкого камня. 05.08.2008. Фото Александра Букалова.

Коллективная память

Украинская делегация. 05.08.2013. Фото Оксаны Юрковой.

Генеральный консул Украины в Санкт-Петербурге Леся Лозинска с представителями украинской диаспоры Карелии у памятника «Казацкий крест». 05.08.2016. Справа налево: Андрей Литвин, Леся Лозинска, водитель Генерального консульства, Лариса Скрипикова, Виктор Лавренко, Олег Мисилюк. Фото Алекс Гагариновой.

Коллективная память

Польская делегация на открытии памятника. 05.08.2008. Фото Анны Дембовской.

Поминальную молитву у католического креста читает о. Михаил Цымляков. 05.08.2017. Фото Надежды Киселевой.

Чешская табличка посвящена чехам и гражданам Чехословакии – жертвам политических репрессий. Выполнена из бумаги, ламинирована и прикреплена к стволу дерева. Надпись на русском и чешском языках: «В этих местах с октября по декабрь 1937 года были расстреляны и захоронены в братской могиле вместе с сотнями других невинных жертв политических репрессий чехи и чехословацкие граждане: Отто Клайнерт (1908), Йозеф Балаш (1895), Антонин Павлас (1897), Йозеф Пиха-Петровски (1896), Александр Вавржин (1895), Марие Длоуга (1892), Владимир Крейчи (1898). Честь их памяти». Установлена Яном Дворжаком в августе 2015 во время съемок документального фильма о чехословацких гражданах в Гулаге. 21.07.2016. Фото Александра Соло.

Казачи Карелии на траурной церемонии 05.08.2015. Фото Януша Кобрыня.
Казачи Карелии на траурной церемонии 05.08.2018. Фото Давида Френкеля.

Ирина Флиге и Юрий Дмитриев ведут траурный митинг в День памяти 05.08.2016. Фото Надежды Киселевой.

Траурная церемония в День памяти 05.08.2018. Фото Давида Френкеля.

Общие памятники

Католический крест посвящен памяти поляков – узников Соловков, католических священников и мирян, расстрелянных и захороненных в урочище Сандормох. Высокий, около трех метров, деревянный крест возвышается над трапециевидным помостом. Перед ним укреплена гранитная доска с надписью на польском и русском языках: «К 60-летию. Соловецким узникам-полякам и священникам, которые нашли место вечного покоя на этой земле. 27.10.1997 г. Соотечественники». Церемония открытия и освящения креста состоялась 27.10.1997, в день открытия Мемориального кладбища. В 2013 в перекрестии была установлена фигура распятого Спасителя, а у подножия креста – вторая табличка с надписью: «В память о христианах-католиках, сыновьях и дочерях разных народов, легших в лихолетье в эту землю и ожидающих здесь дня Господня. Да покоятся в мире». Фото Александра Соло. 21.07.2016.

Православный поклонный крест установлен в память о расстрелянных и захороненных в урочище Сандормох в 1937–1938 годах. Восьмиконечный крест-голубец на срубе из бруса установлен в 1997. Освящение креста состоялось 27.10.1997, в день открытия Мемориального кладбища. Фото Катрины Басс. 04.08.2011.

Общие памятники

Соловецкий камень — гранитный валун с надписью на табличке: «Здесь с 27 октября по 4 ноября 1937 г. были расстреляны 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы». Открыт 27.10.1997, в день открытия Мемориального кладбища. Фото Ирины Флиге. 04.08.2011.

Памятный дубовый крест с посвящением «Убієнним синам України» вытесан украинским скульптором Николаем (Миколой) Малышко и привезен украинской делегацией из Киева в Медвежьегорск. 27 октября 1997, в день открытия Мемориального кладбища, крест установил бывший политзаключенный Евгений Сверстюк. Фото Катрионы Басс. 04.08.2011.

Общие памятники

Часовня Георгия Победоносца на Мемориальном кладбище «Сандормох» была построена к открытию Мемориального кладбища. Архитектор Э.В. Воскресенский, проектировщик В.В. Большаков. В часовне хранятся поминальные списки захороненных в Сандормохе. На одной из стен внутри часовни прикреплена мемориальная доска в память последнего священника Повенецкой церкви И.Е. Максимова, расстрелянного в Сандормохе. Фото Ирины Флиге. 04.08.2011.

Закладной камень памятника жертвам политических репрессий перед входом на Мемориальном кладбище. Установлен 27.10.1997. Фото Татьяны Косиновой.

«Расстрел с ангелом-хранителем» — памятник жертвам политических репрессий. Гранитная глыба со скульптурным барельефом и надписью «Люди, не убивайте друг друга» установлена во входной зоне мемориала. Скульптор Г.Б. Салтуп. Открытие состоялось 22.08.1998. Фото Зузанны Богумил. 05.08.2006.

Информационный памятный знак установлен по инициативе Ю. Дмитриева летом 1999. Гранитный валун с текстом на мраморной плите: «Здесь, в урочище Сандармох, месте массовых расстрелов, с 1934 по 1941 годы убиты свыше 7 тысяч ни в чем не повинных людей: жителей Карелии, заключенных и спецпоселенцев Белбалтлага, узников Соловецкой тюрьмы. Помните о нас, люди! Не убивайте друг друга!» Фото Зузанны Богумил. 05.08.2006.

«Расстрел с ангелом-хранителем». На табличке рядом надпись: «Барельеф "Расстрел с ангелом-хранителем" (автор Г.Б. Салтуп) находится в г. Петрозаводске в связи с решением вопроса о его восстановлении». Фото Надежды Киселевой. 05.08.2007.

«Расстрел с ангелом-хранителем». Фото Оксаны Юрковой. 05.08.2013.

Общие памятники

Памятник погибшим мусульманам — стела из черного гранита с надписями на русском и арабском языках: «Мир вам, о лежащие здесь верующие и мусульмане». Открыт 05.08.2003. Фото Ирины Флиге. 05.08.2007.

«Козацкий крест» — памятник погибшим украинцам. Высокий (около 3 метров) крест из серого гранита с посвящением «Убієнним синам України» водружен на холме, напоминающем курган. Создан по проекту скульпторов Николая (Микола) Малышко и Назара Билька. Крест установлен и освящен 09.10.2004, торжественная церемония открытия памятника состоялась 05.08.2005. Фото Алекс Гагариновой. 05.08.2016.

Общие памятники

Еврейский памятник посвящен всем евреям, пострадавшим от политических репрессий в России в XX веке, среди них и тем, кто был расстрелян в урочище Сандормох. На стеле из черного полированного габбро-диабазы текст на иврите и русском языке «Им дам Я в доме Моем и в стенах Моих память и имя, которые не изглажаются. Исая, 56:5». Авторы – Е. Калинин и А. Ланда. Установлен 14.06.2005. Фото Ирины Флиге. 05.08.2009.

Памятник литовцам – узникам и жертвам Гулага. На стеле из серого карельского гранита, увенчанной склоненным католическим крестом, надписи на литовском, русском и английском языках: «Литовцам – узникам и жертвам Гулага». Монумент выполнен скульптором Александром Кимом по проекту скульптора Йонаса Ягелы. Торжественно открыт 05.08.2008. Фото Ирины Флиге. 04.08.2011.

Польский памятник. На стеле из черного габбро-диабазы изображен католический крест. Слева и справа от креста надписи на польском и русском языках: «Памяти поляков, невинных жертв сталинских репрессий». Установлен 26.10.2007, торжественно открыт 05.08.2008. В июне 2013 к памятнику был перенесен небольшой католический крест, ранее установленный на Мемориальном кладбище группой польских студентов; надпись на табличке на польском языке: «Памяти поляков, жертв коммунистической системы, которые здесь погибли, как и во всех уголках советской России. Студенты из Польши. Июль 2007». Фото Катрионы Басс. 04.08.2011.

Памятник эстонцам, расстрелянным в Сандормохе. Стела из шокшинского малинового кварцита, на табличке высечен крест, по сторонам которого расположены надписи на эстонском и русском языках: «Здесь покоятся эстонцы, невинные жертвы сталинских репрессий. 1937–1938». Автор проекта — архитектор А.М. Варухин. Церемония открытия состоялась 03.11.2007. Фото Ирины Флиге. 05.08.2008.

Общие памятники

Карельский поклонный крест-голубец, посвященный памяти карелов, расстрелянных в 1937–1938 в урочище Сандормох. На средней перекладине резного восьмиконечного креста вырезан текст на карельском языке: «Упокой, Господи, души раб Твоих». Церемония освящения состоялась 05.08.2010. Фото Катрионы Басс. 04.08.2011.

Вайнахский памятник. На стеле из черного габбро-диабазы — посвящения на ингушском и русском языках: «Невинноубиенным Вайнахам (Чеченцам и Ингушам)», в верхнем левом углу изображение полумесяца со звездой. Фото Александра Соло. 21.07.2016.

Памятник российским немцам, расстрелянным в Сандормохе. На стеле из черного мрамора высечен прямой четырехконечный крест и изображение Девы Марии. В центре — надписи на русском и немецком языках: «Российским немцам — жертвам репрессий. Скорбим, помним... Потомки». Открыт 23.06.2012, во время официальных церемоний, посвященных дню освобождения Медвежьегорска от финской оккупации. Фото Александра Соло. 21.07.2016.

Памятник жителям поселка Чупа Лоухского района Карелии — традиционный поморский крест-голубец, надпись на табличке: «Землякам, жертвам сталинского террора. Помним, скорбим. Жители Чупинского городского поселения». Церемония открытия и освящения состоялась 21.11.2012. Фото Ирины Флиге. 05.08.2013.

Памятный знак финнам установлен по инициативе членов финского мотоклуба «Ural Roikka» в 2012 или 2013 году. На металлической табличке выгравирована надпись на финском и русском языках: «В память финских жертв». К табличке прикреплен вымпел мотоклуба. Фото Ирины Флиге. 05.08.2013.

Казачий памятный крест установлен казаками Медвежьегорского района. Деревянный восьмиконечный крест с табличкой в перекрестии. Надпись: «Сей поклонный крест установлен казаками Медвежьегорского района в память о невинно убиенных казаках. Помолитесь о них, люди добрые. Освящен 5 августа 2013 года священнослужителем Петрозаводской и Карельской епархии иереем Романом (Соболев). Да послужит этот святой крест защитой нам от всех врагов земли русской». Фото Керстин Баур. 03.08.2015.

Общие памятники

«От жителей Петрозаводска» – памятная плита жертвам политических репрессий. Текст высечен на фоне стилизованной колючей проволоки: «Жертвам политических репрессий. От жителей города Петрозаводска». Рядом помещена информационная табличка: «Памятная доска установлена 17 мая 2014 г. КРОО «Мотоклуб 'Северный народ'», КРОО «Общество дружбы 'Карелия-Финляндия'» при поддержке Администрации Петрозаводского городского округа». Открытие памятника состоялось 17.05.2014, акция была приурочена к началу мотосезона 2014 года в Карелии. Фото Ирины Флиге. 05.08.2014.

Памятник расстрелянным финнам – закладная плита памятника с надписью на русском и финском языках: «На этом месте по инициативе Ингерманландского союза финнов Карелии будет установлен памятник невинно расстрелянным финнам». Установлена в июле 2014. Фото Ирины Флиге. 05.08.2014.

Памятный крест молдаванам — деревянный восьмиконечный крест с табличкой в перекрестии. Надпись на русском и молдавском языках: «В память молдаванам/румынам, жертвам политических репрессий. 29.VII.2015». Фото Алекс Гагариновой. 05.08.2016.

Памятник казакам Карелии — жертвам политических репрессий. Гранитная стела с надписью на лицевой стороне: «Вечная память казакам — жертвам политических репрессий. От казаков ОКО РК. Август 2015 года». Мемориальная плита была освящена в Петрозаводске 28.07.2015, в День крещения Руси. Церемония открытия памятника состоялась 05.08.2015 в рамках мероприятий Международных дней памяти в Сандормохе. Фото Александра Соло. 21.07.2016.

Памятный знак финнам — жертвам политических репрессий. Объемное изображение национального флага Финляндии выполнено из дерева и прикреплено к стволу сосны. Справа на торце «флага» табличка с текстом на финском языке: «Финским жертвам вечная память». Далее следует список из семи имен (предположительно участников миссии, которые устанавливали знак) и дата «10.7.2015». Ниже прикреплен ламинированный лист бумаги с посвящением на финском языке: «Памяти финнов — жертв террора», изображениями государственного флага Финляндии и герба Финской Карелии. Фото Керстин Баур. 03.08.2015.

Памятный знак татарам — на стеле из черного габбро-диабазы надписи на русском и татарском языках: «Помним» и «Памятник татарам — жертвам политических репрессий 1937–1938», внизу надпись: «Российский фонд культуры, Карельский филиал» (нанесена в 2016). Изображение на лицевой стороне символизирует поднебесье, неоконченную жизнь, а мерцающие звезды говорят о том, что эта жизнь все же продолжается. Открытие памятника состоялось 28.08.2015. Фото Александра Соло. 21.07.2016.

Общие памятники

Грузинский памятник. Металлический крест укреплен на высоком прямоугольном постаменте, по его сторонам две гранитные стелы: на левой выбита надпись на русском языке: «Сынам Грузии», на правой — изображение флага Грузии и надпись: «Общество Грузинской культуры». Установлен в ноябре 2015. Фото Александра Соло. 21.07.2016.

Памятник марицам — плита с надписью на марицком и русском языках: «1937–1938. Вечная память. От марицкого народа». Установлен в конце августа 2016. Фото Дениса Долгополова. 05.08.2018.

Общие памятники

Памятник русским — каменная стела с надписью: «Русским людям, невинно убиенным в урочище "Сандармох"». Памятник установлен рядом с Соловецким камнем на том месте, где ранее был помост для выступающих на траурных митингах. Открыт 30.10.2016. Фото Надежды Киселевой. 05.08.2017.

Азербайджанский памятник посвящен уроженцам Азербайджана, расстрелянным в Сандармохе. Ошлифованный с одной стороны валун габбро-диабазы, по форме напоминающий языки пламени. На лицевой стороне изображен полумесяц со звездой и костер, выбиты слова на русском и азербайджанском языках: «Народ Азербайджана помнит и скорбит о вас. Упокой тебя Аллах. От общества азербайджанцев "Одлар Юрду" ("Страна огня)". Открытие состоялось 30.10.2017. Фото Елены Кондрахиной. 05.08.2018.

*«Пока не будет прочитана последняя строка,
занавес не может опуститься...»*

Из кинофильма «Якоб-лжец»
(1999; Франция, Венгрия, США).
Режиссер — Петер Кассовиц.

Ирина Флиге
Сандормох: драматургия смыслов

Редакторы — А.Ю. Даниэль, О.Р. Николаев
Корректоры — Е.В. Русакова, Т.М. Моргачева, Д.М. Капитонов
Художественное оформление и верстка — А.Ю. Ходот

В книге приведены фотографии,
сделанные разными авторами и переданные ими
в архив Научно-информационного центра «Мемориал»:
А. Артемьевой, К. Басс, К. Баур, З. Богумил, А. Букаловым,
Э. Вангенгейм, А. Гагариновой, В. Грибовским, А. Дембовской,
Д. Долгополовым, Я. Дроздом, В. Иофе, Е. Исаевым, Н. Киселевой,
Я. Кобрынем, Е. Кондрахиной, Т. Косиновой, Е. Кулаковой,
О. Мисилюком, А. Соло, Е. Уваровым, И. Флиге, Д. Френкелем,
А. Черкасовой, Н. Шкурунок, О. Юрковой.